

№ 11

2008

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

- С. Кулакова.** В плену у жизни. *Роман (окончание)* 3
Н. Зайцев. Так сказал Моисей. *Рассказ* 43
В. Гаврилко. Два рассказа (*Как я была ведьмой;*
Моя нежная смерть) 69

Поэзия

- А. Поминов.** От первого лица. *Стихи* 37
В. Штемпель. Непричальные корабли. *Стихи* 62
С. Комракова. «Я сегодня летала во сне...». *Стихи* 75

Документальная проза

С. Жагипаров. «Стёрлось детство с веснушчатых лиц...» 79

Культура. Общество. Личность

К 80-летию со дня рождения Калтая Мухамеджанова

А. Матвеев. Да святится имя твоё 98

Далёкое — близкое

Г. Кудайбергенов. Его Величество Случай

(Армянские невестки Казахстана:

Свела судьба Ерлана и Назгуль)(продолжение) 102

Искусство

Ю. Бочарова. На солнечной стороне жизни 126

В семейном кругу

Д. Джумагельдинова. Еркегали по прозвищу «Кошмарик»

(повесть) 127

Параллели и меридианы

А. Бакытова. Соседи по планете.

Филадельфийская хроника 152

Приключения. Детектив. Фантастика

О. Громько. Человекопризнаки;

Эти облака напоминают горы. Рассказы 165

Изоальбом «Нивы»: из работ Веры Гаврилко.

Светлана КУЛАКОВА

В плену у жизни

Роман

(Окончание. Начало в № № 7-10 за 2008 г.)

37

Как полагали Тавлуева и Вильма, факт исцеления Маруси остался незамеченным в среде официальной медицины. Вряд ли Алфёрова, рядовой врач, станет афишировать “ошибку диагностики”. И это не так уж плохо. Они спокойно, без помех извне, продолжают своё дело, вслед за Марусей другие больные постепенно будут фиксировать в лечебном учреждении своё выздоровление, и когда фактов будет достаточно, они опубликуют сообщение, подтверждённое конкретными историями болезней.

Ничто не предвещало неприятностей, и вдруг Вильма обнаружила, что в её столе кто-то рылся: то, что находилось на дне ящика, теперь лежало сверху.

Если это был банальный воришка, искавший, чем бы поживиться — пудреницей, губной помадой или ещё какой-либо вещицей, он бы облазил и другие столы, но коллеги не жаловались, следовательно, обыску был подвергнут только её стол и любопытствующий не был озабочен, чтобы скрыть свой интерес, иначе был бы аккуратнее.

Вильма укладывала содержимое ящика в прежнем порядке, чтобы сверху лежали бумаги, требующиеся повседневно, когда Выходцев вышел из своего кабинета и направился к её столу. Он навис над нею как тяжёлая глыба и спросил, испытующе глядя ей в глаза:

— Что случилось?

Теплившийся луч надежды, что Выходцев искал у неё в столе какой-нибудь старый журнал, под этим взглядом потух, но паниковать пока ещё не было повода — никаких компрометирующих документов она в столе не держала, методика Тавлуевой была у неё в сумочке, а дневники больных находились дома, и Вильма ответила спокойно:

— Кто-то рылся в моём столе.

— Зайди, — коротко бросил Выходцев и, круто развернувшись, удалился к себе. — Закрой плотно дверь, — приказал, когда она вошла.

Если раньше в обращении на “ты” чувствовалось дружеское расположение, то теперь “ты” звучало грубо и унижающе.

— Где методика Тавлуевой? — спросил он отчуждённо, не пригласив сестру.

— Какая методика? — спросила Вильма. — У неё всё в столе, она так сказала, когда я навещала её в больнице.

— Не надо, ты знаешь, о чём речь, — жёстко прервал её Выходцев, — я имею в виду вакцину против рака.

— У меня её нет, — ответила Вильма.

— Ладно, — зловец сказал Выходцев, — иди работай.

Сам он вскоре куда-то исчез и до конца рабочего дня не появился.

— Весьма верно, он наведается к Александре Ионовне, а у ней и так нервы на пределе из-за физической беспомощности. Я закончу дела и

зайду к ней, — пообещал Данилов, когда Вильма рассказала ему о домогательствах Выходцева.

А дома её ждал сюрприз.

— Приём прошёл по высшему разряду, Вильмочка, — оптимистично заявила баба Настя, очень довольная собой, встречая её у калитки. — Я его чаем напоила с вишнёвым вареньем, кажется, он остался доволен.

— Кого вы чаем напоили? — спросила Вильма рассеянно, без всякого интереса, занятая своими мыслями.

— Как кого? Твоего начальника! Разве он тебе не сказал?

Вильма опешила.

— И что ему надо было от вас?

— Он сказал, что ты забыла дома какие-то бумаги, но посылать тебя не стал, потому что у тебя срочная работа, а пошёл сам. Ой, Вильмочка, что-то не так? — баба Настя схватилась за голову, видя, как мрачнеет лицо Вильмы.

— Вы его впустили в мою комнату?

— А как же иначе, ведь бумаги там, — пролепетала баба Настя.

— Дожить до седых волос и быть такой растяпой! — в ярости сказала Вильма. — Вы не имели права впускать его в мою комнату, да и вам там делать нечего!

Она прошла к себе, захлопнув дверь перед носом испуганной бабы Насти, и кинулась к тумбочке. Дневников вакцинации на месте не было.

Это был крах. И всё из-за безмозглой старухи! Не впусти она Выходцева в её комнату, дневники не попали бы ему в руки, и он, не имея доказательств, только догадывался бы о её причастности к вакцине. Пусть как угодно это обзывают — индивидуализмом, эгоизмом, но теперь она ещё больше укрепилась во мнении, что с людьми надо держать дистанцию. Поведи она себя с бабой Настей официально, не допусти либерализма в отношениях, и та не посмела бы даже открыть дверь её комнаты. А тот — каков мерзавец! Не постеснялся прибегнуть к такому низкому средству, как проникнуть в чужую комнату, копаться в чужих вещах, обманув доверчивую старуху. Теперь он не отстанет от неё, добиваясь методики, а она не считает себя вправе без согласия Тавлуевой распорядиться её открытием. В данной ситуации для Вильмы было бы благом, если бы Выходцев сумел заполучить согласие самой Тавлуевой использовать её методику. В таком случае он бы добился разрешения на легальное испытание вакцины и, возможно, привлёк бы к работе и её, так как она уже освоила методику. Но это был бы слишком благоприятный для неё вариант, о котором можно только мечтать, Тавлуева не рискнёт потерять авторство, и теперь расхлёбывать заваруху придётся ей.

На следующее утро, прежде чем пройти к себе в лабораторию, она спустилась в полуподвал вивария к Данилову.

— Пётр Степанович, вы и представить себе не можете, что произошло, — сокрушённо сказала она вместо приветствия.

— Как это случилось? — Данилов закрыл клетку с мышами и подставил под кран ладони. — Он же ничего не нашёл в вашем столе.

— О, я недооценила его ловкость и наглость, мне даже в голову не могло прийти, что человек его ранга может так опуститься, — и она рассказала о вчерашнем вторжении Выходцева. — Но как я поняла, у вас тоже есть что мне рассказать. Вы спросили: “Как это случилось?”, — следовательно, вы уже знали, что это случилось.

— Да, он с дневниками прибежал к Александре Ионовне, мне рассказала Клава, она в то время была там, требовал методику приготовления вакцины, а когда Александра Ионовна сказала, что у неё методики нет, орал, грозил посадить, в тюрьме сгноить. Боюсь, Вильма Антоновна, он не оставит вас в покое, потому что Александра Ионовна вне его досягаемости, у неё случился сердечный приступ и её увезли в больницу. Но будьте уверены, что Маруся и другие женщины, если надо будет, засвидетельствуют положительный эффект от вакцинации.

— Я шла к вам с намерением уведомить, что прекращаю вакцинацию, пока не уляжется весь сыр-бор, но теперь думаю, что вакцинацию надо продолжить, чтобы самочувствие больных не ухудшилось, если придётся где-то доказывать свою правоту. Только надо усилить конспирацию. Я вам составлю расписание, когда Выходцев читает лекции в институте, а вы, исходя из него, составьте график вакцинации на часы, когда он здесь отсутствует, и известите наших подопечных.

— Хорошо, Вильма Антоновна, — ответил Данилов, провожая её к двери, — крепитесь, вы делаете благородное дело.

Так поздно, перед самым звонком, Вильма ещё никогда не приходила на работу. Шпалера Леночкиных поклонников, выстроившаяся вдоль коридора, не то ещё дожидалась свою принцессу, не то уже отдала ежеутренние почести, но не успела разойтись и теперь не прочь была перекинуться словом и с ней, заявить о себе, блеснуть остроумием, но Вильма не была расположена и ограничилась официальным приветствием.

До обеда Выходцев в лаборатории не появился, хотя по расписанию в это время у него лекций не было, и это наводило на мысль о готовящейся пакости. Незнание мешало сосредоточиться на работе. Что бы там ни говорил Данилов о благородстве миссии, она понимала, что попала в западню. Она не имела права проводить испытания без разрешения соответствующих инстанций, и теперь целиком и полностью была во власти Выходцева.

Наконец, незадолго до окончания рабочего дня, он явился. Впрочем, явился — не то слово. Круглый, приземистый, в распахнутом пиджаке, с портфелем в отведённой назад руке он влетел победителем, на ходу поздоровался и, не сбавляя скорости, проследовал в свой кабинет, не прикрыв за собой дверь. Было слышно, как пыхтя и отдуваясь, он напился, звякнув стаканом о графин, уселся, заскрипев стулом, щёлкнул застёжкой портфеля и затих, время от времени шелестя бумагой.

Маша приготовила чай, занесла ему чашку.

— Как настроение? — спросила её Ася одними губами, кивнув в сторону шефа. Она собиралась отпроситься у него уйти пораньше и боялась попасть под горячую руку.

— Вполне, — вполголоса ответила Маша.

Вильма чувствовала: это торжество охотника, загнавшего жертву.

Спустя несколько минут вышел он сам, как будто за второй чашкой чая, но Вильма не сомневалась — чтобы посмотреть на неё, на жертву, и решить, как с ней дальше поступить. Он остановился перед ней, держа в руке чашку с чаем, переступая с пяток на носки и обратно, испытующе глядя ей в глаза. Она выдержала его взгляд, стараясь быть бесстрастной и спокойной.

Тем временем Ася изложила свою просьбу. Отпустив её, он вернулся к себе в кабинет и подал голос только в самом конце, когда все засобирались уходить:

— Касеванова, задержись!

Лена с Машей, видимо, уловили жёсткую интонацию и, уходя, жестами ободрили её: крепись!

Прежде чем выйти к ней, Выходцев выдержал длительную паузу, очевидно рассчитанную поколебать её стойкость, сломить дух.

Обождая минут пять, в пику ему, чтобы не думал, что она сидит, дрожа от страха, Вильма включила центрифугу, занялась тем, что было отложено на завтра.

Наконец заскрипел стул, она спиной почувствовала, что Выходцев стоит в дверях, но не обернулась, демонстративно продолжая занятие.

— Сядь, — сказал он повелительно и, взяв стул, уселся на него верхом перед её столом. Она села на своё место. — Ты хоть осознаёшь, в какую авантюру ввязалась? — снисходительно, с оттенком пренебрежения, спросил Выходцев.

Это уж точно — ввязалась, — подумала Вильма, но вслух твёрдо ответила:

— Если считать помощь больным авантурой, то да. Вы, наверное, просмотрели дневники больных и не могли не заметить, что их самочувствие значительно улучшилось.

— Улучшилось, — скептически повторил Выходцев, — да это их субъективное мнение, они выдают желаемое за действительное.

— Есть и объективное заключение, — возразила Вильма. — Одна из них была на приёме у врача, и та даже не поверила, что это её карточка и её диагноз.

— И правильно сделала, что не поверила, потому что диагноз был поставлен ошибочный.

— Не могли же всем поставить ошибочный диагноз, — пожала плечами Вильма.

Её занимал вопрос, как Выходцеву стало известно о вакцинации больных, связано ли это с визитом Маруси к врачу, и она задала провокационный вопрос:

— Алфёрова на полном серьёзе признаёт ошибочность диагноза?

Он остро взглянул ей в глаза, поняв её уловку, и ответил:

— Алфёрова моя сестра, что мне нужно будет, то она и признает.

Вильма внутренне ахнула: даже случай на стороне этого прощельяги! Надо же было случиться такому совпадению, что Маруся попала на приём к его сестре, та рассказала о необычном, редком случае брату, тот, зная о разработках Тавлуевой, смекнул что к чему, откуда чудесное исцеление, но так как Тавлуева беспомощна, он направил свой нюх по её, Вильминому, следу, безошибочно предположив, что Тавлуева могла подключить к испытаниям только её.

— Согласись, — продолжал между тем Выходцев, — мы с тобой до сих пор неплохо ладили.

Ещё бы, мысленно парировала Вильма, я додумывала, развивала, доводила, претворяла в жизнь твои научные догадки, версии.

— И могли бы и дальше плодотворно сотрудничать, — вкрадчиво добавил Выходцев, — дай мне методику изготовления вакцины. Я улажу все формальности, связанные с получением разрешения на её испытания, и ты продолжишь свою работу, но только в условиях клиники.

Для неё это был бы идеальный выход, но было препятствие морально-го плана — Тавлуева, и Вильма ответила:

— Я не могу без согласия Тавлуевой распорядиться её открытием, вам надо говорить с ней.

Его лицо и лысина мгновенно побагровели, толстыми пальцами он скрутил мясистый, мерзкий, отвратительный кукиш и, вскинув его перед её лицом, злобно сказал:

— Вот ей! Эта старая развалина уже ни на что не способна. Соглашайся, пока я с тобой говорю по-доброму. Ну? — он выжидательно уставился на неё.

Если до сих пор Вильма была настроена на какой-нибудь компромисс, то теперь и её охватила злорада к этому беспардонному зарвавшемуся субъекту, норовившему влезть в науку по трупам, и, опустив глаза, чтобы скрыть обуревавшие её чувства, она твёрдо ответила:

— Только с согласия Тавлуевой, она автор.

— Ладно, — с угрозой в голосе сказал он и ушёл к себе.

Что это? — задавалась вопросом Вильма, — тупость или наглость? Недостаток интеллекта, непонимание, что он унижает себя, или циничное пренебрежение зарвавшегося наглеца к мнению подчинённых? Скорее всего, второе.

Следовало бы навестить Тавлуеву в больнице, но Вильма не пошла, потому что в глубине души ей хотелось, чтобы эта тягостная ситуация скорее как-то разрешилась, в конце концов, для пользы дела, для множества больных, страдающих по своим углам, нет разницы, кто автор спасительного метода лечения, но не скажешь же Тавлуевой: чёрт с ним, отдайте ему авторство.

От неё самой мало что зависело в разрешении ситуации, и она продолжала жить и работать в прежнем режиме, проводя вакцинацию в часы, когда Выходцев читал лекции.

Прошло несколько дней, и как-то Татьяна, одна из пациенток, придя на вакцинацию, призналась, что воодушевлённая примером Маруси, по собственной инициативе решила показаться врачу, чтобы получить подтверждение своим обнадёживающим ощущениям. Однако в регистратуре не нашли её карточку.

Вильма не придавала этому значения — карточку могли засунуть не на своё место и со временем она обнаружится. Но Данилов заподозрил неладное. Ничего ей не сказав, он велел всем вакцинируемым, включая Марусю, обратиться в регистратуру, и получил подтверждение своей догадке. Все четыре карточки исчезли.

— Вильма Антоновна, у меня плохие новости, — сказал он, когда Вильма, введя Марусе вакцину, складывала в кипятильник инструмент. — Вероятно, с помощью своей сестры Выходцев изъясил карточки больных, дневники которых он похитил у вас. Теперь, не имея исходной информации о состоянии больных, течении заболевания до вакцинации, в случае необходимости невозможно будет доказать достигнутый прогресс. Я не знаю, что он может предпринять, но на всякий случай будьте с ним осторожны и бдительны.

— Нет, — решительно возразила Вильма, — хватит осторожничать, Выходцев — не последняя инстанция.

Данилов вопросительно взглянул на неё:

— Вы хотите обратиться к руководству института?

— Да, к Палагину, заму директора по научной работе, это его сфера.

38

Громоздкий, с зачёсанными назад рассыпающимися седыми волосами, Палагин слыл недоступным для рядовых работников, но к ней явно благоволил. Несколько раз по поручению Выходцева Вильма заносила ему отчёт о работе своей лаборатории, и всякий раз он задерживал её, благоклонно приглашал сесть, предлагая прокомментировать те или иные пункты отчёта.

Данилов, не разделяя её надежд, сокрушённо покрутил головой.

— Вильма Антоновна, вы не знаете некоторых нюансов. Палагин только делает вид, что крут и недоступен, на самом деле его положение довольно шатко. У Выходцева в Наркомздраве есть покровитель, влиятельное лицо. Это лицо и пристроило его заведующим лабораторией с перспективой занять место Палагина.

— А может, для Палагина это и есть подходящий случай свалить Выходцева, предав гласности его неблаговидное поведение? — возразила Вильма. — Я всё же встречу с ним.

На следующий день, как только Выходцев отправился читать лекцию, Вильма поднялась на второй этаж к Палагину. Секретарши на месте не было, и она заглянула в его кабинет.

— Фёдор Власович, разрешите?

Он поднял голову от бумаг, привстал, сделал приглашающий жест в сторону стула.

— Прошу.

— У меня к вам конфиденциальный разговор, — Вильма красноречиво кивнула на дверь.

— Хорошо, мы попросим обождать, если кто-нибудь попытается вторгнуться, — покладисто пообещал Палагин, — слушаю вас.

— Несколько лет назад определённая жизненная ситуация натолкнула мою коллегу Тавлуеву на идею вакцины против рака. Поскольку эта идея не вписывалась в тематику лаборатории, Тавлуева занялась ею самостоятельно, разумеется, не в ущерб основной работе, до поры до времени не посвящая Выходцева. Когда же были получены потрясающие положительные результаты в опытах с кроликами, она ввела в курс дела Выходцева и попросила его ходатайствовать перед Наркомздравом о разрешении провести клинические испытания. Выходцев сам убедился в эффективности вакцины и поставил условие: он — автор, а Тавлуева — соавтор.

При этих словах Вильме показалось, что Палагин дёрнулся, как бы отпрянул, в его глазах мелькнуло изумление. Вильма продолжала:

— Тавлуева отвергла его притязания, и больше они к этой теме не возвращались. У Тавлуевой были знакомые, больные раком, которым официальная медицина не могла помочь, и они охотно дали согласие испытать на себе вакцину. Результат был обнадеживающий, но Тавлуева получила травму и попросила меня продолжить вакцинацию. Я согласилась. Спустя некоторое время одна из больных показала врачу Алфёровой, которая констатировала значительное улучшение и даже усомнилась в правильности первоначального диагноза. Как потом стало известно, эта врач — сестра Выходцева, вероятно, она рассказала брату о необычном случае. Для Выходцева, знающего о вакцине Тавлуевой, не составило труда догадаться о природе чудесного исцеления. Поскольку у нас с Тавлуевой были достаточно дружеские отношения, он правильно рассудил, кому

она могла доверить продолжение своего дела, и пришёл ко мне, требуя методику приготовления вакцины.

— Но вы сказали, что он сам убедился в её эффективности, — напомнил Палагин.

— Выходцев вводил кроликам готовую вакцину, получив её от Тавлуевой. Он поспешил с заявкой на авторство, но Тавлуева не открыла ему секрет её изготовления, он всего лишь удостоверился в её эффективности. Я ему сказала, что не вправе распоряжаться чужим открытием, и отказалась предоставить ему методику. А вскоре, как мне стало известно от больных, которые подвергаются вакцинации, их карточки исчезли из регистратуры, и теперь мы с Тавлуевой не сможем доказать положительный эффект от применения вакцины. Я уверена: это Выходцев изъём карточки с помощью сестры.

— Но чтобы изъять карточки, надо знать фамилии больных, — заметил Палагин.

— О, это особая история. На каждую больную Тавлуева завела дневник, где зафиксирована вся информация о них. Эти дневники она передала мне, и я продолжала отражать в них ход вакцинации. Я их хранила дома. Однажды я заметила, что в моём столе на работе рылись, но ничего не взяли. А на следующий день, придя с работы домой, я обнаружила, что дневники исчезли. Квартирная хозяйка позволила Выходцеву взять их из тумбочки, так как он представился моим начальником, действующим с моего позволения. Вот такая история.

Вильма взглянула на Палагина, ожидая, что он скажет по поводу услышанного, но он, потупившись, как бы погрузился в глубокое раздумье, очевидно, взвешивая, стоит ли ему ввязываться в сомнительное дело, наконец сказал:

— Вильма Антоновна, сожалею, но доказательств, что Выходцев пытался присвоить открытие, нет, как нет самого открытия, оно нигде не зарегистрировано, зато есть доказательство незаконного проведения испытаний на людях — это дневники.

— Я это понимаю, — с горечью ответила Вильма, — поэтому пришла к вам. Тематический план института состоит из двух разделов — это разработки, спущенные свыше, и разработки, проводимые по инициативе института. Может быть, включить вакцину против рака во второй раздел? Провести испытания на кроликах ещё раз, уже в официальном порядке, легально, это не составит труда, методика отработана, и сделать заявку на открытие и на клинические испытания.

— Есть некие обстоятельства, о которых мне не хотелось бы распространяться и которые не позволяют мне проявить инициативу в этом деле, — признался Палагин. — Но я советую, пусть Тавлуева напишет служебную записку на имя Чащина, где обстоятельно изложит суть своего открытия и попросит включить эту тему в план исследований. Викентий Николаевич, конечно же, посоветуется со мной, а я поддержу эту идею, но пусть это исходит от него, от руководителя института.

Вот как поступают осторожные люди, мысленно сказала себе Вильма, спускаясь по лестнице, а ты ввязалась почти что в криминальную историю, расхлёбывать которую теперь кроме тебя никому.

В течение дня она не смогла выкроить время, чтобы написать служебную записку от имени Тавлуевой, вернее, опасалась, что кто-нибудь, включая Выходцева, подойдёт к её столу, любопытствует. Вечером,

перекусив в буфете, она отправилась в библиотеку. Читальный зал во все времена был местом, где ей хорошо работалось. В прохладной тишине она описала принцип методики Тавлуевой, не вдаваясь в детали, изложила просьбу включить в план, а рано утром, облачившись в свой белый лабораторный халат, уверенно, так что никому не пришло в голову остановить её, пробралась к Тавлуевой. Её соседки по палате ещё спали, она тоже лежала с закрытыми глазами. Вильма чуть слышно произнесла: “Александра Ионовна”, и Тавлуева открыла глаза. Присев рядом на стул, Вильма шёпотом кратко обрисовала ситуацию. Тавлуева одобрила её действия, подписала бумагу, но сама была очень слаба и подавлена.

Теперь предстоял следующий ход — к Чащину. С ним лично Вильма не была знакома, видела его в президиумах на собраниях, здоровалась, встречаясь изредка в коридоре.

Опасаясь создать впечатление интриганки, она решила вести речь только о включении вакцины в план, не упоминая о Выходцеве, его притязаниях на авторство. Но избежать этого скользкого нюанса едва ли удастся, у Чащина, конечно же, возникнет вопрос, почему она, не соблюдая субординации, действует через голову своего непосредственного руководителя, и, разумеется, поинтересуется, в курсе ли Выходцев. И тогда придётся в сдержанных тонах посвятить его в эту неприглядную историю. А дальше всё будет зависеть от того, насколько уверенно Чащин сидит в своём кресле, насколько зависим или независим от вышестоящих чиновников.

Как она и предвидела, выслушав её, Чащин спросил, как относится к этим исследованиям Выходцев. Вильме стало страшно. Пока Выходцев потихоньку “давил” на неё, пока у него оставалась надежда добиться своего “тихой сапой”, он не пошёл бы на крайние меры, не желая предать огласке не красящие его обстоятельства, но теперь, когда его имя и карьера под угрозой, ответный удар будет убийственным.

Чащин смотрел на неё, ожидая ответа на свой вопрос, а в её голове с молниеносной скоростью проносились мысли. На смену той, о неминуемой мести Выходцева, пришла другая — Вильма вдруг поняла, что главным для всех этих деятелей от науки является не сама наука, не открытие, позволяющее избавиться от мучительной смерти людей, а то, как оно повлияет на их карьеру, какую можно извлечь из него личную пользу. Да что говорить о других — она сама прельстилась соавторством. Следовательно, исход дела будет всецело зависеть от расклада сил, а на стороне Выходцева немалая сила в лице его высоких покровителей. Оставляя возможность для примирения с ним, Вильма умолчала о порочащих его фактах и ответила уклончиво:

— У нас с Геннадием Михайловичем есть разногласия, поэтому я и обратилась к вам.

В тот момент в кабинет вошёл секретарь парткома, он кивнул Вильме, протянул руку Чащину и уселся с другой стороны приставного стола напротив Вильмы, всем своим видом давая понять, что у него неотложное дело. Вильма вопросительно взглянула на Чащина, и тот сказал, убрав её служебную записку в папку:

— Хорошо, я поговорю с Геннадием Михайловичем.

Вильма вышла. Она не была уверена, что правильно поступила, не рассказав Чащину о сути разногласий с Выходцевым. Теперь, когда состоится его разговор с Выходцевым, тот, конечно же, предоставит всё в выгодном для себя свете, опорочив их с Тавлуевой.

Впрочем, если следовать образу мыслей сестры Эльзы, так было угодно случаю, то бишь судьбе, которая прислала секретаря парткома, чтобы помешать ей, если бы она вознамерилась посвятить Чащина в суть интриги. Только вот на чьей судьба стороне, на её или на Выходцева?

На исходе следующего дня к ним в лабораторию спустилась секретарша Чащина, дебилая, средних лет дама. Став на пороге выходцевского кабинета так, чтобы видеть и его, и Вильму, она сказала:

— Геннадий Михайлович и Вильма Антоновна, вас приглашает к себе Викентий Николаевич.

Она задержалась поболтать с женщинами, а Вильма с Выходцевым отправились наверх.

У Чащина сидел Палагин, и это наводило на мысль, что директор знает то, о чём Вильма умолчала в беседе с ним.

Видимо, Чащин передумал говорить с Выходцевым один на один, а решил свести их вместе и выслушать обе стороны.

Когда Вильма с Выходцевым уселись, Чащин сказал:

— Поступила служебная записка от Тавлуевой с просьбой включить в план исследований вакцину против рака. Как она утверждает, ею разработана методика получения этой вакцины и при участии научного сотрудника Касевановой произведены испытания, давшие положительный результат. Что вы скажете на это, Геннадий Михайлович, каково ваше мнение? — обратился он к Выходцеву.

— Чтобы иметь какое-то мнение, надо ознакомиться с методикой, а Тавлуева держит её в секрете. Я не берусь судить о “коте в мешке”. Это во-первых. А во-вторых, для доказательства эффективности какого-либо средства недостаточно пусть даже нескольких свидетельств, что от его применения кто-то излечился. Для науки необходимо обоснование механизма его действия.

— Резонно, — согласился Чащин, — а вы, Вильма Антоновна, что скажете?

— Я воздержусь комментировать поведение Тавлуевой, что же касается механизма действия вакцины, он известен: икс-тельца поглощают чуждые организму клетки.

— Это ещё надо доказать, — вскинулся Выходцев.

Вильма не стала вступать в пререкания. Ведь она затем и пришла сюда, чтобы получить разрешение на легализацию исследований.

— Что вы предлагаете, Фёдор Власович? — спросил Чащин у Палагина.

— Я согласен с Геннадием Михайловичем, — ответил Палагин, — “это надо доказать”. Почему бы и не включить в план пункт под названием “Вакцина Тавлуевой”? Исполнители Тавлуева и Касеванова, руководитель — Выходцев.

Таким образом Палагин закреплял авторство Тавлуевой без ущерба самолюбию Выходцева.

— Я соглашусь, только когда методика будет у меня на столе, — заявил он тоном оскорблённой невинности.

— Законное требование, — поддержал его Чащин. — Вильма Антоновна, надеюсь, с этим проблем не будет?

Вильма кивнула. На том и разошлись. У Вильмы сложилось впечатление, что все они приложили максимум такта, чтобы не прогневить Выходцева. Видать, силен был его покровитель, коль Чащин и Палагин были столь предупредительны и щепетильны.

Наутро Вильма положила на стол перед Выходцевым рукопись, на титульном листе которой значилось “Вакцина Тавлуевой”, понимая, что заголовок выглядит вызывающе и на Выходцева подействует как красная тряпка на быка.

Взгляд, которым он наградил её, подняв глаза от рукописи, не предвещал ничего хорошего.

Неожиданно ситуация получила дальнейшее стремительное развитие. Не прошло и часа, как в дверях лаборатории возникла долговязая фигура Данилова, и он сообщил, что ночью от очередного сердечного приступа скончалась Тавлуева.

Три дня они всей лабораторией, включая Выходцева, были в хлопотах, сопутствующих этому прискорбному событию, и, грешным делом, Вильма подумала, что теперь Александре Ионовне всё равно, будет ей принадлежать авторство или нет, и если Выходцев попытается присвоить его себе, она, Вильма, в одиночку уже не станет ему противостоять. Есть люди выше её по должности, это Чашин и Палагин, имеющие больше возможностей, знающие, кто истинный автор. Уж если они промолчат, то ей подавно не справиться с таким проходимцем.

И всё же она надеялась, что Выходцев извлёк урок из последних событий.

Но это она так думала, а он узрел в ситуации последний шанс обесмертить своё имя и, как вскоре стало ясно, решил идти по трупам.

39

Накануне вечером в узком кругу на квартире у Клавы они поминали Тавлуеву в девятый день после её смерти, а наутро секретарша канцелярии принесла ей запечатанный конверт и попросила расписаться в книге регистрации, засвидетельствовать получение.

— Что это? — спросила Вильма, скользнув взглядом по верхней части конверта, где адресатом значилась она.

Секретарша молча указала пальцем на штамп, стоявший ниже, но она уже и сама увидела зловещее обозначение отправителя — “Городской отдел НКВД”.

Неприятный холодок страха подступил к сердцу, но, не подав виду, она расписалась и, чтобы не распечатывать конверт в присутствии секретарши, заговорила с ней на отвлечённую тему.

Когда та ушла, Вильма вскрыла конверт, вытащила узкую полоску бумаги. Это была повестка, в которой значилось: “Вам надлежит явиться такого-то числа в такое-то время в горотдел НКВД к следователю Воронкову”.

НКВД... Это сочетание из четырёх букв обладало магической силой, нагнетало тревогу. Слишком щедро строгое ведомство наклеивало ярлык “врага народа”. Два-три года назад в их деревне забрали плотника и двух рабочих фермы. Их разоблачили в том, что они вели контрреволюционную вредительскую работу, готовили выступление против советской власти. Это были незаметные тихие люди, их арест вызвал недоумение у односельчан, но многие подумали: может, всё-таки что-то было? Не может же быть, что просто так. Может, они каким-то боком причастны к Шемахинскому делу?

Незадолго до того из уст в уста под большим секретом передавали слух о массовых арестах в Шемахинском районе. Людей брали в поле, на токах, у арыков, на пастбищах и в полуторках, крытых брезентом, увозили в неизвестность. Спустя время было объявлено в печати, что раскрыта антисоветская организация. Доходили слухи, что подобного рода заговоры раскрыты по всей стране.

В последнее время о таких случаях не было слышно, наверное, всех обезвредили, но страх перед ведомством укоренился в умах людей. Даже если человек не чувствовал за собой какой-либо вины, вызов в НКВД повергал его в панику, но Вильма-то чувствовала! Весь день перед явкой и ночь Вильма была под гнётом дурных предчувствий. Она пыталась найти, придумать безобидные поводы, по которым её вызывали, но здравый смысл одерживал верх, требовал обдумать линию защиты от обвинений в применении вакцины. Она пыталась предусмотреть вопросы и свои ответы, но как ни крути, как ни преподноси гуманность мотиваций, формально ею совершены противозаконные действия.

Наутро взглянув в зеркало, она сама поразилась одухотворённости своего лица, наложенной страданием, но какое впечатление произведёт она на следователя, трудно предугадать — вызовет сочувствие или раздражение. В расчёте на чёрствого, раздражительного субъекта она наде-ла скромное чёрное платье, которое, впрочем, было ей очень к лицу.

Дежурный на входе просмотрел имевшиеся у него листочки и сказал:

— На вас нет пропуска. Герасименко, — окликнул он проходившего мимо молодого человека, — спроси у Воронкова, почему нет пропуска на Касеванову?

Через несколько минут Герасименко принёс пропуск и доложил:

— Воронкова на месте нет, есть Кириллов.

— Идите, — разрешил дежурный, вручив ей пропуск, — прямо по коридору и направо.

В кабинете, куда она вошла, было два стола, за одним из которых сидел, как она поняла, Кириллов, светловолосый человек лет тридцати пяти. В его голубых глазах мелькнули изумление и восхищение, свойственные, как правило, блондинистым мужчинам. Брюнеты к её чарам относились спокойно.

— Вы Касеванова? — недоверчиво спросил он. — Ваш документ. Да... — задумчиво произнёс Кириллов, возвращая ей паспорт. — Садитесь. Я помощник Воронкова. Сегодня у него возникли непредвиденные дела, а завтра он с вами займётся сам. Я же только запишу ваши анкетные данные.

Когда с этим было покончено, она спросила:

— А вы не могли бы мне объяснить, в чём дело?

Кириллов сокрушённо покрутил головой:

— Я не должен этого делать, — он потупил взгляд и после паузы продолжил: — мне очень жаль, но против вас серьёзное обвинение.

Он достал из ящика стола и раскрыл скоросшиватель, в который были вложены тетрадки-дневники вакцинации, изъятые Выходцевым с попустительства бабы Насти из её домашней тумбочки. Приколов заполненную только что анкету, он убрал скоросшиватель в стол и внимательно взглянул ей в глаза.

Расписавшись в пропуске, который ей дал дежурный, Кириллов подал его вместе с повесткой, предписывающей явиться сюда же на следующий день. Вильма спросила:

— Это пропуск на завтра?

— Нет, — ответил он, — это разрешение выпустить вас, а на завтра пропуск будет у дежурного.

Она подняла брови:

— А что, без пропуска не выпустят?

— Всякое бывает.

Когда она была уже у двери, Кириллов сказал ей вслед:

— Мой совет: наденьте завтра обувь поудобнее.

Она оглянулась. Он смотрел на её лакированные туфельки на высоких каблуках.

В полуобморочном состоянии Вильма опустила на скамью в узком длинном коридоре. Чуть оправившись от шока, она хотела было подняться, но в это время остановились рядом, загородив коридор, двое шедших навстречу друг другу.

— Что там у нас с цыганами? — спросил один. — Снова жаловались жители слободки, что воруют со дворов всякую живность.

— Я послал наряд с предписанием убраться из города и окрестностей в течение двадцати четырёх часов, — ответил другой.

Они разошлись, и Вильма поспешила прочь из страшного учреждения.

Выйдя на улицу, она жадно вдохнула полной грудью, упиваясь ускользающей свободой.

Накануне Вильма поставила в известность Выходцева, что утром следующего дня задержится, так как получила вызов в НКВД. Он никак не отреагировал, сделав вид, что занят.

Обычно, если случалось приходиться на работу позже его, она заглядывала к нему засвидетельствовать своё почтение. На сей раз она поступила так же, сказав небрежно, что встреча не состоялась, перенесена на завтра, так что, мол, не теряйте, завтра тоже задержусь.

Весь день её не покидала тревога, неотступно сверлила мысль: что же делать?

Возвращаясь вечером домой, с несвойственной ей чувствительностью воспринимала она окружающий мир, который завтра, быть может, станет ей недоступен. Во всех направлениях растекались люди, они вольны были поступать так, как им заблагорассудится и во времени, и в пространстве, а её что ждёт завтра утром? Мысль о грозящей несвободе была нестерпимой, и Вильма твёрдо решила, что добровольно не пойдёт на заклатие.

Навстречу прогромыхал трамвай, курсирующий между вокзалом и слободкой, и её ум, ищущий выхода, ухватился за авантюрную идею, основанную на информации, полученной в коридоре НКВД относительно цыган. Двадцать четыре часа, в течение которых им предписывалось покинуть город, истекали следующим утром, и если прибиться к табору, можно с ним откочевать. Завтра её хватятся, и прежде всего ориентировки на задержание будут даны по железным дорогам, а она тем временем скроется окольными путями.

Сев в трамвай, Вильма доехала до конечной остановки, вышла и огляделась. Без подсказки было не обойтись, и она остановила проходившего мимо подростка:

— Мальчик, ты не знаешь, где здесь стоят цыгане?

— Идите, тётенька, до конца улицы и слева сами увидите их повозки. Спотыкаясь на каблуках по разбитой колёсами дороге, тротуаров здесь не было, она по достоинству оценила совет Кириллова.

Улица кончилась, дальше был пустырь, пересечённый наезженной дорогой. Слева на пустыре стояли две повозки, возле одной из них чинил колесо пожилой цыган. Поодаль на траве паслись лошади. Во дворе общарпанного дома возле большого казана, установленного на кирпичной печке, копошились две старые цыганки. Остальные, вероятно, промышляли в городе.

Вильма представила себя среди этих диких, нечистых на руку людей, и на мгновение её покинула решимость, но только на мгновение. Зарешечённое окно — не лучший вариант, а среди цыган её искать никому не придёт в голову.

Она подошла к цыгану, присела рядом на корточки. Он удивлённо взглянул на неё, но молча продолжал своё дело. Неожиданно для себя Вильма сказала:

— Кажется, мы с вами соплеменники.

Он внимательно посмотрел ей в лицо, перевёл взгляд на колесо и невозмутимо спросил:

— Ты цыганка?

— Да, но меня воспитала, дала образование немецкая семья, и только недавно я узнала правду от посторонних людей. — Вильме понравилась эта невесть откуда пришедшая на ум легенда, дающая надежду, что к ней отнесутся по-родственному, но дабы исключить разоблачающие вопросы, добавила: — Обстоятельства, при которых я попала к приёмным родителям, мне неизвестны.

Пока она думала, как приступить к цели своего визита, цыган спросил:

— Чего ты здесь ищешь, девушка?

Чтобы не запутаться во вранье, в дальнейшем она решила придерживаться правды.

— Я попала в затруднительное положение, мне грозят большие неприятности, мне надо покинуть город, но не в вагоне с решётками. Возьмите меня с собой!

Цыган критически оглядел её.

— У нас нелёгкая жизнь.

— У меня нет выбора, я не стану вам обузой.

— Почему бы тебе не сесть на поезд? За ночь ты будешь там, куда табор за месяц не доберётся.

— При первой же проверке документов меня задержат, они же объявят розыск.

Вильма коснулась рукой золотых серёжек.

— Этого вам хватит?

Цыган на мгновение задумался, затем что-то крикнул на своём языке женщинам у казана. Одна из них подошла. Он говорил, цыганка кивала в знак того, что слушает, и с любопытством разглядывала Вильму. В заключение он, видимо, сказал ей о серёжках, она заинтересованно на них взглянула и ушла в дом. Цыган сказал:

— У нас была дочь, она умерла. Мы дадим тебе её метрику, нам она не нужна. С нею ты можешь уехать на поезде. Так будет лучше тебе и нам.

В таборе есть мужчины, их женщинам не понравится твоё присутствие. Я не хочу раздора.

Между тем цыганка принесла метрику, подала мужу. Он взглянул на запись и передал Вильме.

— “Васильева Лидия Михеевна”, — прочла она вслух, — и год рождения для меня вполне приемлем, я на год старше. Что случилось с вашей дочкой?

— При родах, — коротко ответил цыган.

Вильма положила документ в сумочку, сняла серёжки.

— Пусть наш обмен принесёт обоюдную пользу, — сказала она, подавая их цыгану.

С тех пор как баба Настя допустила Выходцева в её светёлку, между ними установились нейтральные, отстранённые отношения, теперь баба Настя не смела как прежде вторгаться к ней по любому пустяку, по любой прихоти, и Вильма без помех собрала во вместительную сумку все свои наиболее ценные вещи. Затем позвала бабу Настю и заявила, что нашла себе другое жильё, оставшиеся вещи заберёт позже. Она не сказала, что уезжает, чтобы, когда её хватятся, поиски велись внутри города, а она тем временем будет далеко.

Из ближайших по времени отправления поездов Вильма выбрала следовавший в юго-западном направлении. Южное, в сторону дома, теперь ей было заказано.

Войдя в вагон, она поднялась на верхнюю полку, где можно было укрыться от посторонних взглядов и избежать общения с попутчиками. Теперь надо было придумать легенду: кто она, куда и зачем путь держит. Но на ум ничего не приходило, мысли то и дело возвращались к недавним событиям, центральной фигурой которых был Выходцев. Этот мерзавец вообразил, что, заполучив методику, беспрепятственно воспарит к вершинам научного мира. Но он просчитался. В той методике, которую Вильма написала для него, она из осторожности, зная его вероломство, умолчала о некоторых тонкостях, без которых методика утрачивала свою ценность.

Наконец её сморил сон. Вильма уснула, да так крепко, что за ночь ни разу не проснулась. Утром, взглянув на часы, подумала, что в НКВД её хватятся часа через два, позвонят на работу, и если у них нет более важных объектов, чем её персона, заявятся к бабе Насте.

На нижней полке беседовали две женщины. Одна из них, судя по разговору, была учительницей. Она сетовала, что из-за нехватки кадров ей приходится вести помимо истории ещё и ботанику. Вильма подумала, что могла бы преподавать биологию, химию и немецкий язык, но вся загвоздка в том, что у неё нет трудовой книжки, оставшейся в отделе кадров.

И вдруг её осенило: горячка Анна! Вот у кого следует искать помощи. Отец рассказывал, что она директор одной из школ не то в Н-ске, не то в Н-ской области. Вильма запомнила её фамилию, явно не соответствовавшую её внешности — Телятникова.

40

Громадный вокзал и привокзальная площадь были запружены народом. Здесь искать человека — всё равно, что иголку в стогу сена. За всю дорогу у Вильмы ни разу не спросили документы, и это обнадеживало.

Оставив вещи в камере хранения и узнав в Горсправке адрес, отправилась в областной отдел народного образования.

Кадрами заведовала словоохотливая старушенция, как она сама выразилась — с незапамятных времён. С её слов, она помнила многих педагогов, проходивших по учётным документам, и по девичьим фамилиям, и принятым в замужестве, а уж такую видную, авторитетную личность как Анна Ефимовна, нельзя не запомнить. Она заглянула в картотеку, назвала школу, которой руководит Телятникова, и рассказала, как туда проехать.

Была перемена, и во дворе двухэтажной школы носилась и галдела детвора. Вильма заглянула в учительскую и сразу увидела её. Анна, что называется, в расцвете зрелой красоты, стояла в окружении учителей. Вильма прикрыла дверь, решив обождать, когда Анна вернётся в свой кабинет.

Прозвенел звонок на урок, и Анна, выйдя из учительской, внимательно взглянула на Вильму и спросила:

— Вы ко мне?

Получив утвердительный ответ, сказала:

— К сожалению, я должна идти на урок. Придётся вам обождать, а потом я вас выслушаю.

— Я обожду, — ответила Вильма.

Стоял чудесный день начала осени. Вильма откинулась на спинку скамьи в пришкольном саду и, глядя сквозь кружева листвы, ещё раз продумала, что сказать, а о чём умолчать. В конце концов решила рассказать правду, ведь во всей этой истории нет ничего, порочащего её. Разумеется, то, что в НКВД есть на неё компромат, может испугать Анну, но обращаясь к ней за помощью, умолчать об этом было бы нечестно.

Когда прозвенел звонок и ученики высыпали во двор, Вильма отправилась в директорский кабинет.

— Входите, — пригласила Анна Ефимовна из-за своего стола и кивнула на стул: — садитесь.

— Я Вильма Винтерголлер, — представилась Вильма, — дочь Антона Винтерголлера. Вы его помните?

— О! А как же! — воскликнула Анна Ефимовна. — Студенческие годы и друзья юности незабываемы. Как он? Я рада, что Антон вспомнил обо мне и прислал свою очаровательную дочь.

— Увы, я явилась к вам без его ведома, его уже нет в живых.

Лицо Анны подёрнулось искренней грустью.

— Мне жаль. Что с ним случилось?

— Сердце. В детстве мы с сестрой Эльзой часто рассматривали фотокарточки, в том числе и его студенческие. Он говорил о вас с большим уважением, и я запомнила, где вы работаете. Со мной случилась неприятная, почти детективная история, но мне не к кому обратиться за помощью. Я ехала в поезде и вдруг вспомнила о вас. Это, конечно, нахальство с моей стороны, но мне бы если не помощь, то хотя бы совет. У вас есть время и желание выслушать мою историю?

— Разумеется, — отозвалась Анна.

В её глазах светилась мягкая снисходительность от предположения, что на самом деле всё не так серьёзно, как представляется её молодой собеседнице.

Ещё не закончился очередной урок, а Вильма уже подошла к концу своего повествования и завершила его тем, ради чего оказалась здесь.

— Мне нужна работа. Я бы могла преподавать биологию, химию и немецкий язык, но у меня нет трудовой книжки.

С минуту Анна озадаченно молчала, потом спросила:

— Диплом об образовании с собой?

— Да, вот, — Вильма достала из сумочки и подала ей диплом.

— А ещё какие документы есть?

— Свидетельство о рождении, паспорт на Касеванову и свидетельство о браке.

Анна посмотрела документы и задумалась. Она не подала виду, но можно было догадываться, что перспектива быть втянутой в сомнительную историю её не обрадовала. После недолгого размышления она подняла телефонную трубку и, заказав разговор с одним из районных отделов народного образования, пояснила:

— У меня в школе все ставки укомплектованы, а в районах учителей не хватает, попробуем трудоустроиться там. Кстати, заведующий районо тоже из нашего с Антоном выпуска.

Вскоре зазвонил телефон. Перекинувшись с собеседником приветственными фразами, Анна сказала:

— Ты помнишь Антона Винтерголлера? Передо мной сидит его дочь, ей нужна работа, она биолог по образованию, но может преподавать и химию, и немецкий язык.

Судя по довольному выражению лица Анны, на другом конце провода были рады неожиданной возможности решить свою кадровую проблему.

— У неё нет трудовой книжки, — продолжала Анна, — она уехала в спешке, так сложились обстоятельства, но я думаю, это не помеха, заведите новую.

На другом конце провода, вероятно, согласились и, с удовлетворением положив трубку, Анна сказала:

— Сейчас пойдём ко мне, отдохнёте, а завтра утром отправитесь.

41

В память о друге молодости заведующий районным отделом образования Шадрин принял Вильму по-отечески. Деликатно, не вдаваясь в причины, побудившие её покинуть прежнее место жительства, а её свидетельство о браке наводило на мысль, что это несложившаяся семейная жизнь, он не только распорядился оформить её преподавателем биологии и немецкого языка, но и пригласил к себе домой, пока она не подыщет жильё.

Понимая, что в ответ на гостеприимство ей придётся рассказать о себе подробнее, Вильма постаралась найти пристанище в тот же вечер, не обременяя Шадрину. Уладив формальности в школе, она пустилась прочёсывать школьные окрестности и нашла что надо — одинокая старушка сдавала комнату.

Ещё совсем недавно Вильма была готова кочевать с цыганским табором, а теперь, когда всё уладилось лучшим образом, как она и не мечтала, пускаясь в бег, её уже тяготило признание утраченных позиций и на задворках сознания замаячила мечта о реванше, но на первом плане всё же стоял вопрос: как дать знать о себе родным, которые ждали и не дождались

её в отпуск? Вильма не решилась им написать, опасаясь, что по почтовому штемпелю станет известно её местонахождение тем, кому это знать не следует.

Наступило осеннее ненастье. Утром и вечером Вильма месила ногами раскисший жирный украинский чернозём, налипавший на обувь тяжёлыми кандалами, днём, без отлучки на обед, перекусив в буфете, варила в шумном школьном котле, а между тем не переставала думать о том, как поступить. И придумала. Однажды воскресным утром Вильма быстро собралась, успев на утренний поезд в Н-ск.

В почтовом отделении вокзала на обратной стороне телеграфного бланка написала коротенькое письмецо от имени Лидии Васильевой, применив ухищрения, по которым родные догадались бы, что послание от неё, и отправила в адрес соседки тёти Эммы.

Коротая время до обратного поезда, решила пройтись по городу, пересекла ближайшую от вокзала улицу и вдруг... Её сердце зашлось от волнения. Навстречу с выражением изумлённого узнавания шёл Штеймец — заведующий хозяйственной частью по месту прежней работы.

— Вильма Антоновна, — услышала она, когда они поравнялись.

Неузнавающе-вопросительно взглянув на него, Вильма оглянулась вокруг, как бы отыскивая того, к кому могло быть адресовано его обращение, недоумённо пожала плечами и прошла мимо.

— Вильма Антоновна, я рад вас видеть, — настойчиво сказал Штеймец, остановившись.

— Извините, но вы обознались, — холодно возразила она и пошла своей дорогой.

— Как бы там ни было, но я рад вас видеть в добром здравии, — сказал он вслед.

Вильма бродила по городу под впечатлением от нечаянной встречи. Наверное, Штеймец здесь в командировке, добывает реактивы или лабораторное оборудование, — предположила она. И надо же было случиться, что они встретились. Вот тебе и иголка в стогу сена.

Они не были близко знакомы, но раскланивались с обоюдной симпатией. Может быть, она напрасно не открылась ему. Было бы полезно знать, какие версии вызвало её исчезновение, чего опасаться, чего нет. Возможно, он помог бы ей связаться с родными. Но упущенного не вернуть.

Часто ездить в Н-ск было накладно, и следующую поездку Вильма предприняла нескоро, терпеливо выждав срок, позволяющий надеяться, что ответ пришёл. Предъявив в окошко “до востребования” метрику на имя цыганки Лидии Васильевой и получив долгожданный конверт, отошла в сторону и с нетерпением распечатала.

Известие о том, что НКВД интересуется её местонахождением, восприняла без паники. Ощувив на себе благоволение судьбы, Вильма уверовала в свою удачливую звезду. Теперь, когда обретена финансовая основа существования и протянулась ниточка связи к родным, можно было подумать и о большем. Ведь в сущности все людские устремления направлены на улучшение качества жизни, а качество — это не только материальное благополучие, но и удовлетворение от того, чем занимаешься, от того, кто рядом.

Думать о большем приходилось урывками, в основном на сон грядущий, потому что днём — круговерть: уроки, внеклассная работа, по вечерам

зачастую — педсовет. Завуч и директор, посетившие на первых порах уроки Вильмы, остались довольны, и её профессиональная пригодность не вызывала сомнений, а вот личная жизнь оставляла много вопросов, что для женского коллектива — сущее наказание, камень преткновения. Была замужем, но рассталась, есть дочь, но пока живёт с родными — эта информация для анкеты, а люди хотят вникнуть глубже: как, почему и при каких обстоятельствах. Одна-другая из коллег попытались с нею сблизиться, в виде аванса посвятив её в свою подноготную, в расчёте на ответную открытость, но, не встретив ожидаемой реакции, отступились. Вильме нравилось приятельство, какое было у них с Тавлуевой, основанное на профессиональных интересах без посягательств на интимную сферу.

К концу учебного года у Вильмы созрел план: во время летних каникул навести справки об имеющихся в Н-ске учреждениях, связанных с биологией и медициной, для этого достаточно полистать городской телефонный справочник, и попытаться устроиться туда на работу. Теперь, когда у неё есть трудовая книжка, с её дипломом это выполнимая задача. Если возникнет вопрос об отсутствии предыдущей трудовой деятельности, у неё есть оправдание — рождение ребёнка. Далее загадывать рано, но несомненно, что при благоприятном стечении обстоятельств она продолжит исследования с вакциной Тавлуевой.

И ещё одно неодолимое желание она намеревалась воплотить — повидать, обнять свою дочурку.

(Наконец-то! Вспомнила и обо мне, — скептически подумала Майя в этом месте мате­рино­го повествования).

Ко дню её рождения Вильма отправила посылочку и письмо с предложением о встрече.

42

Прозвучал последний школьный звонок. Вильму включили в экзаменационную комиссию.

После прощального вечера выпускники уговорили её пойти с ними в поход с ночёвкой. Шли вдоль реки, купались, ночевали у костра, домой возвратились под утро. Почувствовав недомогание, головную боль, Вильма отнесла это на счёт переутомления и легла в постель. Вскоре ей стало совсем плохо, сильно знобило. Она сложила на себя всё, чем можно было укрыться, но бесполезно. Часа через два озноб сменился жаром, её подташнивало, мутилось сознание. Вильма то проваливалась в чёрную преисподнюю, то возносилась на гребне пламенеющих клубящихся облаков. И то и другое было одинаково тягостно.

Только к полуночи температура вдруг резко упала, выступил обильный холодный пот. Вильма лежала опустошённая, обессиленная, не в состоянии пошевелить и пальцем. Наконец преодолев неимоверную слабость, она переделалась в сухое и уснула.

Её разбудила хозяйка:

— Вильма Антоновна, вы спите, а тут такое, тут такое творится!

Вильма с трудом разомкнула веки:

— Мне ночью было очень плохо, я только перед утром уснула, — пояснила она, — а что случилось?

— Война, Германия на нас напала. Я хочу поехать к сыну, вы не смотрите за курочками?

— Да, конечно, не беспокойтесь, всё сделаю.

Вильма вышла во дворик и села на бревно. После внутренней бури, потрясшей её брненное тело, покой в природе, чистый свежий воздух, зелёные грядки, щебет птичек вызвали чувство умиротворения. Вспомнилась родная деревня на Кавказе. Хорошо, чисто и спокойно живёт Эльза, оставаясь там, где ей предназначила судьба родиться. В школьные годы Вильма смотрела на сестру несколько свысока: кроткая овечка, заземлённая, довольствующаяся тем, что есть, без полёта фантазии и воображения. Её же воображение — ого-го! — его надо было постоянно удерживать за хвост, что и делал покойный отец. Но как оказалось, кто желает немногого, тот и зависит от немногого. Что-то они там, дома, о ней думают? Только бы не разболеться, ведь скоро должно прийти письмо от них с ответом на её предложение о встрече.

Телесная слабость не позволяла пойти куда-либо, сил хватило лишь на необходимые хозяйственно-бытовые дела и весь день — а это было воскресенье 22 июня 1941 года — Вильма посвятила приведению себя в рабочее состояние к завтрашнему дню.

Но подручные средства — аспирин, горячее молоко, укусуное обтирание, обычно помогавшие при простуде, на сей раз не возымели действия. Болезнь, давшая временную передышку, вероятно, для того, чтобы самой набраться сил, возобновила свою атаку, и Вильма поняла, что сама не справится с напастью, надо идти к врачу.

На фоне собственного болезненного состояния известие о войне она восприняла равнодушно — в одно ухо влетело, в другое вылетело. И только когда вышла из дому, война вошла в её сознание как реальное событие.

— Вильма Антоновна, вы запаслись мылом и спичками? — спросила встретившаяся на её пути мамаша одной из учениц.

— Зачем? — не поняла Вильма.

— Ну как же, люди запасаются. В магазинах всё сметают с полок: крупы, мыло, спички — война ведь!

В очереди к врачу она услышала:

— Бомбили Житомир, Севастополь, Киев. Это же так близко отсюда!

Но и эти факты не убедили Вильму, что есть основания для серьёзного беспокойства. Народ паникует. Это естественная реакция отсталой части населения на внезапность нападения противника, который на это и рассчитывает. Вот-вот наши оправятся от коварного удара, соберутся и дадут достойный отпор.

— Нет, это у вас не простуда, — сказала врач, выслушав её жалобы. — Это течение болезни с приступами через сутки характерно для малярии. Инкубационный период её возбудителя не менее десяти дней, поэтому маловероятно, что вы заразились во время похода на природу, это произошло раньше.

Она назначила хинин и “успокоила”:

— Число приступов редко превышает десять, затем они угасают и прекращаются.

Болезнь взяла своё по полной программе, методично отработав на Вильме все десять приступов, правда, их интенсивность постепенно снижалась. В промежутках между приступами сил хватало лишь на элементарное поддержание своей жизнедеятельности и курятника, который в свою очередь снабжал её яйцами.

Несколько раз Вильму навещали соседка и коллеги. Их разговоры вертелись вокруг войны, но у неё не было сил на адекватное восприятие действительности. Только к середине июля Вильма оправилась настолько, что смогла постичь реалии жизни.

А реалии были таковы, что она обнаружила: всё подорожало в разы и её отпускных денег хватает только на пропитание; поездка на встречу с родными невозможна не только по причине нехватки денег, но и из-за военного положения — Красная Армия отступает, бои идут уже на подступах к Киеву, из прифронтовых районов на восток движется неиссякаемый поток беженцев, вагоны переполнены, билетов не достать.

О трудностях поездки рассказала Максимовна, квартирная хозяйка, возвратившаяся со снохой и внучкой. С сыном, военнослужащим, она не повидалась, он воевал с первого дня войны.

Вильма и сама убедилась, побывав на вокзале, что физически не выдержит поездки. С запада на восток следовали перегруженные людьми и эвакуируемым оборудованием поезда, подолгу стояли в тупиках, уступая дорогу составам с военной техникой. Голодные беженцы выменивали у местных жителей продукты на более или менее ценные вещи, рассказывали о страшных бомбёжках.

Но бомбёжки там, откуда эти люди бежали, как-то укладывались в логику течения войны. Страшнее и непонятнее было то, что бомбёжкам подвергались большие города, расположенные на сотни километров восточнее. В иные дни фашистские самолёты тучами летели в сторону Н-ска и возвращались назад несбитые.

Их городок, видимо, не имевший стратегического значения, жил пока хоть и трудной тыловой жизнью, но без кровавых потрясений. Сразу с началом войны в магазинах стало пусто, на продовольствие ввели карточки. Пока Вильма болела, её карточки получали коллеги, а отоваривала соседка. Теперь она сама стояла в очередях вместе с внучкой Максимовны. Максимовна непостижимым образом узнавала заранее где будут “давать” сахар, а где селёдку.

Но подошёл и их черёд. Однажды вечером раздался гул приближающихся с запада самолётов. Вообще-то к пролетавшим над городом самолётам уже привыкли, но последние сводки были особенно неутешительны, и население ждало беды.

Вильма, Максимовна с домочадцами, ближайшие соседи, да, наверное, и все в городе вышли из домов, вглядываясь в грозное небо. Рёв самолётов нарастал. Миновав центр города, стал удаляться в сторону станции. Внезапно над ней взвились две белые ракеты, и вслед за этим раздались взрывы.

Наутро соседский парень рассказал, что поймали сигнальщика, который указывал фашистам цель. Движение было парализовано.

Теперь многие корили себя за нерешительность, за то, что не уехали раньше, как некоторые. В спешном порядке, на грузовиках, на конных повозках, влившись в поток беженцев, следовавших с запада через их город, отбыла ещё какая-то часть горожан. Остались те, кто в силу каких-либо причин не мог тронуться с места, и такие как Максимовна. Она пристроила сноху и внучку на грузовик, отправлявшийся до ближайшей неразбомблённой станции, в расчёте, что дальше они уедут на поезде к родственникам, а сама решительно отказалась срываться с места.

— Куда мне, старой, убежать от родных могил? Кому я там нужна? Сроду никого не обременяла. Здесь мой дом, всё нажитое. Бросишь, а потом останешься ни с чем, всё растащут. Если придёт немец, так не навсегда. В 812 году французы захватили Москву. А чем дело кончилось? Драпали без оглядки.

Вильма подумывала о том, что под видом беженки ей можно было бы легализоваться поближе к родным, но тяготы пути её пугали — малярия ещё давала о себе знать.

Однажды, выйдя к придорожной колонке за водой, Вильма услышала в утренней тишине опустевшего городка мерный топот множества ног и увидела приближающуюся в пыльном облаке колонну бойцов.

Много раз она набирала ведро воды, и оно мигом опустошалось солдатскими котелками и кружками.

И без вопросов было видно, что это отступающие части нашей армии, но было непонятно, почему они не закрепляются на западных подступах к городу, а отходят на восточную окраину. Что, город сдадут без боя? Она так и спросила у старшего лейтенанта.

Он поднял на неё усталые, покрасневшие от недосыпания глаза и ответил:

— Мы только что из боя, вымотаны до предела, будем укрепляться на восточной окраине, а на западной остались более свежие части.

Он повернулся было, чтобы идти своей дорогой, но вдруг задержался и сказал:

— Вам с вашей внешностью оставаться здесь опасно.

— С какой внешностью? — не поняла Вильма.

Лейтенант смутился, но пояснил:

— Немцы документ не спрашивают, и если находят еврейские черты, хватают и отправляют в концлагеря, это в лучшем случае.

— Я не еврейка, — возразила Вильма, — правда, домашние в шутку называли меня цыганкой.

— Они и цыган не жалуют, — лейтенант козырнул и ушёл.

Вильма читала в газетах об особенной жестокости фашистов к евреям, но ей и в голову не приходило примерить эту участь на себя, а теперь она вспомнила, что как-то в семье упоминалось, что по отцовской линии где-то в третьем или четвёртом колене в роду кто-то был евреем, следовательно в ней есть малая доля еврейской крови. И хотя её еврейство было призрачным и недоказуемым, хотя по документам она была немкой, где-то в глубине души осел неприятный тревожный осадок. Ведь если у лейтенанта возникла мысль, что она еврейка, где гарантия, что какой-нибудь немецкий солдафон в служебном рвении не проявит инициативу и не учинит расправу.

Когда Вильма рассказала Максимовне о предостережении лейтенанта, умолчав, разумеется, о наличии в своей родословной капли еврейской крови, та отнеслась к этому серьёзно.

— Бережёного Бог бережёт, Вильма Антоновна, уйти бы вам от греха подальше. Даже если поверят, что вы немка, будут склонять к сотрудничеству. Вы же не захотите им помогать? Сатана им помощник. Вот и получается: что еврейка, что немка — всё плохо. Надо было вам с моими уехать. Ну да что теперь горевать, надо как-то выживать. Я вот думаю уложить документы и самые необходимые вещишки в узелок, чтобы, если придётся тикать, всё было наготове.

Так они и сделали.

К вечеру хлынул новый поток отходящих войск и беженцев. Вильма с Максимовной стояли у калитки и прислушивались к треску пулемётов на западной окраине, когда на обочине дороги остановился фургон. Возница, дядька лет под сорок пять, и ещё один мужчина помоложе напились у колонки сами, потом напоили пару лошадей. Максимовна подошла к ним, а вслед за ней и Вильма.

— Откуда едете? — полюбопытствовала Максимовна.

— Почти от границы, — сказал возница с акцентом, не похожим на тот, с каким говорили местные украинцы.

— Гуцулы, поговору слышу, — определила Максимовна, — а где же семья? Что ж вы без семей драпаете? — не унималась она.

— Семьи уехали с детским домом, наши жёны воспитательницы.

Дядьки на вид были, что называется, самостоятельные, мастеровые, с такими не пропадёшь, и фургон достаточно удобный. И Вильма отважилась: — Может, возьмёте меня в попутчицы хотя бы до ближайшей станции? У вас места хватит. В своё время я не смогла уехать, малярия свалила, а теперь не на чем.

Мужчины переглянулись. После недолгого раздумья тот, что постарше, спросил:

— Лошадьми править сможете? Мы две ночи не спали, нам бы отдохнуть.

— Конечно, смогу, в детстве верхом скакала, — ответила Вильма.

Обнявшись с Максимовной, она села на место возницы, а мужчины улеглись в фургоне, предварительно указав на сундучок под сиденьем, где хранились их документы — предъявить их, если будет проверка. Это было несколько странным: ведь эти двое могли бы спать по очереди. Но Вильма отмахнулась от сомнений.

На восточной окраине городка перед мостом через речку теснилось скопище людей, машин, подвод, скота.

Полагая, что весь поток войск и беженцев движется только по центральной улице, где она жила, Вильма имела ошибочное представление о масштабах этого явления. Теперь её взору предстала истинная картина. Народ стекался множеством ручьёв со всех упиравшихся в берег улиц. Военные части занимали позиции на этом берегу, а беженцы устремились к переправе, образовав пробку. Регулированием этой неорганизованной массы занимались люди из войск НКВД и выборочно, у вызвавших подозрение, проверяли документы.

Фургон, управляемый Вильмой, приближался к переправе в числе последних, в полночь. К этому времени утихла канонада на западных подступах к городу, фашисты отдыхали.

— Что ж ты, дивчина, сидела до последнего? Тикай скорее, — сказал один из военных, взмахом руки открывая путь, но другой, более бдительный, попридержал коней, спросил:

— Что в фургоне?

— Двое мужчин, они спят, — ответила Вильма.

Подспудное ощущение, сопровождавшее её всю дорогу, сейчас переросло почти в уверенность, что она влипла. В самом деле, почему два здоровых мужика, место которым в армии, оказались среди беженцев, почему они затаились в такой ответственный момент, как переправа, прикрывшись ею, женщиной.

— Старцев, — сказал “бдительный” и, подав знак товарищу следовать своему примеру, вскочил на передок фургона.

Старцев вскочил с другой стороны. Они раздвинули полог, и “бдительный” скомандовал:

— Выходите!

Дядьки то ли действительно спали, то ли делали вид. Команду пришлось повторить и даже дёрнуть за ноги.

В проёме полога появились один за другим мужики с настороженными лицами, спрыгнули на землю.

— Документы есть? — спросил “бдительный”.

Один из мужиков достал из сундучка под сиденьем какие-то справки. Тем временем подошли ещё бойцы НКВД.

Изучив документы, благо, светила полная яркая луна, “бдительный” приказал Старцеву обыскать фургон.

Дядьки рванулись в стороны, но их задержали, скрутили руки.

Вскоре Старцев появился с трофеями: портативной рацией, ракетницами.

Пришёл черёд Вильмы.

— Ваши документы, — обернулся “бдительный” к ней.

— Я не имею никакого отношения к этим людям, — сказала Вильма, отдавая свой паспорт, — я местная и попросила этих мужчин подвезти меня до ближайшей станции.

Она кожей почувствовала враждебность, когда он прочёл в строке “национальность” — немка и взглянул на неё.

— Проверим, — ответил он голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Её тоже уведите на КП, — приказал он бойцам, отдав одному из них документы задержанных.

Вильма боялась, что обыщут её вещи. Если обнаружат документы на разные фамилии, это усугубит её положение — на дне сумки, оставшейся в фургоне, лежат диплом на имя Винтерголлер и свидетельство о рождении цыганки.

На командном пункте, расположившемся в приземистом кирпичном строении, сопровождавшие доложили начальству, что задержали вражеских лазутчиков-сигнальщиков, но начальству было не до них, все взоры были направлены на телеграфную ленту, выползавшую из чрева аппарата, и задержанных велено было отвести в подсобку, расположенную в противоположном торце строения. Дверь захлопнулась, и они остались в крошечной тьме. Мужчины обследовали наощупь помещение, выяснив, что окон в нём нет, и расположились на полу. Вильма тоже села на пол, опершись спиной о стену в противоположном углу. Прошла, казалось, вечность.

И вдруг началось — немцы выпалились. Рёв самолётов, вой бомб, взрывы были где-то рядом, за стеной, там происходило что-то страшное. Земля ходила ходуном, стены содрогались. Но здесь, внутри, было страшнее. Там опасность видна и можно что-то предпринять — бежать, пригнуться, упасть на землю. Здесь же опасность исходила не только от бомбёжки. В любой момент дверь могли открыть и прошить узников автоматной очередью. А что ещё делать в такой ситуации с вражескими лазутчиками? Но, вероятно, там дела были настолько плохи, что о них или забыли, или уже не имели возможности отвлекаться по “пустякам”.

Вильма слышала, как гуцулы возились у двери, пытаясь её открыть.

Отбомбившись, самолёты улетели, наступила относительная тишина, изредка нарушаемая залпами орудий, но ненадолго. Вскоре стал нарастать гул, предвещавший новый налёт. Он был ещё интенсивнее. В какой-то момент раздался вой падающей совсем близко бомбы, прогремел взрыв, торцовая стенка качнулась и медленно завалилась наружу.

Мужики рванули в проём по грудам кирпича. Вильма устремила за ними, но тут же отпрянула — в лицо ударила горячая волна. Вильма отступила к дальней стене, чтобы переждать налёт, уповая на то, что дважды в одно место бомба не упадёт. Помещение было захлавлено старыми тюфяками, вёдрами, вениками. Стащив с кучи рухляди тюфяк, Вильма соорудила себе сиденье. В развороченный проём мирно светило голубое небо, но как контраст слышались треск пулемётов, залпы орудий, а ветер доносил запах гари.

Усталость взяла своё, и Вильму сморил сон. Когда очнулась, солнце стояло высоко и было относительно тихо. Она выбралась из завала, обошла воронку. На дороге, ведущей к переправе, стояли два подбитых танка со свастикой, у взорванного моста копошились немцы, восстанавливая переправу. Поблизости никого не было и, сдерживая себя, стараясь не бежать, чтобы не привлечь внимание, Вильма устремила в ближайший переулок.

Максимовна не удивилась её появлению. Она рассказала, что фашисты вошли в город на рассвете. В то время как самолёты бомбили наши части, окопавшиеся на восточной окраине, по городу грохотала тяжёлая боевая техника.

— Вы бы видели их машины, Вильма Антоновна, — сокрушалась Максимовна. — Я не говорю уж о танках. По улице ползли какие-то чудовища с большими передними колёсами и множеством задних на гусеницах. Даже грузовики у них устрашающих размеров — целые вагоны с огромными, широко расставленными колёсами, с толстенными шинами. У нашей армии я таких не видела, у наших те же трёхтонки и полуторки, которые работали на перевозке мирных грузов, а эти — для войны. А ещё пели: “Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути”. Где он, этот бронепоезд?

43

Фронт откатился далеко на восток. Исходя из реалий, Вильма не сомневалась, что Советский Союз войну проиграл. Надо было устраивать свою жизнь в новых условиях. Однажды утром после ночных раздумий Вильма решила идти на биржу труда.

В просторной прихожей у двух дверей стояли очереди, а в кабинет начальника не было никого и, осмотревшись, Вильма решила идти к начальнику. Но в этот момент к ней подскочил полицейский из местных, до сих пор стоявший у входа, наблюдая за порядком, и с нескрываемым азартом охотника полувопросительно-полуутвердительно произнёс: “Юда?!”

Это был возмутительный образец человека с низким интеллектом, который вызывал у Вильмы особенное раздражение, и она взорвалась. По-немецки она гневно отчитывала “ограниченное, примитивное ничтожество”, посмевшее наклеивать на людей ярлыки. Полиций обескураженно моргал. Её свободный, беглый, непонятный ему язык возымел умиряющее действие.

На шум из приёмной вышел ефрейтор, оставив дверь открытой, а вслед за ним из кабинета выглянул немолодой немец в военной форме и в очках.

— Прекратить шум! В чём дело? — заорал ефрейтор.

Вильма уже снисходительно пояснила, обращаясь к старшему немцу, что преподнесла урок поведения недостаточно воспитанному человеку, который компрометирует новый порядок в глазах населения. Немец выслушал благосклонно, и когда Вильма попросила аудиенции, пригласил войти. Ефрейтор остался в приёмной, а Шайбле — эта фамилия значилась на табличке — пропустил Вильму вперёд.

— Мне нужна работа, — объяснила она, усевшись на предложенный стул. — До войны я преподавала в школе биологию и немецкий язык, теперь могла бы работать переводчиком. Школа, как я понимаю, в ближайшее время не будет функционировать?

На этот вопрос шеф биржи труда с пафосом ответил:

— В планах фюрера предназначение Востока в том, чтобы обеспечивать Германию продуктами питания и сырьём. Здесь будет создана немецкая колония, управлять которой будут немецкие специалисты, а местному населению достаточно уметь писать и считать. Биология и прочие науки ему ни к чему.

Нескрываемый цинизм покорбил, но, собрав волю, Вильма сказала с непринуждённой улыбкой:

— Надеюсь, мы, местные немцы, сможем быть полезными новой власти. На первых порах вашим специалистам потребуются консультанты, знающие местную специфику, и переводчики.

— О да, — согласился Шайбле. — У вас какая семья?

Это уже был вопрос по существу.

— У меня есть пятилетняя дочь, но она находится с моей матерью и замужней сестрой на Кавказе. С мужем мы расстались пять лет назад. В настоящее время я живу одна.

— Прошу ваше удостоверение личности, — сказал Шайбле.

Вильма подала свидетельство о рождении, заметив, что паспорт у неё изъяли прежние власти.

— Я пыталась уехать к родным, но при проверке документов обнаружилось, что я немка, меня задержали. Мне удалось бежать во время бомбёжки, но паспорт остался у них.

Свидетельство о рождении вместе со свидетельством о браке в ту ночь находились при ней в кармашке на нательном белье. Вильма предусмотрительно разложила документы по разным местам.

Вероятно, она произвела неплохое впечатление, потому что Шайбле предложил ей написать свои анкетные данные и, ознакомившись с ними, назначил день, когда ей следовало прийти.

Между тем в городе произошли страшные события. Говорили, что евреев, изолированных в зареченском посёлке, расстреляли, что во время облав арестовали и бросили в тюрьму многих коммунистов и комсомольцев.

Когда Вильма в назначенный день пришла на биржу труда, Шайбле на месте не было, а ефрейтор вручил ей два документа: один удостоверял её личность, другой являлся направлением на железнодорожную станцию в качестве переводчика.

Она была приятно удивлена оперативностью, с которой ей оформили документы, но, как позже стало известно, её предшественника нашли с

проломленным черепом и пришпиленной запиской “смерть предателям”, отчего оптимизма у неё поубавилось.

Теперь Вильма была связующим звеном между немецкой администрацией станции в лице господина Гейнца, человека лет за сорок пять с дряблыми щеками и подбородком, и техническим персоналом, возглавляемым инженером Любащенко, тоже немолодым человеком с хитроватым лицом.

Любащенко и его команда до прихода фашистов служили на железной дороге и были принудительно призваны на работу по её восстановлению и обслуживанию.

С бесстрастным лицом она переводила суть требований немецкого начальства, опуская, разумеется, оскорбительные выражения, но те, кому они предназначались, понимали их без перевода по интонациям и выражению лица. Настороженно и отчуждённо относились они и к ней.

— Извини меня, — полюбопытствовала Майя, прервав рассказ матери, — коль уж ты сама упомянула о предательстве, я задам нескромный вопрос: ты никогда не испытывала никаких угрызений в этом плане?

— Нет, — твёрдо ответила мама Вильма, — не испытывала. Во-первых, мне надо было зарабатывать средства на жизнь, а во-вторых, пятых и десятых — я не была виновата в том, что мне пришлось покинуть дом, работу, не я виновата, что государство не смогло защитить своих граждан от фашистов, что его армия не была оснащена.

Мама Вильма не обратила внимания на слово “никогда” и решительно отмежевалась от предательства по отношению к Родине, но, как считала Майя, было предательство в другой ипостаси — по отношению к своему ребёнку. Не к теперешней взрослой женщине, а к ребёнку, мечтавшему о маме. Неужели мама Вильма этого не осознаёт? Она рада встрече, полна гостеприимства, горда своим достойным материальным положением — и ни малейшего намёка на смущение, чувство вины. Что ж, может, это и к лучшему — когда настанет пора прощаться, в расставании будет меньше горечи.

— И вот однажды, — продолжала повествование мама Вильма, — на ближайшем разъезде диверсанты взорвали железнодорожное полотно. Кстати, к твоему вопросу о предательстве, если бы обстоятельства сложились иначе, если бы мне предложили работать в подполье перед приходом фашистов, я бы, вероятно, согласилась, но я оказалась один на один с собой и с Максимовной, оказалась не у дел.

Итак, на станции царил переполох. Распоряжения Гейнца сводились к одному: быстрее, быстрее, ещё быстрее. Ответы инженера Любащенко тоже не отличались разнообразием: “Будет сделано, герр Гейнц, стараемся”, — а в хитрых глазах вспыхивал, но тут же гас торжествующий огонёк. На развороченном железнодорожном полотне, куда Вильма сопровождала Гейнца, под присмотром автоматчиков копошились рабочие, служившие под началом Любащенко постоянно, и местные жители, согнанные на подмогу.

Поезда ходили редко и без графика, но в любой момент с соседних станций могло поступить сообщение об отправлении состава в ту или другую сторону. Так и случилось, когда работы по восстановлению пути ещё не были закончены.

Короткий состав из четырёх вагонов прибыл с востока. Медленно прополз паровоз, подгадав так, что третий вагон остановился перед вокзалом.

На передних и задних площадках вагонов стояли автоматчики, окна были задрапированы тёмным.

Было известно, что в поезде едет высокий чин, и встретить его вышел сам Гейнц в сопровождении своего помощника Зандера и Вильмы.

Через несколько минут из вагона вышел молодой нарядный офицер в фуражке с высокой тульей, представился, с интересом взглянув на Вильму:

— Капитан Реннер.

Гейнц и Зандер тоже были офицерами, носили военную форму, но в их облике не было той молодцеватости, с которой держался капитан Реннер.

Гейнц представился сам, представил своих коллег.

— Как скоро поезд сможет следовать дальше? — поинтересовался Реннер.

— Не раньше, чем через четыре часа, — ответил Гейнц, подстраховываясь. Любащенко он установил более короткий срок.

Реннер нахмурился и, не долго думая, заявил:

— Едем на место аварии.

Реннер ушёл в вагон доложить своему начальству, Зандер побежал распорядиться, чтобы подогнали машину, и вскоре Гейнц рядом с водителем и Вильма с Реннером и ефрейтором Рау, которого Реннер прихватил с собой, на заднем сиденье мчались к месту диверсии. Зандер остался на станции.

Любащенко, издали увидев машину шефа, вышел навстречу.

Окинув взглядом фронт работ, Реннер прервал Гейнца, начавшего кричать на Любащенко, и сказал своему ефрейтору:

— Переведите этому субъекту: если путь не будет готов через два часа, он получит пулю в лоб, — и выразительно покрутил перед носом Любащенко пистолетом.

Ефрейтор перевёл с немислимым акцентом и, несмотря на серьёзность угрозы, в глазах у Любащенко мелькнул смешок.

— Мы обменяемся переводчиками, — распорядился Реннер, обратившись к Гейнцу, — вы с ефрейтором Рау останетесь здесь, а фрау Винтерголлер возвратится на станцию со мной.

Сев вполборота к Вильме и закинув руку на спинку сиденья, Реннер приказал водителю ехать и весело улыбнулся, глядя ей в лицо.

— Ничего не поделаешь, таковы реалии военного времени. Не пригрози я ему пистолетом, он бы не торопился, да ещё бы воображал: вот как я немцев перехитрил!

— А если не успеют за два часа? — спросила Вильма.

— Получит то, что я обещал — пулю в лоб. Приказ надо выполнять, особенно, если это приказ военного времени, но не будем о грустном, — с иронией сказал Реннер и как будто нечаянно коснулся коленом её колена. — Поскольку я оставил своего переводчика там, чтобы избавить вас от неприятной миссии участвовать в грубом, жестоком деле и навлечь на себя негодование ваших соотечественников за сотрудничество с нами, вы на это время поступаете в моё распоряжение. Как вам это нравится?

— Нравится, — ответила Вильма, отодвинув колено, — я здесь работаю недавно, моего предшественника убили.

— Вот как! — Реннер скорчил сочувственно-весёлую гримасу и с убеждением произнёс: — Такой очаровательной фрау здесь не место. Расскажите о себе.

В свою очередь, когда она удовлетворила его любопытство, повторив то, что уже рассказывала и на бирже труда, и здесь, на станции, он приоткрыл в общих чертах род своей деятельности, вручив ей визитную карточку, на которой значилось длинное название акционерного общества по использованию производственно-сырьевых ресурсов на присоединённых восточных территориях, пояснив, что вслед за наступающей армией идут административно-хозяйственные подразделения, цель которых — восстановить разрушенные предприятия с тем, чтобы они работали на Германию.

— На Германию уже работает вся Европа, — сказал он с гордостью.

Когда возвратились на станцию, Реннер отпустил Вильму, а сам отправился доложить о положении дел своему шефу.

Спустя полчаса она увидела его в окно, выходящее на перрон, он направлялся к ней.

— Да, — скептически заметил Реннер, осмотревшись, — вы достойны лучшего. А я за вами, мой шеф, господин Кремер, приглашает вас к себе.

Зелёная ковровая дорожка и аромат хорошего табака и кофе — это был мир благополучия, мир, куда она всегда стремилась.

Чем они заслужили лучшую участь? Что это — воля случая или предопределение высших сил, награда за добродетели? В то время как сотни тысяч их соотечественников оголтело под пулями завоёвывают жизненное пространство, эти пожинают плоды.

По длинному коридору мимо закрытых дверей Реннер привёл Вильму в купе-кабинет, где за столом восседал его шеф, худой, лет под пятьдесят, в военной форме, с грубоватыми чертами лица.

Окинув цепким взглядом Вильму, он без излишних церемоний приступил к делу. Указав на стул напротив себя, Кремер подал ей через стол книгу в самодельном сером картонном переплётё, надпись на котором свидетельствовала, что это техпромфинплан на 1941 год одного из крупнейших горнодобывающих предприятий, и велел перевести оглавление. Одним из первых был раздел “Мощности”, именно они, потенциальные возможности предприятия, интересовали Кремера, и он приказал прокомментировать содержание раздела.

По тому, как одобрительно переглянулись Кремер с Реннером, когда она закончила, Вильма поняла, что неплохо справилась с заданием.

— Руди, распорядитесь, чтобы нам принесли кофе, мы с фрау Винтерголлер побеседуем, — сказал Кремер, обратившись к Реннеру.

Пока она рассказывала о себе и отвечала на вопросы, солдат в белом переднике принёс кофе. Отхлёбывая ароматный бодрящий напиток, Вильма почувствовала вместе с приливом сил подъём радужных надежд.

— Наш переводчик, ефрейтор Рау, недостаточно опытен, ему с трудом даются деловые и технические переводы, — сказал между тем Кремер, — для пользы дела мы осуществили перестановку: Рау останется в распоряжении Гейнца до тех пор, пока не найдут ему замену, а вы приступаете к его обязанностям.

Незамедлительно была вызвана машина, и Вильма в сопровождении Реннера отправилась за своими вещами. На этот момент Максимовны дома не было, и Вильма оставила ей записку и несколько марок, одолженных у Реннера. Она надела всё лучшее из того, что у неё было, включая тёмно-синее демисезонное пальто, в котором пережила бомбёжку у переправы через речку, над которым немало потрудились, чтобы привести

в достаточно приличный вид, и когда появилась с небольшим свёртком, в который поместилось остальное её имущество, Реннер, дожидавшийся её в машине, скептически полубопытствовал:

— И это всё?

На что Вильма, не опускаясь до объяснения причин своей имущественной несостоятельности, ответила:

— Старые вещи не стоит тащить в новую жизнь. Надеюсь, работа в вашем ведомстве позволит мне приобрести новые. Вы сами сказали, что я достойна лучшего.

На всё ушло более трёх часов, и когда послали машину за Гейнцем и Рау, работы по восстановлению пути были завершены, обошлось без кровопролития.

По пути следования поезд останавливался в нескольких крупных городах, где были предприятия, входившие в сферу интересов Кремера, и он со своей свитой, в которой состояла и Вильма, совершал ознакомительно-инспекционные визиты.

Как правило, оборудование этих предприятий было демонтировано и эвакуировано советской властью в восточные районы страны, а то, что не успели отправить, было повреждено.

Управляющие этими предприятиями были назначены акционерным обществом, от имени которого осуществлял свою деятельность Кремер, и были оставлены на “своих” предприятиях по мере продвижения поезда на восток. Теперь, на обратном пути, Кремер выслушивал их отчёты о состоянии дел. Все как один жаловались на разруху, акты диверсии, саботаж местных кадров.

Кремер устраивал управляющим грандиозные головомойки, обвиняя их в недостаточном рвении и требуя применять к саботажникам самые жёсткие меры.

Наконец пересекли границу, бывшую границу Родины. К этому времени Вильма разобрала, привела в порядок то немногое из архива, что попало в руки немцам на “подведомственных” им предприятиях, сделала аннотации к ним на немецком языке. Кремер был доволен.

Она не думала о том, что это предательство своей страны, пособничество захватчикам. Она делала дело, зарабатывая на жизнь в комфортных условиях. Не она, так кто-то другой выполнял бы эту работу.

Однажды утром Кремер попросил её зайти к нему в кабинет после завтрака. Когда Вильма вошла, он сидел за столом, разглядывая фотокарточку. Пригласив сестру, он подал ей снимок, на котором были запечатлены два крутолобых подростка со светлыми чубчиками, и сказал:

— Это мои сыновья, одному двенадцать, другому четырнадцать лет. Когда они вырастут, великая Германия будет простираться от Атлантики до Урала. Чтобы эффективно управлять такой страной, надо знать местные языки и специфику. В этом я убедился, посетив здешние предприятия. Я предлагаю вам место учительницы. Вы будете жить в моей семье в нормальной обстановке, в культурном окружении и преподавать, обучать моих сыновей русскому языку, знакомить их с восточной культурой.

Так Вильма оказалась в Германии, и в семье Кремера познакомилась со своим будущим мужем Эрихом Тиссенем.

— А ты не пыталась заняться наукой, вакциной, когда закончилась война? — поинтересовалась Майя, выслушав исповедь матери.

— Какая наука?! Семья, дети... — без всякого сожаления возразила мама Вильма, — а кроме того, у меня не было документа об образовании, мой диплом остался в фургоне, да если бы и сохранился, здесь он не действителен.

Майю царапнуло по сердцу: “семья, дети...”, а ею, Майей, мама Вильма пожертвовала ради науки без сомнений.

44

В воскресенье с утра стала съезжаться ближайшая родня, о существовании которой до недавнего времени Майя не подозревала.

Первым приехал Вальтер — правая рука бабушки, и они без суеты, деловито занялись устройством праздничного обеда. В их слаженном дуэте у каждого своя партия. У бабушки — ведущая. В нарядном шёлковом лиловом платье она восседает во главе стола, потчует Майю собственноручно приготовленным кофе, делает указания фрау Эрне относительно меню. Вальтер привёз необходимые продукты, заказанные бабушкой накануне по телефону, по её же просьбе прошёлся пылесосом по ковру в гостиной. Чувствуется их взаимная привязанность, родство душ.

— Смотри, Майечка, здесь ты имеешь место наблюдать за персонажами, знакомыми тебе по фотокарточкам, — говорит мама Вильма с присутствием её акцентом, взглянув в окно гостиной, где они расположились после завтрака.

Два автомобиля один за другим подкатили к дому. Из чёрного — Майя, не разбираясь в марках, различает машины по цвету — вышел высокий, начинающий полнеть мужчина.

— Это Отто, твой брат, — комментирует мама Вильма, — любит покушать, к сорока четырём годам обзавёлся брюшком, а ведь ещё года два назад был подтянут и строен.

Отто, причесав пепельные, на косой пробор волосы расчёской, извлечённой из нагрудного кармана жилетки, обошёл машину и открыл дверцу своей супруге, полной, желтоволосой, приняв от неё букет. Пройдя несколько шагов по дорожке к дому, они остановились, дожидаясь пассажиров другого, серого автомобиля.

Зять тоже не вполне отвечает эстетическим требованиям мамы Вильмы.

— Марк в своём амплуа, — говорит она критически, когда из дверного проёма машины появляются длинная нога и голова со спутанными кудрями, — пока Габриэла не устроит скандал, сам не подстрижётся.

Но Майе нет дела до кудрей деверя, она ревниво вглядывается в лицо сестры Габриэлы, виднеющееся за лобовым стеклом. Правильные черты лица, но в целом оно кажется бесцветным. Майя испытывает чисто женское удовлетворение от того, что сама выглядит не хуже своих западноевропейских родственников, в отличие от неё выросших под крылышками родителей.

— Иди сюда, — приглашает мама Вильма, усаживаясь на диван, когда обе пары с букетами направились в дом. У неё важный вид особы, дающей аудиенцию.

И вот на пороге улыбающиеся лица, немецкая речь, не всегда членораздельная для Майиною восприятия. Мама Вильма представляет прибывших, приветствия, рукопожатия, улыбки.

С братом сразу возникает обоюдная симпатия, а вот знакомство с сестрой вышло несколько напряжённым. Габриэла подавляет светскостью и превосходством, как будто не сёстры встретились, а соперницы. Впрочем, её можно понять: в её благополучный устоявшийся мир вдруг вторгается ни с того ни с сего единоутробная сестра, да ещё явившаяся оттуда, откуда прибывают и прибывают заплонившие Германию голодранцы.

За столом мама Вильма посадила Амалию рядом с собой по левую руку, по правую сел Отто, и сказала:

— Вы знаете перипетии моей судьбы, поэтому вдаваться в подробности не стану. В силу известных обстоятельств я в своё время была лишена возможности выполнить свои материнские обязанности перед старшей дочерью Амалией, а теперь у меня остаётся совсем мало времени и возможностей. Я прошу вас, — мама Вильма обвела всех взглядом, — принять её в нашу семью и не оставлять своим участием. Только так я смогу умереть спокойно.

— Умирать тебе ещё рано и мы не позволим, — ответил Отто, наливая в бокалы вино, — если Амалия пожелает перебраться сюда, мы с Габриэлой займёмся этим, не так ли? — он взглянул на сестру.

— Думаю, с окончательным переездом не следует спешить, — рассудительно возразила Габриэла, — пусть Амалия осмотрится, взвесит всё за и против, в зрелом возрасте не так просто поменять среду обитания.

Габриэла права. Майя и сама так думает. Первый всплеск чувств, эмоций улёгся. Мечта всей жизни осуществилась, возник вопрос: а дальше что? Мать не нуждается в её помощи, покровительстве, напротив, сама преисполнена решимости наверстать упущенное, отдать материнский долг. И всё же прямолинейность Габриэлы неприятно задевает. Чтобы не поддаться чувству отчуждения, Майя мысленно оправдывает её немецким рационализмом.

— Какую среду обитания ты имеешь в виду, Габриэла? — мама Вильма холодно и сердито смотрит на дочь. — Среда обитания — это прежде всего мы с вами, кровная родня, от нас зависит, будет ли Амалии комфортно здесь.

Меньше всего Майя хотела бы обременять собой новоявленных родственников. Напрасно мама Вильма форсирует события, взывая к родственным чувствам, их нет, пока нет. И в себе Майя их пока не обнаруживает, есть любопытство, интерес, как и ко всему, что имеет отношение к матери.

— Я согласна с Габриэлой, — говорит Майя.

— Такие дела не решаются на пустой желудок, — вмешался Отто. — Я предлагаю тост: за встречу!

За едой разговор отошёл от первоначальной темы и теперь состоял из мелких сиюминутных впечатлений, связанных с трапезой, разрозненных замечаний по поводу прошедших событий семейного либо общественного масштаба, планируемых мероприятий на ближайшее будущее.

К концу обеда появилась опоздавшая дочь Габриэлы Лотта, невысокая, худенькая двадцатилетняя девушка с бледным задорным личиком.

— Вы тоже нашей нордической породы, — говорит она, подходя для знакомства и с любопытством вглядываясь в Майино лицо, — и ничего нового от бабушки.

Мае приятно признание родства этой девочкой. Из потомства мамы Вильмы только Вальгер унаследовал её черты лица и яркие краски.

Естественным продолжением темы наследственности стали воспоминания мамы Вильмы о своих родителях, детстве и юности на Кавказе.

— Раньше ты нам не рассказывала этого, — упрекнула Габриэла.

— Это вызвало бы множество вопросов, а не на все из них у меня имелись ответы. Теперь, образно говоря, две разрозненные части картины жизни семьи удалось соединить, воссоздать полную картину.

В гостиной, куда они переместились после обеда, предоставив фрау Эрне навести порядок в столовой, мама Вильма достала пакет с фотокарточками, привезённый Амалией. Наибольший интерес вызвал снимок, на котором были запечатлены молодые мама Вильма и её первый муж, отец Майи.

— Бабушка, они чем-то похожи, твой первый и второй мужья, — заметила Лотта, — тебе нравился такой тип мужчин?

— Мне их Бог дал, — уклонилась от прямого ответа мама Вильма, — он был добр ко мне, хотя в молодости я была убеждённой атеисткой, провёл через испытания, губительные для многих, и в конце концов, под занавес, снял тяжкий груз с души, ниспослал утешение, я имею в виду нашу встречу с Амалией.

— Но ведь и испытания дал тебе Он, Бог! — не унималась Лотта.

— Испытания создают люди, а Он даёт силы их преодолеть.

Перебирая события прошлых лет, мама Вильма склонна видеть в благоприятных случайностях, поворотах судьбы, стечениях обстоятельств направляющую руку Провидения, поощряющую её добродетели.

А я, как же я, не нынешняя, а та, крошечная девчушка, оставшаяся на попечении тётки с бабушкой в разрушенной войной стране? — думает Майя, и в её сердце прорастают побеги обиды. По её понятиям материнская привязанность должна быть сильнее всех прочих чувств, даже сильнее страха, и, невзирая на опасность, должна держать мать в радиусе досягаемости своего дитя, чтобы в случае необходимости прийти на помощь. Она не одобряет женщин, которые решаются родить ребёнка, дабы избежать одиночества, вернее, не приемлет для себя такой путь решения проблемы. На её взгляд, это чистейший эгоизм — перекладывать своё одиночество на другое существо, не будучи уверенной, что его судьба сложится удачно. Она с полным правом может сказать маме Вильме: “Я не просила тебя меня рожать, ты родила меня без моего согласия и оставила на произвол судьбы в плену у жизни”. Но она не станет ранить восьмидесятилетнюю женщину. Пусть она останется со спокойной душой, с чувством удовлетворения.

Мужчины из вежливости перебрали несколько снимков и отошли к бару. Габриэла долго и внимательно рассматривает каждый снимок, сопровождаемый пояснениями мамы Вильмы. Завершив просмотр, она возвращается к тому снимку, где мама Вильма с отцом Амалии, вглядывается и говорит, отвечая Лотте:

— Это только на поверхностный взгляд кажется, что они похожи, — и через паузу как бы ставит точку: — нет, не похожи.

Майя тоже так думает, она видела снимки Эриха, отца Габриэлы и Отто, и находит, что взгляд у Эриха жёстче, черты лица крупнее. Впрочем, снимки несопоставимы, на них мужья мамы Вильмы в разных возрастных категориях — Эрих старше её на пятнадцать лет. Да и не в этом суть, а в том, что Габриэла не в восторге от появления сестры и отвергает, отторгает

даже малейший уравнивающий их факт. Что за этим? Ревность? Банальная, необъяснимая антипатия или наследство?

— Время работает против нас, — сказала мама Вильма за утренним кофе. — В моём возрасте всё может внезапно случиться. Хочу, чтобы ты знала: в завещании я третью часть суммы от продажи этого дома записала на тебя. Отто и Габриэла знают. Меня не будет — дом им не нужен. Если к тому времени, когда ты окончательно переберёшься сюда (об этом мама Вильма сказала как о деле решённом), всё будет нормально, я сама его продам и сниму хорошую квартиру для нас с тобой.

— Бабушка, а ты показала тётке Амалии наши семейные видики? — спросила Лотта, складывая фотокарточки в конверт.

— Мне это не пришло в голову, я о них забыла.

— Я думаю, тётке будет интересно посмотреть, как мы отпраздновали твой день рождения, — Лотта вопросительно взглянула на Амалию.

— Если мама Вильма не возражает.

— Почему вы говорите “мама Вильма”, а не просто “мама”? — поинтересовалась Лотта, — в русском языке так принято?

— Нет, в русском языке так не принято, но у меня машинально так получается, потому что я называла мамой и тётю Эльзу.

— Это естественно, — поддержала её мама Вильма.

Лотта достала из шкафа кассеты. Женщины расселись, заняв удобную позицию для просмотра, мужчины остались возле бара, но и они развернулись в сторону экрана.

А на экране мама Вильма принимает цветы, поцелуи, поздравления... великолепное застолье... танцы.

Этот видик сменяется другими, запечатлевшими семейные торжества. Даже Габриэла оживилась, смеётся, комментирует происходящее на экране, припоминая подробности. Шутивные реплики мужчин создают непринуждённую атмосферу, в которой раскрываются наиболее характерные черты присутствующих, их место в семейной иерархии: непререкаемый авторитет мамы Вильмы; снобизм Габриэлы и приверженность Марка, её мужа, своему делу (у него бензозаправочная станция и все паузы в разговоре он использует, чтобы поделиться с собеседниками тем, что его занимает в этой сфере), воспринимаемые остальными с лёгкой иронией, с оттенком снисходительности, чего Габриэла и Марк не замечают или не хотят замечать; немногословная, невозмутимая деловитость Ренаты, жены Отто, что-то поправляющей, переставляющей на столе, надзирающей, чтобы все блюда были в пределах досягаемости каждого; добродушная ироничность Отто в сочетании с несомненным лидерством среди членов семьи.

— Смее думать, что мы понравились Амалии, — сказал он в завершение встречи, — в ближайшие дни я выясню, какие документы необходимы для оформления гражданства.

Они с Габриэлой ещё навевывались сюда по очереди, у каждого из них Майя с мамой Вильмой побывали в гостях и всякий раз, встречаясь с Габриэлой, она испытывала натянутость, которую не могла замаскировать их обоюдная старательная приветливость. Возможно, как старшей по возрасту, ей следовало бы самой проявить больше тепла и открытости, но её сдерживало собственное положение бедной родственницы, ведь дорога и содержание её здесь оплачено семьёй, и она боялась показаться навязчивой.

45

— Ваше решение не поддаётся моему пониманию, — говорит Ольга, соседка по купе, помешивая ложечкой в стакане, — люди используют малейшую зацепку, чтобы обосноваться в Германии, а вы пренебрегаете такой возможностью, я бы ни минуты не раздумывала.

Ольга — инженер-проектировщик, её учреждение на мели, заказов нет, и она с приятельницей ездит в Белоруссию, закупает трикотаж и торгует на рынке.

— Уверена, вы хорошо подумаете, прежде чем принять окончательное решение, — поддерживает её приятельница.

Хорошо подумаете... Ещё как думала — и все дни пребывания в Германии, и в дороге. Но сколько ни думай, а камень преткновения остаётся — это страх утратить свободу и независимость.

Совсем другое дело, когда переселенцы получают субсидии от государства и зависят только от закона и ни от каких-либо частных лиц. А кем она будет там? “Болонкой” при маме Вильме, приживалкой? Не может же она приехать туда и обособиться. Мама Вильма строит свои планы относительно неё. Нет, решительно нет: свою независимость она не променяет на “золотую клетку”. Да, наступили трудные времена, но не менее трудные уже были. Их тяготы легли на плечи родных, её едва коснувшись. Теперь настал её черёд напрячься. У большинства людей нет богатых родственников за границей, они рассчитывают на свои силы. Ей проще, она одна, не отягчена ответственностью за близких. Многие переселенцы двинулись за “бугор” ради детей.

А кроме всего прочего, вращение в семью мамы Вильмы — это признание несостоятельности всей прежней жизни, предательство своих корней. А её корни — в здешних могилах, включая и отцовскую, но никак не за “бугром”, не в маме Вильме. Мама Вильма обойдётся без неё. Она в состоянии при необходимости нанять хоть компаньонку, хоть сиделку. Надо только поделикатнее ей написать, чтобы не обидеть.

... Мой дом — моя крепость. Поворот ключа — и вот он, оплот её независимости.

На следующее утро, придя на работу, Майя узнала потрясающую новость: завод объявлен банкротом, основная масса людей увольняется, остаются единицы, связанные с процедурой банкротства.

... И вот она сидит перед наброском своего письма: “... Я долго была под попечительством тёти Эльзы, ограждена от житейских проблем, поздно обрела самостоятельность и ещё не готова с нею расстаться...”.

За окном глубокая ночь, а дилемма никак не решается. Не ожидала Майя, что в её отсутствие так стремительно изменится ситуация. Несколько обнадеживает то, что Артур Гергенрейдер как-то сказал, что намерен открыть своё дело, где ей тоже найдётся место. Только когда это будет! Впрочем, пока всё образуется, можно одну комнату сдать внаём, не говоря уже о таком выходе из положения, как торговля.

И всё же страшновато пускаться в свободное плавание, особенно если ты не молода. Душа жаждет свободы, но гложет сомнение: хватит ли сил?

Читатель, не станем её торопить, принять решение не так-то просто.

Александр ПОМИНОВ

От первого лица

Голубиный гул

Тот апрельский голубиный гул
Долго дивной музыкой звучал.
Тот весенний ветер ровно дул
И деревья лёгкие качал.

Улица просторная, как храм,
На весну настроила орган.
Музыка взлетала к небесам,
Голубями падала к ногам.

Наполняла жизнью существо —
Вырастали крылья за спиной.
Музыка творила волшебство,
Музыка сама была весной.

А сегодня улица в снегу.
Холодно. Царит зимы разгул.
Но, как праздник, в сердце берегу
Тот апрельский голубиный гул.

Блики

Играли блики на стене
В неистовой шаманской пляске.
Причуды света и теней
У наших лиц меняли маски.

Смеялась ты, смеялся я.
Смеялись в унисон с метелью.
И нам широкая скамья
Столom служила и постелью.

В лихой рождественской ночи,
Виденья каждый миг меняя,
Летели блики из печи,
Нас буйной силой наполняя...

Я ничего не позабыл:
Ни этих бликов, ни ненастья.
Ведь был же праздник жизни, был!
Ведь были же мгновенья счастья.

Тот новогодний маскарад,
Теперь уж больше невозможный,
Остался высшей из наград
В глубинах памяти тревожной.

Отшили!

Одиночество в центре города,
Не услышат, хоть волком вой...
Я иду, запрокинув бороду,
С гордо поднятой головой.

И, пытаясь унять растерянность,
Бормочу: "Всё ещё впереди".
Дома снова придёт уверенность,
Успокоится сердце в груди.

Вновь не поняли, вновь не приняли
Деревенского чудака...
Здесь родного — лишь небо синее
В серых, встрёпанных облаках.

Да в кармане стихи газетные —
Стопка прелести и чепухи.
Неуклюжие, но заветные,
Дорогие мои стихи.

Судьба

А всё-таки судьба меня хранила
В изломанных житейских берегах...
Несла меня неистовая сила
И мне дарила друга и врага.

Казалось, даже времени законы
Порою были мной побеждены.
Но утром просыпался я со стоном
И забывал безумства словно сны.

Я жил беспутно в ногу с нашим веком,
Все глупости его переживал.
И всё же назначенье человека
Средь пьянства и грехов не забывал.

И потому не нажил капитала,
Карьерой никогда не дорожил.
Хоть и сдавался иногда устало
Под натиском неверия и лжи.

И эта слабость мстила мне жестоко
Потерей близких и родных людей...
Но всё ж сумел я сохранить истоки
Своих наивных праведных идей.

Не верю в перестройки и застои.
Теперь надеюсь больше на себя.
Упрямое, надёжное, простое,
Родное человечество любя.

А жизнь всё ближе катится к закату,
Сменяется терпением борьба...
Остаток дней ходить мне виноватым.
И всё-таки, храни меня судьба.

Ода метели

Какая ярая метель
Январской ночью бушевала.
Она срывала дверь с петель,
Бодрила нас и волновала.

Кряхтела древняя тайга,
Сводя на нет порывы ветра.
Ходили синие снега
Волнами в сотни километров.

Избы охотничьей тепло
Нас словно хмелем наполняло.
Вокруг всё выло и мело,
Смеялось, плакало, стонало.

А мы у древнего огня
Стихи читали, песни пели.
Мы были боги и родня
Разбушевавшейся метели.

Мы были молоды тогда,
И нас неистовая сила
В сибирских юных городах
На стрежень жизни выносила.

Теперь у всех какой-то быт,
Стихи иные и мотивы...
Но память бережно хранит
Той ночи ветреной порывы.

Посреди раздора и распада,
Человек, родной, остановись.
Посмотри, как после снегопада
Даль ясна и неогладна высь.

Посмотри — земля к весне стремится
И светлее стало на селе.
И поют всё веселее птицы
В пышных кронах крепких тополей.

Посмотри, мой милый человечек,
Облака плывут издалека.
Снова мир прекрасен, мудр и вечен,
Как извечно, как во все века.

Ты устал от распрей, криков, споров —
Сердце и душа твои болят.
Посмотри, как терпеливо, споро
На весну работает земля.

Поучись работе и терпенью
После зимних стуж, ветров, порош.
Полечись под это птичье пенье —
Может быть, счастливей заживёшь...

Изба

Моя избушка смотрит на восток,
Умыв росой прозрачные оконца.
В них по утрам заглядывает солнце,
Просвечивая каждый лепесток

Моих любимых полевых цветов,
Что дарят красоту мне без гордыни.
И скромности у них учась отныне,
Смирить свою гордыню я готов.

Мне на роду написана изба —
Не приживаюсь в городских квартирах.
Переменял их три или четыре.
“Вернись домой!” — велела мне судьба.

Я зиму жил под белою горой,
Которая весной зазеленела.
Я вновь учусь без спешки делать дело
И жить, как мой лирический герой.

Как в детстве постигаю красоту
Моих родных полей и перелесков.
Отрадно жить без перепадов резких,
Лелея в сердце прежнюю мечту.

Что день придёт и всё смогу понять,
В грехах раскаюсь, всем прощу обиды..
С горы такие мне открылись виды,
Что, кажется, весь мир могу обнять.

Зачем мы жизни ходу не даём,
Когда земля, прекрасная такая,
Нам дарит всё, во всём нам потакая,
А мы на ней друг другу глотки рвём.

А под горой стоит моя изба,
Наставница, замшелая старуха.
В ней нету места корысти и слухам,
В ней жизнью выверяется судьба.

Из породы дураков

Под ветерком горбатились ракиты.
Мы к ним бежали наперегонки.
Какие же мы были дураки-то,
Ах, Господи, какие дураки.

В стремлении достать звезду руками,
Сегодня быть счастливей, чем вчера,
Приятно притворяться дураками...
Прекрасны были в зорях вечера.

Росли, мужали озорные дети,
В рабочих превращались пареньков...
Сквозь годы все стараюсь я воспеть их,
Как равный из породы дураков.

Бабушки России

Мои святые!
Бабушки России!
Связующие нити поколений.
Под вашим небом бесконечно синим
Я становлюсь сегодня на колени.

Иконописные, святые лица,
Родные лица бабушек-старушек.
Пока в России есть кому молиться,
Не будет образ Родины разрушен.

Прости меня, святая Акулина, —
Не будет в памяти лица светлей,
Что в суете забыл твои былины,
Зато не изменил родной земле.

Прости, помилуй, бабушка Петровна,
Что опоздал тебя похоронить.
Зато успел продолжить род твой кровный
И сохранить связующую нить.

Святые Ольги, Клавдии, Марии, —
Хранительницы веры и Руси,
Вас жгли огнём и голодом морили,
Позвольте же прощенья попросить.

Россию ваши худенькие плечи
Через войну и распри пронесли.
Жизнь скоротечна.
Только подвиг вечен.
Поклон вам запоздалый до земли.

Нам ваши судьбы на распутье светят,
Не вечно же нам горе горевать.
Вы лик России!
Чист он, свят и светел.
Душою вашей Родина жива!

Как крысы с тонущего корабля,
Бегут сородичи в чужие дали.
Под их ногами горит земля.
Желаю счастья им., но едва ли
Его отыщут в чужом краю,
И их поспешности я не приемлю.
Не променяю на жизнь в раю
Я Богом проклятую родную землю.

От первого лица

Живу свой век провинциалом
И не хочу иной судьбы.
Поверьте мне, не так уж мало —
Присесть под вечер у избы.

Дела дневные подытожить —
Весь день был занят посевной.
(Он нелегко, но с пользой прожит.
Вполне заслужен выходной).

Помочь жене полить рассаду.
На грядке вырвать молочай,
И, встретившись с лукавым взглядом,
Поцеловаться невзначай.

Течёт река за огородом,
Испортил грядку пёс Кучум...
Под этим чистым небосводом
Я жить иначе не хочу.

Я верю — люди повернутся
К земле измученной лицом...
Ведь это счастье — окунуться
В природу, выйдя на крыльцо.

Презрев и славу, и карьеру,
Живу от первого лица.
Как истину, приняв на веру
Простую песенку скворца.

Слухи о моей кончине явно преувеличены.
Хоть дышу на ладан, но живой.
Наслаждаюсь с жаждой безграничной
Солнцем, оживающей травой.

Был я похоронен не однажды,
Но по слухам — не наверняка.
Потому, должно быть, жизни жажда
Так во мне безмерно велика.

Николай ЗАЙЦЕВ

Так сказал Моисей

Рассказ

Сколько сказано и пересказано, писано и неописано, но ещё никто не произнёс слов, которые бы стали несомненными в многовековом споре о происхождении этого племени, о местонахождении их родины. Люди, пришедшие “с той стороны”, а может, всё-таки “потусторонние”. Скажете, что нет никакой разницы в этом. Игра слов. Но в этом словосочетании таится нечто, что и объясняет присутствие на земле этих вечных скитальцев, таинственность их надежды на обретение утерянной родины, их отверженность во всём пространстве огромной земли. Как же так, у всех народов есть своя земля, на которой они родились и живут, есть нация, произошедшая из названия того края, есть история страны, а у этого народа есть только Книга, в которой Господь благословляет их землёй обетования, на которой они никогда не жили. Земля, на которую этот народ явился “с той стороны”.

Боря, по кличке “Фонарщик”, уже неделю томился одним желанием. Это его желание было вполне нормальным, человеческим, ничего такого несбыточного в этом его утомительном ожидании не существовало. Просто он хотел пойти к своей давешней подруге Нине Ивановне, чтобы излить свою душевную тоску прямо на её обширную грудь, такую открытую и очень плодородную для таких посевов, которые поутру произрастают покоем в душе сеятеля. Из этих прикосновений к её мягкой груди в нём всегда вырастало чувство свободы. В эту тёплую, приветливую отзывчивость для многих человеческих горестей навсегда (ну, во всяком случае, на время до нового свидания) пропадали тоскливые мысли о своих неудачах, сомнения в справедливости жизни и даже мелкие сожаления о давних, невозвращённых долгах. Такие свидания были для него духовным очищением, освобождением от тягостных раздумий, путешествием в юность. Он, конечно, видел, что к Нине Ивановне приходят и другие мужчины, даже был с ними знаком, но не знал, зачем они приходят к ней, не интересовался этим и потому был счастлив сам по себе. Когда он приходил в её небольшое кафе, расположенное на стыке двух улиц, она сразу же удаляла всех людей, находившихся в это время в директорском кабинете, выходила из-за своего стола, брала его за руки и

**Николай
Петрович
ЗАЙЦЕВ**

родился 3 декабря 1950 года в г. Талгаре Алматинской области. После окончания средней школы работал в топографической экспедиции, закройщиком на трикотажной фабрике, радиомехаником в телевизионном ателье, мастером по изготовлению очковой оптики. В талгарской газете “Звезда Алатау” публиковал стихи, рассказы, статьи. Печатался в литературных журналах “Простор” и “Нива”. Лауреат конкурса “Сорос-Казахстан” 2000 года в номинации проза. В 1993 году в издательстве “Жибек жолы” вышел его поэтический сборник “Талгар”, в 2004 г. он выпустил книгу повестей и рассказов “Через прочее”, в 2005 — сборник избранных стихов “Вершины Талгара”. Живёт в г. Талгаре.

долго смотрела ему в лицо. Он терялся в этом солнечном свете, исходящем из её глаз, и больше ни о чём не думал. Но вот уже неделю, как он жил сомнением, нужно ли ему идти на свидание со своей, так нужной ему всегда, свободой. Нет, тяжести в душе накопилось достаточно и собралось много слёз, которыми хотелось оросить самую тёплую, после материнской, грудь Нины Ивановны. Припав к такому благодатному полю, уже не жалеешь ничего, даже самых-самых горьких рыданий и сладостных ночных признаний. Горечь и сладость всегда соседствуют, чтобы их различать. Пережить самому и дать познать другому эту свою тоску и радость, вызвать сочувствие, поделиться и уйти от близкого существа уже налегке и снова жить. Борису очень хотелось жить, по-новому, спокойно. А покой ему приносило только свидание с Ниной Ивановной. А не шёл он на свидание из боязни, что у него опять не получится настоящей близости с предметом своего воздыхания, как в прошлый раз. Тогда, во время начавшейся радости своих чувств от единения с нежным телом возлюбленной, он вдруг подумал о тех мужчинах, которые тоже приходят сюда, и о своём, пусть вынужденном, содомском грехе, и после этого уже не смог довести любимое дело до завершения. Потом он смотрел на удивлённое лицо Нины Ивановны и думал, что раньше он никогда ни о чём не думал во время этого самого приятного в жизни процесса. Значит, пришла старость, потому как в молодости ничего не думаешь ни до встречи, ни после, и тогда всё получается и даже много раз. Вот потому он так долго, целую неделю, не шёл на свидание. Молодой мужчина всегда точно знает, зачем он идёт к женщине (или хотя бы догадывается, если не совсем дурак), в зрелом возрасте он уже не всегда уверен в надобности таких поступков, но является туда, скорее, по привычке, приобретённой ранее.

Такие мысли тревожили Борю “Фонарщика”. Почему Боря звался фонарщиком? Нет, он никогда в своей жизни не зажигал фонарей, он родился в эпоху электричества и видел фонарные столбы только в центре города — месте средоточения домов власти, на площади с постаментами и реликтовыми фигурами вождей нашего прошлого, позже просто постаментами, ждущими, когда на них взойдут властолюбцы нового времени. А “Фонарщиком” он звался издавна, потому что любил, говоря образно, посадить на “фонарь”, то есть пообещать помочь человеку в каком-нибудь нужном деле, но не выполнить своего обещания. Он умел разговаривать таким доверительным тоном, что даже много раз обманутые люди вновь обращались к нему за помощью или советом, хотя сами наградили его званием главного “фонарщика” или “фонариста” в городе. Много раз он имел за эти обманы “фонари” под своими честнейшими глазами, но не унимался, а имел какой-то свой “кайф” от свирепости в глазах этой, “обфонарённой” им публики. Что ж, у каждого свои прелести в жизни. Кому-то приятно бить людей, а кому-то вдвойне приятней быть битым. У нас в стране битых любят, всегда пожалеют, не спрашивая, за что те попали под кнут, и даже дадут чего-нибудь по жалости своей. Но Боря никаких подарков от своего необычного увлечения не имел, кроме неприятностей, которые потом с большим трудом разводил в мирное пространство. Он также имел приличный доход, который приносила мастерская по пошиву и ремонту обуви, а невзгоды его случались от непонятого хобби. Сапожным делом он занимался давно и уже в советское время имел сапожную будку, но совершенно не пил, чем приятно удивлял клиентов, и потому раскрутился, расширил свои владения, взял работников, и от хорошей жизни — безделья занялся “фонарным” делом, что приносило ему моральное удовлетворение и

многочисленные неприятности, которые часто приходилось “замазывать” деньгами от прибыли, приносимой мастерской по ремонту и пошиву обуви. Народ давно уже привык к самому Боре, его чудачествам, хорошо пошитой обуви, как необходимости в своей жизни, и потому долго на него зла не держал. Так живёт всякий еврей, в любой стране мира, и если вдруг у него не случается в жизни неприятностей, то он их находит сам, иначе его жизнь теряет всякий смысл. Жить спокойно неинтересно. Нет страха — нет мысли. Надо придумать себе небольшие интриги, что приносят беспокойство, чтобы остаться евреем, а деньги — это стук по башмакам клиентов, и чем его слышнее, тем больше денег. Мастерская у него была небольшая, но в центре города и с уютным холлом, отдельным с рабочими помещениями, где можно было, придя сюда с каким-нибудь делом или просто случайно, посидеть, поболтать о многом сразу и ни о чём, узнать городские новости, о которых не пишут в газетах, повиснуть, образно говоря, на “фонаре”, ни для чего, а просто так, чтобы доставить хозяину мастерской удовольствие. Неудовольствие и споры придут потом. Кайф от неприятностей — это тоже кое-что, надо уметь это получать. И Боря, таки, его получал. Хотя не всегда успевал радоваться, вернее радовался, но только в начале процесса, окончание этого “офонаривания” всегда получалось неясным. То ли в морду получишь, то ли посмеёшься вместе с клиентом. Но такой уж он был этот Боря “Фонарщик”. В мастерской у него работали армяне, несущие потомственность башмачников от самого... кого? От своего народа, всегда умевшего пошить хорошие башмаки. Приёмщицей башмачных заказов служила дебелая блондинка Люся — любовная страсть сразу всех троих армян. Как они делили неоглядную пышность её фигуры промеж собою, это ещё одна тайна загадочного армянского народа. Этот, почти семейный вопрос, они ни с кем не обсуждали, просто дружили и всё тут. Они и жили, как заговорщики, редко говорили по-русски, а Люся только иногда высказывалась в их адрес и то, когда ругалась с клиентом: “Черти нерусские, натворят, теперь тут разбирайся. А им что? Они ни бумбум, нэ понымаю — и всё. Деньги понимают получать, а разбираться я”. Потом она ругалась уже по-армянски — и уже никто ничего не понимал. Но разборки с клиентами бывали очень редки, и из этого нельзя было угадать хотя бы направление их взаимоотношений. Мастерская жила своей жизнью, клиенты, в своей основной массе, были довольны как пошивом и ремонтом обуви, так и возможностью бесплатно общаться в этом, ими самими придуманном, клубе. Сюда заглядывали местные знаменитости (все носят башмаки), заносило и завсегдааев телевизионного эфирного времени союзного масштаба. Возникали стихийные богемные тусовки, но всегда заканчивались спорами между представителями разных направлений в искусстве. Такие разговоры не нравились Боре, он любил поспорить, неплохо разбирался в самом искусстве, но совсем ничего не понимал в символизме, импрессионизме и постмодернизме, из всех этих раковых метастаз на теле духовного гения человечества к нему относилась только вторая половина символа импрессионизма, но и в этом агрессивном еврейском сообществе, благодаря своей осторожности, он не участвовал. Музыка не понимать, а слушать надо. Волнует душу, значит — твоя музыка, а разум здесь ни при чём. Искусство — понятие доступное, а вот направления в нём — это уж куда кого нелёгкая понесёт. Может так занести, что лет через сто обнаружат, но всё равно не поймут. Тачать башмаки тоже искусство. Конечно, другой картину нарисует, глаз не отведёшь. Но посмотрели бы, как он, стоя на каменном полу, без обуви,

рисовал. Пару башмаков и вывел бы на всём полотне. Случаи такие бывали. Искусство — международный язык, всем понятно, и про башмаки тоже. При разрешении совсем уж непонятных богемных споров приходилось удалять из обувного салона не в меру раскричавшихся косматых и бородатых гениев, претендующих лишь на будущее понимание их произведений неблагодарным народом. Этим народом оказывалась Люся, которая сразу, не откладывая надолго, всё понимала и выдворяла крикунов прочь. Она, Люся, управляла здесь всем: и мастерской, и армянами, и народом, приходящим сюда по делу, и просто бездельниками. Управляла она и Борей, хозяином этого заведения. Он давно уже не занимался делами мастерской, всем этим ведала Люся. Делала она это незаметно, без показухи, но основательно и уверенно. Ей никто не возражал. Боря иногда просматривал её отчёты, подписывал бумаги, делалось это всё спокойно, без надрыва, с доверием, и потому дела мастерской шли неплохо. Даже хорошо в сравнении с диким бизнесом, бушующим вокруг. В советское время опасно было быть богатым. Могли всё отобрать и посадить. Сейчас можно всё, даже стать миллионером, но опасней вдвойне — могут просто убить. Капиталисты нарождались как грибы после обильного дождя, и так же скоро пропадали, сорванные с хлебных мест налоговой инспекцией, бандитами или просто собственной дуростью. Боря всё это понимал и глупостей в работе с деньгами не допускал. Он понимал многое, когда ещё был сапожником, а теперь, будучи хозяином, стал понимать ещё больше. Если познание бесконечно, то Боря “Фонарщик” находился где-то рядом с этой бесконечностью. И потом, он ведь был евреем и не скрывал этого. Когда что-то скрываешь, то это что-то ты прячешь сам от себя. Он не мог скрывать, что он еврей, поскольку понимал, что такое заключено в этом слове. В душе Боря был актёром, играл свою жизнь, наслаждался этой любимой и потому главной ролью в этой же самой жизни. В молодости, в поисках своего предназначения, он даже поступил в актёрскую школу при еврейском театре, получал роли, но уже очень скоро понял, что еврейский театр — это сцена, где евреи пытаются играть в людей. Зачем этому учиться, потом придётся переучиваться играть в евреев. Лучше играть среди людей, а жить за кулисами, когда ты один или спишь вот там и живёшь сам, а когда выходишь в Божий свет, ты уже не ты, а актёр. Не надо об этом забывать, не то можно перепутать, и тебя не узнают на службе, и ты сам потом не сможешь найти себя настоящего. Чего доброго, упекут в психушку. Непохож, значит — сумасшедший. Говоришь им, что ты Наполеон, а они не верят, как будто они с этим Наполеоном соседи. Кто этого Наполеона живого видел? Но все утверждают: не он, не он. Ошибутся если, сразу говорят, мол, светило науки, профессор, гонорис кауза, так определил, что не Бонапарт это, а сумасшедший. А подумать — светило у нас одно, оно без всякой науки всем без исключения светит — и сумасшедшим, и профессорам. А может, ты и вправду Наполеон, но просто ловко играешь сапожника, а скажешь правду, и хана тебе — смиренная рубашка. Вон один сапожник возомнил о себе как о Грозном Иосифе, так вся страна знает, что из этого вышло. Всех мерял не выше уровня голенища своего сапога. Один поэт, еврей, кстати, так ловко про его сиятельные сапоги прописал, что этот блеск всю страну озарил, но и поэта того высветил и во тьму увлёк. Нельзя путать, где жизнь, а где игра. Можно такое натворить — и самому не поверится. Потому он, Боря, и не женится. Где же он тогда сам жить будет? На работе люди, а дома жена, дети — с ума сойдёшь. Нет, уж лучше в одном месте отыграть задуманные на день роли, переделся дома, грим смысл

и живи себе сам. Беседуй с собой о своём, нужном только тебе. А размышлять есть о чём. О евреях, например. Об их судьбе в этом мире. Дарвин говорит, что люди произошли от обезьяны. Потомком обезьяны легче жизнь прожить. Если что, на предков можно свою глупость свалить. А на Отца Небесного грех роптать. Может быть, кто-то и родился от какой-то обезьяны (по некоторым очень заметно, особенно когда говорить начинают), но евреи — нет, у них другое происхождение. Вышли из Египта, пошли в землю обетованную, и что — не знали, где та земля есть? Знали. А чего тогда сорок лет шли, когда там пути на полгода, не более? Пустыня понравилась? Такого никому не пожелаешь. Теперь говорят, что Моисею Господь повелел не вести на родную землю рабов, а подождать, пока поколения сменятся, и народ о рабстве забудет. Свободным станет — тогда и домой. Но не в пустыне же их морить, какое там поколение без воды и еды вырастет? Так, хиляки, которые о глотке воды мечтают. Какая уж тут свобода. Рабство рождается вместе с человеком и следует с ним по жизни. Рабом трудно жить, а что со свободой делать? Иди куда хочешь, делай чего захочешь и никому ты не нужен. Это и есть свобода. А тогда закон зачем написали, если к свободе шли? Там ведь запретов столько — сколько и в Египте не знали. Рабство — оно как раз из законов и создано. Тогда зачем по пустыне бродили? Не знали куда идти? Знали. Господь указал. Да и тесть Моисеев приходил с той стороны, куда было надобно двигаться. Чего ж медлили? Конечно, без Господнего соизволения здесь не обошлось, но прилетели евреи с другой планеты. Не сами они, но те, которые потом ими стали. “На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою Синайской, и трубный звук весьма сильный”, — говорится в 19-й главе Исхода. Взобрёл Моисей на гору, а там какое-то железное чудовище полыхает огнём страшным, а вокруг народ незнаемый толпится. Испугался Моисей, ничего подобного ни на родине, ни в Египте не видал. А люди те, пришлые, — рослые, красивые. Давай говорить, объясняться на пальцах, ну как могли, как Люся с армянами сначала говорила. У тех людей авария произошла с кораблём их летающим. Вот тут и тайна вся. Как там Моисей договорился с ними, только Богу известно. Но догадаться можно. Призвал он туда всех уважаемых людей своего народа, и стали дальше беседовать. Поладили они промеж собой. Прилетевший народ сообщил на свою планету о катастрофе с кораблём. Приказали им ждать в том месте, где несчастье случилось. У тех уже полная цивилизация — радио, мобильники. Припугнули Моисея всякими разностями цивилизными (оттого он, бедняга, и заикаться начал, пришлось Аарону за него с народом объясняться), да и сам он не дурак, понял, что народ серьёзный прилетел, шутить не станут. Они, эти люди, как раз нашу планету изучали, как мы Луну, и язык землян немного знали, только раньше времени обнаружили. Договорились, в общем, вместе ждать. Вниз пошли. А там народ тельца золотого празднует. Не приняли гостей, как подобает, давай спорить с Моисеем, расправой пришельцам угрожать. Моисей и спросил, мол, кто с нами? Сыны Левиины сразу смекнули в чём дело (Моисей-то их колена уроженец), и отошли в сторону пришедших. Остальных мужиков порешили на месте. Куда им с ножами супротив невиданного оружия. Потом вместе ждать стали. Жизнь-то инопланетяне в будущем, наверное, очень симпатичную посулили, а лучше сладкой мечты, обещанной, что есть? Много времени минуло. Тут и законы написали: никого близко не подпускать, ни с кем не смешиваться, никого кроме своего народа не любить, никому кроме своих не помогать. Скрижали тех заповедей на

камне лучом лазерным выжгли. Но тогда ещё самого Лазера не было, и потому всё это в Господни чудеса записали. Есть когда Господу законы вам устанавливать. Живите, как хотите, потом спросится. Законы людям нужны, чтобы друг друга за нос водить.

После таких, совместных с пришельцами реформ, женщины стали родоначальницами, а левиты пастырями, а все вместе ждать стали прилёта корабля инопланетного и отлёта в другую неземную — и потому благодатную жизнь. Секреты из той жизни народ освоил быстро и получил запрет на разглашение этих инопланетных тайн. Женщины стали рожать новых евреев: умных, хитрых — всяких. Вот для того и водили их сорок лет в пустыне, чтобы перемешались с инопланетянами, забыли бы всё старое и стали новыми евреями, людьми, которым нет равных на земле. Годы шли, пока помощь с той планеты приходила, под видом манны небесной, жить было можно, потом что-то у них там случилось, связь стала плохой, и двинулись новые евреи в страну обетованную, пропитание искать детям своим. Пришли туда, а там народу всякого живёт много, воевать с ними стали. У тех мечи да копья, у пришельцев луч лазерный. Пожгли всех, огородились стенами высокими и стали ждать. Последняя связь с той планетой, будущей родиной, была с этой земли, нарекаемой Израиль. И сказали народу ждать здесь и никуда не двигаться до прилёта корабля. Тут и стали ждать Спасителя. Жили совсем обособленно, но с надеждой. Построили высокие стены, Храм большой на горе, чтобы отовсюду видать было, когда за ними с их планеты корабль прибудет, и стали жить. Нарекли место своего Храма — Ершалаим. Город Мира. Того мира. Настоящего. Тогда евреи подолгу жили, но стали общаться с другими народами, перенимать их обычаи и болезни и стали быстро стариться. Многие стали смешиваться с другими народами, несмотря на запрет. Их потомки называют себя евреями, но они не знают, почему они евреи. И только материнская кровь обещает право на возвращение на ту далёкую планету, то ли родную, то ли обетованную. Долго так жили. Научились всему земному, но и своего не забыли. А чтобы всегда помнить, все свои заветы в Книгу записали, да так, чтобы не каждый понял, о чём там речь идёт. Историю бытия своего ту старую написали, про отца Авраама, про Египет, а дальше только посвящённые могут понимать. Это сейчас эту великую Книгу толкуют как кому на ум взбредёт. А тогда точно знали, что они туда записали. А запретов в той книге столько, что оставалось евреям только за стеной и жить. Особняком и по своим законам. По тем, что скрижалями в Синае выжжены. Повторений в тех святых скрижалях много? Так повторение — мать учения. Книга большая, не грех и повториться, чтобы не забыть, откуда всё пошло. На том ещё раз и порешили: жить особняком, не смешиваться с другими народами (кто ушёл за чужими жёнами, тот пропал для народа навсегда) и ждать, когда за ними свои прилетят. Спасут от земных страданий. Спасителя стали ждать, Мессию. Долго так жили. Утратили свои навыки, к земным трудам стали привыкать, с окружающими общаться, языки их понимать начали. Но на земле люди алчны, допытываться стали, кто они да откуда? Евреи — молчок. А от неизвестности всегда война начинается. Века прошли, всё, с чем прилетели, давно за ненужностью в музей свой снесли, а с мечом воевать против землян непривычно. Не устояли. И пошло-поехало. Кого только на многоотрадальной земле Израила ни побывало. То в одну сторону бедных евреев угонят, то в другую. Всегда назад возвращались, разрушенный Храм отстраивали вновь, стены городили высокие и ждали Спасителя. Договорились ведь, где и в каком месте

они должны своих спасителей ждать. Потому и возвращались. А так и в Вавилоне можно было жить, чем назад на пепелище возвращаться. Но надо, а то прилетит корабль за ними, а их нет на месте. Пуще всего боялись, что их там не застанут. Уже вроде привыкли ко всему земному, но нет, пусть на Земле теплей, но родина милей, — запомните, евреи, это слово. Это не только в песне поётся, это на самом деле так. Потом долго под Римом жили. Неплохо жили. Но тут случилось, что пришёл Спаситель. Назвался Иисусом из Назарета. Зачатый и рождённый таинственно, слова говорил не очень понятные, но верные. Людей лечил от страшных болезней, мёртвых оживлял. В Ершалаим пришёл, к Храму. Стал говорить евреям: “Живите, как все люди. Любите всех, кто на земле живёт, а не только себя, и даже врагов своих любите. Нет больше той планеты, откуда ваши предки прибыли. Погибла она от большого ума тех людей, что на ней жили. Не повторяйте их ошибок”. И дал им Новый завет — жить вместе со всеми народами в мире и любви. Не поверили ему евреи, не согласились, отдали его на распятие. Он умер, но дух Его жив остался и вера в Него живёт в душах других народов. Поверили бы Христу — жили бы как все люди. Но как было поверить? Ждали корабль космический, хотели улететь к себе на родину, а тут явился простой человек, такой же еврей, как и все, и говорит: живите здесь, любите всех, другой жизни для вас больше нет. Как тут поверить? Сколько веков терпели, бились за свою никому не понятную мечту, а тут конец всем надеждам. Не приняли и распяли, чтобы не плодил сомнений. Оставили себе надежду ожидания возвращения. Куда? На родину. А Израиль — это место, откуда должно состояться это их, евреев, вознесение. Всего лишь. Так сказал Моисей. Потому всё, что происходит с евреями на этой земле, — временно. До пришествия неземных братьев. А эта земля евреям не мать и даже не мачеха, потому и чудачат они на ней, не признавая родней себе другие народы. Так и живут за стеной, разделяющей их мир с другим, совершенно чужим для них миром.

Но всё-таки после Христова пришествия многое переменялось. Лет через семьдесят после рождения Иисусова римский император Тит дотла спалил Святой град Иерусалим и рассеял евреев по белому свету. И получилось у них, что они дважды гости: в белом свете, по замыслу Господнему, и на земле, как по месту жительства. Такое ещё никому не удавалось. Только радости от этой удачи мало. Загостились. Хороший гость ненадолго приходит. Веками в гостях не живут. Вначале просили вежливо, потом всюду гнать стали. Вот и ходят из дома в дом, из страны в страну, но только в гости. Тогда и зародились сомнения в еврейских головах. А в головах этих многое хранилось, переданное в словах от первых пришельцев. Кое-что стали рассказывать, где под пыткой, где просто из любопытства, где за деньги большие. А вначале всего маленькое колёсико от того инопланетного корабля показали, ну взяли с собой для памяти, и такое стало на земле твориться — всё кругом закрутилось, поехало, понеслось, полетело. По этим еврейским секретам, рассказанным, люди столько изобрели всего, что даже в космос полетели. А евреи сидят в этих космических центрах и ждут у телескопов: вдруг та самая планета отыщется, с которой они к Моисею прилетели? Не они к нам, за нами, так мы к ним с приветом. Надежда — великое чувство — космос покоряет.

Боря “Фонарщик” как услышит про какое-нибудь новое чудесное изобретение, сразу подумает, опять какой-то еврей проболтался. Болтливы стали евреи, уже почти все свои секреты раздали, продали, одна надежда только и осталась. Эту надежду, несоизмеримую с чаяниями простых землян,

окружающие никак, до сей поры, понять не смогли. Оттого и вышли у них большие разногласия с земным миром. Послушались бы Христа, признались в своём неземном происхождении, жили бы как все люди, в любви и согласии. Нет, гордыня не позволила. Писались бы по паспорту “инопланетянин”, а не еврей, и зла бы меньше к ним было. Что с них возьмёшь, не местные ведь. Пришельцы, значит, не принадлежат этой земле и потому за свои дела на ней у них покаяния не предусмотрено. В космосе планет много, где люди жили и живут ещё. Только одни свою планету, данную им Господом, быстро на нет извели, а другие ещё доживают. Бездомных инопланетян по земле несчётно шатается, но их пока не замечают. Все люди прилетели на Землю с разных планет, потому все они разные. Сколько не отмывай негра с Мозамбика и не держи его во льдах Ледовитого океана, он останется чёрным. Помора можно поселить в Зимбабве, только облезет от жары, но не изменится ни на йоту. Какими прибыли сюда, такими и останутся. И сейчас инопланетяне к нам летят на разведку, чем поживиться ищут, но мы их опознать не можем, они любое обличье принимают, как своё. Некоторые тут годами проживают. Просто законы научные у них и нас разные. Науку каждый свою выдумывает. Скорости разные. Мы их ждём в одном месте, а они в другом появляются. Ничего хорошего от них землянам нет. Болезни неведомые завозят. Обличье принял африканское, пошёл в бар, с девушкой познакомился — и на тебе, синдром иммунодефицита в подарок. Дефицит нам слово понятное — мужиков нехватка, остальное — тьма космическая. Но учёные этот СПИД на обезьян списали, мол, кто-то с обезьяной пожил немного — и вот вам наказание, за грехи ваши. Обезьян самих расспросить, они бы вам рассказали, кто с ними и когда жил и кто тому СПИДу родитель, и ещё многому чему. Погодите, животные говорить научатся — и наука ваша никому больше не понадобится. А тут ещё куриный грипп изобрели. Хохлаток всех под нож, а надо бы совсем других резать. Тех, кто с микроскопом разные инопланетные штучки изучает. Подкинут им какой-нибудь сундучок, мол, разберитесь, чего мы туда положили. Обрадуются дураки учёные, сейчас Нобелевскую премию получим, откроют, — а там новая зараза. Хорошее разве так просто дают. Не зря, видно, раньше учёных на кострах жгли, сифилиса без них и то совсем немного находилось. А теперь бедные куры и обезьяны страдают. Недавно Боря встретил одного инопланетянина, такое говорит, страшно становится. Полмира, говорит, надо уничтожить, тогда всё хорошо на земле станет. Всё равно половина дураков на земле проживает. А как определить, кого в расход, кого приголубить? Дураков и у власти много, как выбирать будут — неизвестно. Некоторым вождям только дай волю, только себя, любимого, одного, и оставят во всём свете. Они ведь себя за половину мира считают, а остальных за букашек. Как Адольф. Только у нынешних возможности ограничены, а дай волю, они себя покажут, похлеще Нерона будут. Такое уже было в истории и не раз. Посмотрел Боря на этого умника и подумал, вот с таких, как ты, и начинать надо, тогда точно всё хорошо будет, и не потом, а сейчас. Но сказать ничего не сказал. Похвали — он тут же и начнёт свою программу осуществлять. Не отходя от тебя. Поругай — тоже самое будет, от обиды озверееет. Опасно жить стало. Учёных много, умных мало. Получается, все инопланетяне, но помнят о своей далёкой родине только евреи, и земля Израиля, это место, откуда начнётся вознесение народа к своей планете, к своей земле. А не замечают других, потому как не выпячиваются, а евреев тех всюду видно, где они появятся — сразу учить других начинают, а кому учиться охота — как

привыкли, так и живут. Боря не совсем разделял эту еврейскую надежду на возвращение. Он знал, что где-то что-то было, а может, и есть, как есть еврейские символы, принесённые ими со своей планеты. Шестиконечная звезда — символ той планеты, и менора и мезуза, всё оттуда — всё память о той земле, о пришельцах первых, о встрече их с Моисеем. Каббала — тоже память космическая, и числа её мало кто нынче понимает. Толковать-то толкуют, кому не лень, а вот понять не могут, забыли многое. Хасиды что-то считают, пересчитывают, где высшие миры, где низшие. Чего там считать? Высшие миры вверх, низшие в грязи ползают. Все доказательство на виду. А если попал не в тот мир, в какой хотел, то и тут нужно жить, как люди, не выпячиваться, но и не ползать. Нет, Боря любил свой народ, но недолголюбивал в них еврейство, вросшее в сознание и действующее как наркотик. Эти мелочные споры: пыль до потолка поднималась, всё наружу выворачивалось, а из-за чего, из-за одного, недобитого им, Борей, в их подмётку гвоздя. Это в бытность Бори-сапожника и потом тоже. Спор стоял на полдня. Сколько должно быть гвоздей в подмётке? А сколько их там должно быть? Сколько забьёшь — столько и есть. Ан нет, какой-то еврей посчитал, что должно быть на один больше, чем забито было гвоздей, тем же Борей, в подмётку старого башмака. И ничем не докажешь ты свою, годами выстраданную, профессиональную сапожную правоту. Евреи в любом деле профессора. Забьёшь ему этот недостающий в его подмётке гвоздь, и уходит он от тебя, из твоей мастерской с видом человека, открывшего счёт в банке и положившего туда десять тысяч долларов. А может, так и надо — гвоздь к гвоздю, и счёт в банке. Но что говорить, спорить так, как это умеют делать евреи, могут только евреи. А спорят они везде — и в мелочной лавке, и в Кабинете министров. И везде последнее слово остаётся за ними. А почему? Да потому, что никто конкретно не вычислил, сколько должно быть гвоздей в подмётке башмака. Вот и спорят. И законов нет таких, чтобы точно что-либо обозначали. Так, ни то ни сё. Понравится человек — ему по одному закону воздадут, не понравится — по другому, а просили одного и того же — гвоздь забить. Одному добавили гвоздей, а другому сказали — не положено. Как не положено, когда вон тому добавили гвоздей? Создадут пару комиссий, заседания начнутся, к тому времени башмаки сотрутся и вопрос исчезнет сам собою. Это к тому, что спорить уметь надо. Привычка должна иметься и знания в любом деле.

Боря не спорил. Он знал, с кем можно спорить, а с кем не стоит. Не стоит спорить с жизнью, она сама знает, куда движется. Он знал Тору, учил Талмуд и верил, что если следовать всему, что там написано, то бедному еврею и высунуться на улицу нельзя. Про еду и питьё уж и говорить не приходится. Таковую еду, наверное, на той планете только и подавали, откуда первые евреи прибыли, а здесь и рыбы-то такой в реке не водится, чтобы её по закону скушать можно было бы. По сути, эта земная жизнь, если все шестьсот с лихвой статей из закона к ней применить, станет вне закона. Такой незаконной жизнью и жил Боря “Фонарщик”. И не только он. Смолоду он хотел жить по правилам, но у него никак не получалось. Думал, женится — и всё станет на своё место. Жена дома будет готовить кошерную пищу, он будет почитать субботу и обретёт покой в своей душе. Не получилось. А не получилось у него жениться. На чужой жениться нельзя, а свои, еврейские женщины, высоко забрались. По редакциям журналов, газет, книги пишут, в парламентах заседают, а те, кто ещё умнее, у больших людей жёнами устроились и к сапожникам в гости ни одной ногой не ходят. Обращался он и к шадхену, но тот

предлагал таких непуганых местечковых красавиц, что уж лучше холостяком жить, чем всю оставшуюся жизнь ругаться с женой из-за каждой купленной на рынке курицы. Можно, конечно, было примкнуть к маскилям, жениться на чужой, но было жаль своих ещё не родившихся детей, которых никто не признает евреями, и потому вырастут они антисемитами и всегда будут ненавидеть своего родного, но неудачливого отца, который не смог продолжить счёт колена сынов Авраамовых. У последователей маскилей нет еврейского будущего. Нет надежды на отлёт на родину. Там только по матери принимают. Еврейская женщина — кладезь, откуда черпает силы для своего продолжения народ Израиля. Ну а когда еврея не признают настоящим, он в отместку становится антисемитом. Недовольство это начинается ещё в отце. Как же так, потратил много сил, хотел продлить жизнь колена Израилева, а дети получились незаконнорождённые. Не хотели своих любящих, получайте чужих ненавидящих. Примеров тому множество, но евреи упрямы, даже в невыгодном для них деле. Можно, конечно, креститься — стать выкрестом, марраном, короче — свиньёй по отношению к своему народу. Но ведь теперь не средние века. Сейчас никого этим не удивишь, да и никому это не нужно, будь ты хоть солнцепоклонником. Живёшь — живи. Но у евреев свои правила, от закона никуда. И про обрезание Боря думал. Избранность — понятно, чтобы Господь народ свой узнал. Чушь какая-то. Господь про каждого человека знает всё, а тем более про самим собой избранный народ. Отрежь ты себе под корень всё своё мужество, в евреи всё равно не провьёшься. Еврей должен в голове свою избранность хранить, а не в штанах. Теперь все, кому не лень, обрезаются, и что теперь всех с собой на родную планету забирать? Тогда зачем улетать? От кого? Нет, ребята, что-то тут не так. Надо отделять зёрна от плевел, избранных от обрезанных. Видно, там, на той планете, так повелось, в гигиенических целях, может быть, привык народ к тому, а когда земные жители спросили, почему у конца одежды не хватает, ответили, что Господь так распорядился. Что ещё можно дикарям ответить? Про антисемитизм тоже не всё ясно. Не одни же евреи семиты. И не все евреи семиты. Хазары, так те по-любому — тюрки. А арабов куда девать? Что, в грязного араба теперь и плюнуть нельзя? По этому поводу долго мучился Боря сомнениями. Они стали его одолевать ещё в молодости, когда дружил с соседскими ребятами. Хотелось дружбы чистой, честной. Но не получалось. Еврейство мешало. Наука о нём. И пошёл тогда он к раввину и спросил того мудрого человека: «Ответь мне, равви, почему моя религия запрещает мне любить рядом живущих людей? Ведь это жестоко. Они не любят нас за то, что мы ненавидим их. Они хотят любить нас, но мы отвергаем эту любовь. Почему нам запретили любить себе подобных? Чем они провинились перед нами? Мы веками пожинаем плоды своей ненависти, но это не придало нам благоразумия по отношению к соседям нашим. Зачем наш Господь дал нам завет Синая? Скажи, равви, ведь гои такие же люди, как и мы? Ведь в книге Бытия говорится, что у людей не было другой матери, кроме нашей общей праматери Евы? Тогда почему мы люди, а они — гои? Почему выходец из нашего народа — Христос, призывающий нас любить всех рядом живущих, зовётся нами нечистым. Он пришёл со словами вселенской любви к нам, евреям. В наш храм, в Иерусалим. Тогда ведь и христиан не было. И первые христиане — не кто иные, как евреи. Сколько мучеников за светлую веру Христову корнями из иудеев. Куда всё подевалось? Что движет нами и куда? Почему дети Авраама избраны для ненависти и несут её всем и для себя?». Раввин покачал тогда головой и

ответил: “ Не знаю, сын мой. Мне не дано этого понять и никому не дано. Наша ненависть — наша защита от других людей. Иначе мы растворимся в них и наш народ исчезнет. А Господь не может этого допустить и потому хранит нас заветом ненависти к ним — гоям. Ни они, ни мы не виноваты в этом и никто не виноват. Не думай об этом, но закон блюди. И запомни, если еврей называет кого-то другом из чужого народа, это будет дорогого стоить в будущем. Он не может назвать гоя братом, братьев у него достаточно. А вот если он тебе друг, значит он похож на сосуд, из которого можно напиться, не боясь отравиться. Отравить еврея хочет каждый, и всё потому, что евреи сами не прочь отравиться, чтобы их потом долго-долго лечили и жалели. Есть друзья — дружи, но помни о своих братьях и борись за каждого из них, не жалея и не выбирая средств. Если друг стал на этом пути — не жалея и его”.

Сейчас, куда ни сунься, говорят, мол, с вашим совковым прошлым этой жизни не понять. А чего тут понимать? Кто хочет — пусть “совком” живёт, чего всех к себе равнять? Большевиками, значит, умные были, а “совками” все потом стали. А евреи кем стали? Не все же евреи большевиками были. Сочувствовали многие, но ведь никто тогда не думал, что Троцкий с Владимиром Ильичём такой зверинец в стране устроят. Евреи тоже разные бывают. Хазары — так те своё ремесло сапожное бросили — молотки, гвозди, дратву, спустились с гор и все, как один, в комиссары подались. Потом долгое время страна при комиссарах жила, но без сапог. Хотели ещё кухарок к управлению государством привлечь, но в стране быстро закончились продукты и надобность в поварах и кухарках отпала сама собой. А хазары совсем малое отношение к евреям имеют, так, горцы дикие. У них давние счёты с хохлами и русскими. Те их каганат волжский, в древности, разорили, а эти им в отместку революцию устроили. К ним караимы литовские присоединились, тоже с того же каганата выходцы. Иосиф Виссарионович тоже из тех же дикарей горских. А то гадают, кто он да как он. Сапожник он. Оттуда и любовь к сапогам. Во всём надобно разобратся. Зачем евреям революция, если они на этой земле жить не собираются? Хазары не посвящены в эту тайну. Евреи, да не те. Они только религию приняли, а с Моисеем другой народ пришёл. Эта революция ещё так евреям аукнется, не приведи, Господь, дожить. Революционеры свободу обещают, которую никто и нигде не видел. Вот и идут за неё далёкую и милую повоевать. После кинутся — ни света, ни хлеба — одна свобода, и опять к сохе припадут, до нового пришествия освободителей. Освобождение придёт, когда поднимется Израиль над Землёй и полетит к родине своих предков и станет петь и танцевать на том корабле, и радость будет великая. Но радостна будет дорога в космической дали, а там — как Господь пошлёт. Как встретят, как обнимут. Тысячи лет прошли, там, на той далёкой родине, тоже многое переменялось. Когда какая-то связь с той планетой оставалась, ну, записи секретные там или ещё что-то, общества создавались, которые ту тайну хранили. Масоны и прочие заведения из той великой тайны произошли, но ценности свои растеряли, понятие цели утратили, магией занялись, колдовством, а чудес воспроизвести не умеют, а кроме чуда ничем народ не удивишь. Маски на себя надевают, мол, тайну охраняем. Тайну не на лице, а в голове хранят. Но все, знающие её, исчезли, а наследники поистратили знание, измельчили. Шутовством промышляют, игра осталась, а правила забыли. Потерялись на планете люди, в пророках всё больше безумцы, ещё чаще мизантропы. И все тайну вселенной ищут, но от таких поисков кровавых мир только

дальше от неё становится, как и от познания Космоса. Полететь полетели, а чего искали — не нашли. Потому, что не знают, что ищут.

Боря живёт в этой стране, и жить будет, ему здесь нравится. Братья Борины давно обживают землю обетованную. Как они там уживаются со своими толстыми жёнами, которые так и сыплют присловицами типа: “Шоб вы так жили”. Привыкли семечки лузгать да за соседями присматривать, чтобы закон не нарушали и света в субботу не зажигали. Про соседей мало что узнать можно, а вот свет — его сразу видно. А там, в Израиле, говорят, если темно, свет сам зажигается, а светло — так сразу гаснет, и судачить не про что. Зачем туда только ехали? Так в письмах и пишут. Боря тут подождёт. Прилетит корабль за евреями, если позовут — уедет со всеми, а так отсюда никуда, но готовым к отъезду быть надо. Как-то в гости к его работникам-армянам приехали французы армянские. Какое уж промеж них родство — один Господь разберёт. Пригласили Борю, как шефа, в гости. Ну там парле франсе, заговорили, короче. Понравился им “Фонарщик”, на фонарь-то их не подсадишь, далеко больно живут и обманки у них другие, и всё остальное тоже. Обниматься в конце встречи начали. Приезжай, мол, к нам. Париж покажем. Думал, шутят, а они вскоре вызов прислали и денег на дорогу. Ну и поехал Боря — когда ещё, на халяву, во Францию попадётся? Встретили как родного. Соберут французов на уик-энд, Борю им показывают. Те все носатые, гудят в этот свой нос: “Се ля ви, шерше ля фам”. Но на их “фам” у Бори никаких “шерше” не обозначилось. Кислые они какие-то, эти француженки. Нина Ивановна — это пирог с мёдом, а те тоже пирожки, но без начинки. Откровения в них нет, чтоб до беспомыслия, всё как-то мимоходом, между прочим. А как же тогда бессмертие в любви? Погулял там Боря, посмотрел исторические места, памятные по книгам, и домой поехал. Сказал им на прощание: хорошо, мол, здесь у вас жить, но дружить и любить лучше у нас, дома. Домой через Москву летел. Задержался там на пару дней. Музеи посмотреть, в мавзолеей сходить. Боже мой, каких там евреев только нет! Рыжие польские Иче — Майеры, шумные, как сто толкучек, одесские шарлатаны, в шарфах и бабочках на каждой сцене народ пытаются смешить, ашкеназийцы в науку двинули, сефарды золотишком и брильянтами промышляют, хазары — те за всё берутся, куда позовут, но больше по сапогам мастера. Не Москва, а малая Иудея, а может, большая.

Все эти мысли рождались, конечно же, от одиночества. Но встретила ему Нина Ивановна, и он оставил всякие мысли о женитьбе, стал просто счастливым человеком, который находил в объятиях женщины все ответы на вопросы, задаваемые ему жизнью. Мужчина всегда что-то ищет в женщине. Что-то родное — слово, движение, и если находит, то сразу охладевает к предмету своих поисков. Женщина хочет как можно дольше сохранить свою тайну, но какую — она не знает. Меняет внешность, привычки, лишь бы, лишь бы... не узнали. Но узнают и бросают. Что узнают? А Господь его знает. Любовь к женщине — это не страсть объединения, а мечта, и пока она не исполнена, она есть, и исчезает, растворяется от прикосновения. Но сколько бы Боря ни прикасался к своей мечте, она не исчезала, и он был счастлив рядом с ней. Не надо никогда добиваться от женщины откровения. Если красивая женщина, после тридцати лет, расскажет вам, без утайки, всю свою прошлую жизнь, останется только позавидовать жалкому скопцу, который никогда не прикасался к женскому телу. Так тебе и надо, зачем ворошить прошлое. Любишь — люби. Все желают любви и не спрашивают

позволения ни в прошлом, ни в настоящем. В любви нужно забытьё всего и себя тоже. Не вымалывать любовь у прошлого, а жить в ней сейчас, сию минуту. Всё нужно делать вовремя и не сомневаться в сотворённом тобой, а не то быстро состаришься. Невежество — лучшее состояние, которое есть на этом свете. Оно не требует усилий и всегда радостно, не понимая своих и чужих поступков в прошлом и грядущем.

Вот уже целую неделю он тосковал, не решаясь двинуться в объятия Нины Ивановны. Почему он её так называл? Да, именно так — Нина Ивановна, и никак иначе. Он называл её по имени-отчеству даже оставаясь с собою наедине, думая о ней, как всегда тепло и с лёгкой тоской. Она, его женщина, была слишком велика для такого короткого имени — Нина. Это имя никак не подходило для её фигуры, огромных зелёных глаз и волнующего своим запахом пышного, цвета спелого каштана, мягкой волной плескающегося на плечах, волоса. Нет, она не была велика своим телом, она была велика своей красотой. Неземной красотой. Вы же все помните, что евреи неземные граждане. Так вот они понимают толк в неземной красоте. А те худосочные красавицы, что ходят на подиумах, они там для того и ходят, чтобы отвлечь людей от настоящей красоты. Женской красоты на земле мало. Вот для земного стада и придумали красоток, по размерам, весу и нужной улыбкой. Пусть пользуются. А неземная красота — для неземных людей, понимающих это чудо. Прекрасное не рекламируют, такое видеть и узнавать надо. Боря знал, где живёт его красота, она жила в его душе образом Нины Ивановны. Вот и вся тайна. А тайн в мире много, но всегда одна твоя. Одна-единственная, которой ты жив. А если нет у человека никакой своей тайны, красивой или не очень, тот человек в жизни прохожий, никем не замеченный. Любовь к женщине — одна из самых красивых тайн, достоинство всей жизни, альфа и омега, с этой загадкой рождаешься и умираешь. Умирать Боре было рано, и он всегда желал видеть свою женщину.

Что и говорить, когда тебе всего только чуть за пятьдесят и ты только начинаешь жить, освобождаясь от страстей, безрассудства, начинаешь видеть саму жизнь, идущую с тобою рядом, и всё меньше участвуешь в ней, понимаешь, что всё на свете просто и радостно, как первый крик младенца, а все последующие ненужности ты наживаешь себе сам, благодаря молодости и уже упомянутому её безрассудству, вот тут и хочется тебе найти основание для теперь уже спокойной жизни, точнее для её спокойного продолжения в созерцании человеческой суеты. Ибо сказано у Екклезиаста: суета сует, всё суета. Но суета суете рознь. Когда знаешь, зачем суетишься — то будет дело, а когда просто крутишься вокруг себя да обсуждаешь чужие дела — это настоящая суета. Как говорится, ни себе, ни людям. Для продолжения своей будущей спокойной жизни Боря имел некоторые сбережения. Думаете в долларах? Кому они нужны будут эти зелёные бумажки, если вдруг, не дай Господь, не станет Америки? Америка в последнее время совсем сдурела, на всех кидается, а если кто-нибудь ей ответит тем же и она не сможет с этим сладить? Плакали ваши зелёные бумажки и вы вместе с ними. Нетленно только золото. Евреи всегда собирали золото. С ним можно хоть куда, хоть на другую планету. Они и прилетели сюда, чтобы золотишком разжиться. С собой малость прихватили, вдруг не та проба попадётся. Тельца золотого увидели — и сразу поняли: есть здесь то, чего все везде ищут. Тех, кто тельца изготовил, в расход пустили, а само изваяние себе на память оставили, чтобы не забыть с чем назад надо будет лететь. Но тут опять путаница возникает. Так подумать,

где они в пустыне могли золото найти (хотя евреи и это смогут), значит, с собой привезли. Говорят, из Египта вынесли. Ну где вы видели, чтобы у рабов золотишко водилось? Хлеба кусок — и то не всегда. Так что тельца они тоже с собой привезли. Про Египет это так, выдумка еврейская — следы запутать. Где это видано, чтобы в те века из рабства освобождали. Там, в Египте, тьмы народов бесследно сгнули, никто и не считал. Рабство отменили, когда уже сами евреи рабовладельцами стали. А тогда об этом никто ещё и думать не мог, только подумай — самого в рабство сдадут. Конечно, легенда о Египте хорошая, но ведь даже в чужую страну шпионов отправляют, им тоже легенду придумывают. Люди с другой планеты, кто в то время такому рассказу поверит? А тут они рядом жили, в Египте рабами, сбежали, долго шли, притомились, даже кто-то и пожалеет, может быть. У евреев до сей поры лучшая в мире разведка, потому как умеют легенды сочинять. Вот и стали золото собирать, чтобы было с чем домой возвращаться. Теперь, если по правде сказать, никакой космический корабль то еврейское золото поднять не сможет. Но ничего, лишь бы нашлись свои, а там и с перевозкой всего добра что-нибудь придумается. Здесь, конечно же, не оставят. Столько мук претерпели из-за того, сколько веков нужду знали, копили, будет на что по возвращению погулять на той, своей настоящей родине. Только вот как ещё долго ждать пришествия своих спасителей или спасителя?

Приходил к евреям ещё один спаситель. Сабатай Цеви. Много мороки в головы еврейские напустил. Многие поверили ему, всё бросали, к нему шли. Устали ждать. Он хотел объединить всех евреев, чтобы они стали народом, а не временными пришельцами, не считали бы себя гостями этой земли, но как это сделать, он не знал. Идею подал и ушёл. От него шабатеи остались. Что-то было в этом самом Цеви, раз последователи у него есть. Они и додумать должны, что же он такое знал, во что верил, почему люди к нему шли. Говорят, плохо кончил Сабатай. А где вы видели, чтобы пришедший с Господним благословением легко узнавался? Кто понял — тому благодать, кто не понял — пусть так живёт, как мышь полевая. Человек должен тайну свою иметь, тогда за ним пойдут. Нет тайны, нет и движения. Движение — стремление к разгадке тайны. А мессия — это не тайна, это надежда, неземная надежда. И потому мессия не может быть земным человеком. А может быть, он будет и вовсе не человеком. Духом, ковчегом, космосом, чем-то уносящим к спасению.

Часто Боря задумывался, как прибудет корабль инопланетный, сколько радости произойдёт в народах (у одних, что улетят от опостылевшей жизни, у других, что избавятся от дармоедов), какие зазвучат приветственные песни, величающие память соотечественников, сохранивших в тягостной земной жизни свои законы и реликвии той жизни, от которой остался только песок пустыни, по чьему горячему серому пеплу и пришли странники “с той стороны”. Но являлись к нему и горькие мысли о том, какие страдания должен будет пережить народ, отправляясь в страну праотцов. Тяжкая маета этих сомнений жила в нём совсем не напрасно — знал свой народ, не ведающий жалости к чужим мученикам, как равно и к своим бродягам, непосвящённым в тайну своего появления на Земле. Но в особицу боялся суеты посадки и отправления корабля. А как вдруг места не хватит на всех, пусть даже и посвящённых? В ход пойдёт золотой талец и его адепты соберут в заветный путь кого пожирнее, а худородных и нищих побросают на чужбине, наобещав кучу небылиц о скором возвращении, через пару тысяч лет. Так

уже было при отправке народа в безопасные места, когда ненависть к евреям в некоторых странах превращалась в смерть. И отправятся званые, за деньги, на родину, а избранные продолжают свой тягостный земной путь. И потому не доверял он народу, искущённому в собирании благ земных и желающих переместить эти богатства, вместе с собою, в Космос. Башмаки тачать достойное занятие, но многих капиталов с этих трудов не соберёшь, курочка, конечно, по зёрнышку клюёт, только не все ядрышки золотые и плевел много попадает. Тут ещё реформы, инфляция, налоги и женщины — все охочы отнять заработанное. И придумал Боря затею — самому создать корабль межпланетный, небольшой, для себя, а может, и Нину Ивановну удастся с собой забрать, если согласится она покинуть своих родичей, работу, страну, Землю. Согласится, коли комфортом её взгляд и тело в том полёте ублажить. Женщины ради минуты восторга на всё готовы. Эта мысль явилась ему среди ночи озарением дальнейшей жизни, и ушли его сомнения относительно нехватки места на межпланетном лайнере. Каков он будет? Не меньше Ноева ковчега. Тварей по паре брать с собой не будут, а вот людей, кому повезёт, того и повезут. А ему не нужно будет бояться соперничества, заведёт свой двигатель и по следу, а может, лучше прицепом к тому кораблю, никто и не заметит, как он прилепится к хвосту, надо только основательно разработать систему сцепки конструкций, клей особый изобрести, чтобы намертво соединял.

Но, размышляя над своим изобретением, он случайно придумал совершенно иной выход из мучающей его голову проблемы. Неловкими руками очерчивая контуры будущего корабля, он замер от сознания, что такие нечеловеческие формы изображений уже виделись ему в книгах и учебниках и, покопавшись на полках своей библиотеки, нашёл-таки рисунки советского космического корабля “Восток”, подозрительно похожие на схему его работ в этом направлении. К чему тратить Богом данный талант и творческие силы, если такие летательные аппараты уже созданы? Нужно украсть идею, а ещё лучше саму конструкцию, и Боря для осуществления этой задачи махнул прямо на Байконур. На обширной площади космодрома стояла степная июльская жара и царил жуткая неразбериха. Шла делёжка гордости и имущества отечественной науки. Гордость унаследовали учёные, создавшие технику и осуществившие её прорыв в космические дали, а имущество едва не стало яблоком раздора между братскими народами, небольшую часть которого уже успели растащить мелкие ремесленники, сподобив космические детали под бытовые приборы, но очень скоро все поняли, что основная доля оборудования способна жить только в Космосе и никак не годится для домашнего обихода. Но сам размах огромной площадки космического строительства притягивал алчные взоры властных авантюристов, не желающих понять своим приземлённым разумом, что на необозримой высоте, широте и глубине космического пространства им нечем поживиться. Но заслуга учёных, которые сумели отдалить космическую науку и её изобретений от её пользы на Земле на долгие годы, вскоре была признана всеми и даже доказана бессмысленностью применения горючего космических двигателей для разжигания примусов (в степи возможно и такое соседство эпох), от такого возгорания весь дом, а то и аул неизбежно удалялись в космос; прекращены попытки угона кораблей с их, нынче вынужденной, стоянки, и всё хозяйство, безнадежно опередившее по своим технологическим свойствам земную вялотекущую жизнь, было возвращено в лоно его породившей науки. Но многие детали, а то и целые ступени кораблей уже не годились для полётов в Космос новой перестроечной мысли, считались

устаревшими и громоздились на продуваемой степными ветрами территории космодрома, ожидая своей отправки на утилизацию. Этим воспользовались мелкие и крупные разбойники, вагонами и мешками вытаскивая цветной металл в соседние страны и в ближайшие пункты приёма цветного лома. На эту делёжку качественного, но ненужного государству металла, в самый раз угодил и Боря-фонарщик. После деловых переговоров и застольных бесед с руководителями подпольных распродаж космического имущества и простыми воришками цветного металла, внимание сапожного мастера привлёк почти нетронутый временем и любителями умыкнуть забытые государством вещи, двухместный спускаемый аппарат, когда-то доставивший из пределов бездушного Космоса живых людей в среду их существования. Боря был восхищён научной мыслью, создавшей такую компактную, непроницаемую и уютную кабину для транспортировки людей из глубин околоземной орбиты. Если можно при помощи этого контейнера доставить сюда, на матушку Землю, отлетавших своё время космонавтов, то наверняка, коли захочешь, есть вариант удалиться обратно в безвоздушное пространство. Боря некоторое время поработал в направлении подтверждения результатов своего интуитивного мышления, собирал научные конференции в соседней с космодромом пивной, где щедро оплачивал полёт творческой мысли пенным напитком, скрывая, конечно, истинные причины своего любопытства в этой области. Каждый гражданин волен интересоваться достижениями отечественной науки и иметь возможность приобрести результаты этих изобретений. Главное, чтобы научное достижение оправдывало цель поисков гражданина. Каким образом это произойдёт — его дело. Не пойман — не вор. Золотая пословица, и готовилась она в давние времена именитыми расхитителями общественного добра. За своё всегда поймают, побьют, руки отрубят. За всеобщее редко кого ловят, воруют все, а всех не поймаешь, потому и воров нет. Короче, долго ли, коротко, но договорились. С ценой — первоочередно, научные позиции после долгих дебатов сблизились в желаемом направлении, и за транспортом дело не стало, заработать каждый желает, кто не боится, тот и живёт. И откочевал спускаемый аппарат прямо из космических далей, через казахские степи, на скромную Борину дачу, что находится в трёх верстах от родного города и очень далеко от Байконура, благополучно там приземлился, заменив кое-какие строения на участке, а главное, заполнив душу “Фонарщика” покоем и уверенностью в будущем. Без трудностей не обошлось. Народ повсеместно живёт завидуций, вопросы посыпались, откуда и зачем? Но тут надо всегда вопросом на вопрос отвечать. А откуда у вас, например, на ваших шести сотках купейные вагоны от железнодорожных составов стоят, а путей, сквозных, по данной территории не проложено, а у меня с неба упало и стоит, Божий дар, можно сказать, а зачем тот подарок — у Господа и спросите, как соберётесь к его престолу, только там за свои грехи не хватит времени оправдаться и чужое имущество там не делят, да и своё уже ни к чему. Как говорится — каждому своё. Трудно было, но достали, приземлили, обиходили, где надо — соврали, кого хотели — обругали, и затихло. Стоит чудо научной мысли на даче у сапожника и пусть — лишь бы не воняло. От дождя, солнца и от досужих глаз рачительный хозяин прикрыл свой космический контейнер железной крышей, от земли фундамент под него подогнал. Вырос из всего этого дом, но не для жилья, для души, полёта её в неведомую радость родины.

Иногда, выпив алкоголя больше, чем положено еврею (кругом враги и пить нужно осторожно, но и нормы питья никто не оставлял в памяти), Боря

начинал говорить непонятные слова о других мирах и пространствах, где царит справедливость и живут красивые люди, и что скоро он тоже отправится туда, для этого у него кое-что есть и он может показать желающим это чудо, которое он сам придумал и нашёл. Но никогда никому, слава Богу, не удалось показать машину, ждущую своего времени — нужно было далеко идти и никто не желал видеть приобретённую вещь, стоящую на пути к справедливости, когда на столе водка и закуска, с помощью которых можно посетить любой мир, совместимый с желаниями и количеством выпитого, близкий и реальный, где на время можно стать главой в своём доме, покричать на жену и непослушных детей (с пьяным не решатся связываться) и потом уснуть одному, на широком диване, наполовину раздетым и проснуться, ничего не вспомнив из вчерашних походов и разговоров, но с чувством глубокого удовлетворения ощутить, с каким уважением вам под голову подложена подушка, прямо к дивану приставлен тазик для возможного извержения из натруженного желудка вчерашних закусок, и большая кружка кислого морса ждёт вашего благополучного возвращения к семейному быту, из которого вы вчера изволили удалиться, вместе с Бориным кораблём, в мир справедливости. Из всего, произошедшего вчера, вспоминалась только непознанная Борина тайна, обширная, неохватная похмельным умом, но уже привычная своей недостигаемостью, как и все еврейские загадки, где дело не идёт дальше намёков на обладание имуществом, способным восстановить ваше присутствие в мире справедливости. Никто уже давно не верил в такой идеал, теперь уже стало известно, что все эти перестройки лишь перешагивание еврейских банкиров с правой ноги на левую. Надоел развитой социализм, шагнём в демократию, застоится нога в народовластию, занемет, мурашками станет обрастать, что вверх по ней начинают ползти — к пожиле, тут надобно размяться и широко шагнуть в тиранию, тряхнёт, конечно, сильно, зашумит вокруг глас народный, но избранный сатрап всех успокоит, кого навсегда, а кому кусок большой и сладкий в рот сунет, чтобы прожевать долго не смог, а как проглотит — по стране уже тишь да гладь и кричать не о чем. А все пусть думают — теперь наша власть, сами своим умом жить будем. Сами по себе только те, что без ума живут, да птицы небесные, их Господь окормляет, все остальные для кого-то живут, а не знают того, им же и лучше, пусть играют в революции, перестройки, коммунизм и демократию. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не выросло во врага отцовского. Но в период весенне-осеннего обострения шизофрении или в начале глубокого запоя может показаться, что сама идея справедливости достижима на отдельном пространстве, которым является твоя личность, и вы смело начинаете продвигаться к цели, чему способствует пассионарный взрыв общества, окружающего вас в это торжественное время, одаряющего вас глубокой верой в светлое будущее избранного вами пути. Но по дороге к цели встречается совсем немного соратников, больше сочувствующих и собутельников, они отвлекают от избранного направления, путают карты, пугают неискренностью поддержки ваших чувственных стремлений, безверием разрушают уверенность и скоро приходит понимание, что там, где живут люди, справедливость невозможна. Вы удаляетесь в клинику, где с помощью лекарств, изобретённых зловерными гонителями свободы и равенства совместно с освободителями, ещё до начала узнавания этих томительно-сладких понятий, чтобы разбойная воля не хлестанула через край и не выплеснула из чаши бытия и тех и других, восстанавливаете свой образ законопослушного гражданина в обществе,

которое всегда радо вашему возвращению к обыденности. Мечты о разгадке тайны всегда обходятся очень дорого. И число желающих дойти до сути предмета разговора сокращалось от начала Бориных намёков о мире справедливости до последнего стакана и сводилось к единичному участию в проникновении владельца глубины таинственного мира в свою же нераскрытую тайну. Это состояние замечалось в грусти больших глаз “Фонарщика”, усиливающейся к окончанию застолья кумачовым цветом, цветом свободы всех угнетённых народов. А так как все люди на земле живут в рабстве своих желаний, то Боря, вполне справедливо, оставлял за собой право одному знать выход из этого состояния.

То, что его возьмут в тот исторический полёт, Боря не сомневался: столько трудов положено, деньги выплачены, как-нибудь договорится и с инопланетными лётчиками. Небось, тоже отдохнуть и выпить любят. Приварят его конструкцию к хвосту корабля — и полетели. Клей хороший есть, на подошву башмаков мажешь и навечно к асфальту пристывает. Сам изобрёл. Месяца два мудрил, всё смешивал, взвешивал, замерял, проверял. На последнюю пробу армянам подкинул малость своей продукции, так пришлось ботинки от рук сначала отрезать, а уже оставшуюся часть подметки оставить и ждать пока сама отпадёт. Эта находка на случай, если без шума приклеиться попросят, а так сваркой, вжик, и полетели. Им, поди, тоже наши технологии не вредно знать, и польза от Бориной сообразительности будет, может, ещё и продать удастся, по прибытию во внеземную цивилизацию, этот коробок. Ладно, по приезду видно будет, а договориться он сумеет, ладятся же у него отношения с налоговой инспекцией и другими органами, а там такие удавы сидят, глянут на тебя — жить не хочется, а всё потому, что людям кушать хочется, отдай лишнее — и они людьми станут, головы змеиные спрячут, найдут лазейку в параграфах своих законов и туда тебя проведут. Подход нужен к человеку, участие в нём, а после он твой: аппарат куда надо приварит, а нет, на себе в Космос унесёт, потому что человек ты хороший.

Посещали хозяина космического чуда и сомнения, но вскоре, особенно после изобретения суперклея, отделились, как отделяется спускаемый аппарат от космического корабля и опускается на родную землю, а вся остальная махина сгорает в чужедальнем Космосе, как неопровержимое доказательство зрелости человеческой мысли. А Боря — он на Земле не пропал и в Космосе не потеряется, потому как наперёд думать умеет, может будущее вычислить и знает, как в нём укрепиться.

Боря “Фонарщик” всегда был философом. Непризнанным. Непризнанность — это свобода: думай о чём хочешь. Признают учёным философом, будешь думать, чего подскажут те, кто тебя признает таковым. Напишете толстые тома книг, которые никто никогда не прочтёт, попадёте своим именем в энциклопедический словарь или своим телом в тюрьму. Власть меняется — и потому у неё бывает разное признание и призвание. Сам Боря никому свои мысли не доверял, так, обронит пару мудрых фраз, вроде: “Всё течёт и всё из меня” — пусть думают, что он хотел сказать. Он и сейчас никому не доверяет своих мыслей, потому и живой. Евреи живут долго, если не болтают много. Раньше ещё дольше жили. Но обрели болезни новой планеты и стали быстро стариться. Новые болезни они лечить не умели, а когда научились, было уже поздно. Прилетели они на Землю вечными, но условия новой жизни сделали их смертными. Но всё равно евреи лучшие лекари, запасы их памяти в медицине велики, но секрет вечной жизни утерян. По легенде, люди по тысяче лет жили. Но то по легенде. Ту легенду евреи в земле ханаанской отрыли и

сделали своею. Кошунство, но думать по-своему никому не запретишь. Ну, не верится ему, что его собратья земные жители. Непохожи они на землян. Всё особняком, всё с оглядкой. Значит, есть куда оглянуться. На звёзды, например, пусть далёкие, но зовущие, родные. Но рассказать про всё, о чём ты думаешь, нельзя. К своим диссидентам евреи ещё хуже относятся, чем к антисемитам. От чужого можно отмахнуться, что он может понимать, этот язычник. А своего могут так заткнуть, что после говори не говори, никто слушать не будет. Барух Эспиноза тому пример. Учи, воспитывай свой народ, если сам что-то хорошее знаешь, а ругать все горады. “Преследование евреев бессмысленно, оно только укрепляет их в своём заблуждении”, — эти слова ему, Эспинозе, и не простили, самого “заблуждения”. Сказал бы “укрепляет их в своей правоте”, тогда другое дело, не был бы отлучён от своего народа. А отлучили его от народа, чтобы скрыть его слова от чужих ушей, а пуще того от еврейских. Зигмунд Фрейд — другое дело. Знаменит. Увлёкся психоанализом человека настолько, что решил: женщина стала хранительницей огня в домашнем очаге потому, что не могла по своим физиологическим особенностям потушить своей собственной струёй этот самый, охраняемый ею, огонь. А мужики всё только и ищут, где бы на огонь помочиться. Потому на них надежды мало. Такое не каждому в голову взбрёт. От психоанализа в психушку дорога недлинная. Зато это мнение подтверждает закон о женском первоначале у любого народа. Фрейд посвящён был в тайну. Скажете, посвящённому еврею совсем не надобно анализом человеческой психики заниматься. Пусть как хотят, так и живут. Всё равно не век с ними тут проживать. А зачем тогда прилетали? Местное население изучать. В этом и была цель экспедиции. Когда экспедиция закончится, никто не знает, но дело делать нужно. Там ведь, по прилёту, спросят, чем вы там тысячи лет занимались? Анализы проводили у землян. У всякого человека свои анализы. Иные говорят одно, думают другое, делают третье. В какие же мельпомены записать все их выкрутасы? На месте весь банк данных и оформят, куда надо всех запишут. Нынче фарисеи о себе стали много думать, о славе своей. Забыли, что и ты, и слава твоя, и слова твои — народу принадлежат. Всё остальное — от лукавого. Прославляй свой народ, тогда и слава и почёт тебе будут. Если ты принадлежишь своему народу, то его слава твоей будет. Ходи по всей земле, странствуй, смотри, но не забывай, куда тебе прийти надо и зачем. Думай про себя, что тебе вздумается, но говори о своих только хорошее. И это такое поведение не только евреев касается.

Вся философия у Бориса началась с самого слова “еврей”. Евреи — это люди, пришедшие “с той стороны”. С какой стороны они пришли? Страны света много. Пришли вдруг, и стали здесь жить. И здесь, и там, и везде. Но помнят только Израиль. И день свой каждый еврей в любой стране начинает со слов: “Помню Тебя, Израиль”. А сами откуда? Из Египта, мол, и всё тут. В том Египте столько наций и народов растворилось, исчезло, где вы видели, чтобы из рабства просто так отпускали? Вот так “с той стороны” у Бори всё и началось. И в какую сторону он со всем этим придёт, пока и сам не знал. Надо бы у Нины Ивановны спросить, что она об этом всё думает. Она хоть и женщина, но знает много. Не еврейка, нет, но кто знает, евреи много семени разбросали по свету, многие люди и знать не знают, чьих кровей будут. У Нины Ивановны в глазах такая глубина, какая может быть только у матери всех людей, пережившей все их муки в этой их жизни на этой земле. Было что-то в этих глазах родное, зовущее, как свет той далёкой еврейской звезды.

г. Талгар.

Виталий ШТЕМПЕЛЬ

Непричальные корабли

Ходят по морю — там, вдали,
Непричальные корабли.
И манят их, как все корабли,
Золотые огни земли.

Но ни пристани нет им, ни гавани,
Не уткнуться в песок на мели.
В вечном плаванье, в вечном плаванье
Непричальные корабли.

То ль на карте нет их страны,
То ль во власти они волны,
То ли попросту компас врёт —
Их земля уже больше не ждёт.

Кораблям бороздить моря —
Ни к чему кораблям покой.
А им хочется — на якоря,
А им хочется в порт родной.

Когда-нибудь ещё приду туда,
Где ждёт меня заплаканный осинник,
Где бережно баюкает вода
Сомкнувшиеся венчики кувшинок.

Виталий Райнгольдович ШТЕМПЕЛЬ

родился 12 декабря 1956 года в селе Хмелёвка Астраханского района Акмолинской области. Закончил Целиноградский машиностроительный техникум и Карагандинский политехнический институт. С конца 1994 г. проживает в Германии, последние годы — в г. Фульда. В ФРГ был рабочим, руководителем производственного обучения, занимался предпринимательской деятельностью.

Стихи начал писать в годы студенчества. Публикуется в различных изданиях Германии и России. Автор поэтических книг «Песочные часы» (Санкт-Петербург, 2005) и «На уровне дыхания» (Санкт-Петербург, 2008). В № 12 «Нивы» за 2005 г. была опубликована большая подборка стихов Виталия Штемпеля из книги «Песочные часы», присланной им в редакцию нашего журнала.

Читательскому вниманию предлагаются новые произведения нашего бывшего земляка.

Где дремлют сопки в шлемах кирасир
И миражи встают над ковылями,
Где утро-стеклодув хрусталь росы
Разбрасывает полными горстями.

Где жизнь вся — цепь подобия вещей,
И смотрит степь, откинувшись на спину,
Озёрцами в ресницах камышей
На облака, плывущие над ней,
Где всё в одном — отчизна и чужбина.

Никому не на потребу
Ветер дул себе, сопя,
И выдавливало небо
Дождь по капле из себя.

Я бы умер, если честно,
Но в объятых тополей
Всем приевшуюся песню
Пел зануда воробей.

И она меня держала
На верёвочке своей.
И душа моя дрожала
Тёплой внутренностью всей.

Ах, покуда песня льётся,
Не случись наоборот:
Вдруг верёвочка порвётся,
Да воробышек помрёт.

Бедный мой родич по маме в жёны красавицу взял.
На фотографии в раме свадебный их мадригал.
Кабы не так хороша бы, кабы в глазах не огонь!
Он же — характером слабый, весь — как стреноженный конь.
Впрочем, был вовсе не беден — бедным он станет потом.
Всё-то он физикой бредил, всё расщеплял бы Атом.

Умный мой родич по маме был засекречен как бог.
Даже не знали мы сами, где у него потолок.
Ну и покуда по мере сил укреплял он страну,
Кто-то из маленьких берий глаз положил на жену.

Было ль в то время до чести? Всё-таки жизнь — не кино.
Как-то застучал их вместе — выбросил гада в окно.
Скажет мне юному бабка, через так тридцать годков:
Все-то мы думали — тряпка, а ведь смотри-ка каков!

Видимо, жил он не низко — надо ж такой вот беде!
 Похоронили чекиста славного НКВД,
 Это мы позже узнали: “тройка”, короткий процесс.
 Всё это в прошлом. Едва ли стоит печалиться здесь.

Звук окарины. Вечерние краски в окне.
 Спи, Мнемосина, ты спящая нравишься мне.
 Спи, успокойся, а значит меня не тревожь.
 Ты ведь не гейша, которой любить невтерпёж.
 Свет от латерны. Всё гуще палитры тона.
 Медленно, мерно нисходит с небес тишина.
 Над окоёмом вселенной стораец карниз.
 Вот мы и дома. Зачем же зовёшь ты: вернись?

Всё это — пан или пропал,	Но он как плотник был не плох
И — в бездну кануть.	По части тары.
Я думаю, Иосиф знал,	А то что Бог... При чём здесь Бог?
Что был обманут.	Он — Страдивари!

Смешалось всё в единый миг.
 И — вспомнить сладко:
 Дождь, как помещик крепостных,
 Нас бил по пяткам.

Бежали по луговью в лес
 От этой пытки.
 И если в жизни нет чудес,
 То он — попытка.

Как жаль, что дождь неудержим
 Глаголом речи.
 Казалось — это мы бежим
 Ему навстречу.

И он теперь навечно наш,
 Подарок неба...
 Любимая, он — антураж,
 Он не был.

Падает лёгкий сентябрьский лист
 По синусоиде в рай корневища.
 Пусто. И только чудаки-цивилисты
 Бродит, как вёсельщик по пепелищу.

Что его гонит? Угасший очаг?
 Дом опустевший, где так одиноко?
 Злая тоска? Или просто печаль —
 О невозвратном, прекрасном, далёком?

По душе твоей сегодня, как и присно,
Медленно пройду — так ходят площадью.
Кем я был, не помню, в этой жизни —
Человеком или лошадью?

Больно было мне, а я упрашивал:
Будь со мною вся — не половиною.
То ли седока с себя я сбрасывал,
То ли сам летел в траву полынную.

Золотом горит — ты видишь? — донное.
Так зачем, ответь же мне, любимая,
Я с тобой делил неразделённое,
Отдавал тебе неразделимое?

Хочешь, прокачу тебя по площади,
Хочешь, на задворки к лесу вывезу?
Или привяжи — я буду лошадью
У тебя на привязи.

Мне было лет семь. Я любил её. Боже мой,
Разве любить ребёнок не может?
“Вот подрастём — ты станешь моей женой”.
А ведь знал: полкласса желало того же.

Её звали Зинкой. Куколка с синим бантом.
Серьёзная: “Мне нужно подумать. Ну как же так сразу?”
Теперь понимаю задним числом:
Это было отказом.

Как осенью взъерошены сады!
Неряшлив мир, но это ведь не ново.
И — по всему — два шага до беды,
Но верится — не сделаем второго.

Мир, кажется, на ниточке повис,
Он выброшен на берег, будто рыба,
Как жертва перегнулся за карниз.
Но что ещё о нём сказали вы бы?

Бездомная

Всё своё она носит с собой,
В двух альдиевских пакетах.
Вечно торопится — будто спешит домой,
А дома давно уж нету.

По утрам привокзальный обходит ревер.
И если выуживает из урн
С десяток бутылок — прекрасен мир!
А если нет — он жесток и дурен.

Дитя щедротами славной страны,
Рада брошенному окурку.
Съедает дёнер за полцены
У сердобольного турка.

Наверно, у жизни нет глубже дна.
А не услышать укора.
Спросите, счастлива ли она,
И вам ответит — ей мало горя.

Что завтра будет — ей дела нет.
Ей надо б в гору, да жизнь полого.
Уйдёт и — словно — простынет след.
Как ангелочек, забытый Богом.

День наступал. Почти в смятенье
Теряли звёзды жизни тонус.
Капель, дрожа от напряженья,
Овал вытягивала в конус.

Таились тени в каждой нише,
Как обречённые повстанцы.
И над домами плыли крыши,
Покачиваясь для баланса.

Там, где луна, как плоскодонка,
Легко скользила к апогею,
Явилась белая воронка,
А, может быть, — петля на шею.

Зачем, зачем всё в мире этом
Несёт печать фантазмагорий,
И так болезнен лик рассвета,
Как будто ждёт нас горе, горе?..

Пишу письмо в городок Вехта:
Здравствуй, Клавдия! Как дела?
У меня всё по-прежнему: перевозку Брехта.
Но, кажется, слишком часто отхожу от стола.

Твой голландец понравился мне немного.
То есть мало. Или к такому я не готов?
Если кит действительно проглотил Бога,
То кто же есть мы, вылавливающие китов?

Клавдия пишет в городок Фульда:
Здравствуй и так далее. Я не возьму в толк.
Ich kampf und kampf. Und habe nur Schulden.¹
Но, кажется, стихи — это вечный долг.

И вообще о голландце ты не всё знаешь.
Er war psychisch krank². Ну, в общем, и я одна.
Я думаю, мне следует выйти замуж.
Тем более я по уши в него влюблена.

Пишу Клавдии: извини за краткость.
Страшно занят. Но, кажется, ты права.
Что-то в нём есть. Может быть, неадекватность.
Но в целом сюжет высосан из рукава.

Но что до того мне: ну, кит проглотил Бога.
И некто ловит кита — вот уж пятнадцать лет!
Если есть счастье — оно в двух шагах от порога.
А мы его ищем в море. То есть там, где его нет.

Вот и всё — меня больше нет.
А какую б мы были парой!
Я последний русский поэт
В этой части земного шара.

Ну так что ж — под ребро стило,
И душе в небесах скитаться? —
Это просто время пришло
Нам с тобой навсегда расстаться.

Да и то — я не твой Лука:
Высока оказалась планка.
Время движется, облака
Выворачивая наизнанку.

Не зови: нам теперь — поврозь.
Но смешалось с моею кровью
Молоко от твоих желёз.
Да остался рубец в надбровье.

Когда я уйду, уйду
В праздное небытие,
Ночь уронит мою звезду,
А утро погасит её.

¹ Я бьюсь и бьюсь. И имею только долги.

² Он был психически болен.

Простятся мои грехи,
И, как в оправданье им,
Быть может, прочтутся стихи
Над бранным телом моим.

Живую их выплеснув боль,
Друзья мои, вам на “бис”
Сыграю последнюю роль
Из-за закрытых кулис.

Вот, кажется, и пожил. Пролил жизнь, как воду.
Хорошо если, скажем, в горшок с цветами.
Хорошо, если это сущему было в угоду.
Если кто-то приник к пролитому устами.

Хорошо, если сложился мой ручеёк.
Крохотный и не бурный — у склона горы под мышкой.
Тряпочку намочить кому-нибудь на лобок.
Странника напоить. Но тут уж хватил я слишком.

Но тут уж мораль каплет, как воск со свечи.
А ею с пелёнок сыты — известно: умны предтечи.
В общем, друг Горацио, лучше уж помолчи.
Вспомни, что в жизни этой и чёт выпадал, и нечет.

Вспомни, что призван был помнить всегда свой долг.
Перед страной своей. Перед вождём почившим.
Знал, что запрещен плод — в лес же смотрел, как волк.
В общем, хорош был гусь, а может, того почище.

Но вот наступает час — когда ты ещё не там —
Тогда вспоминаешь вдруг, что, кажется, ты не вечен.
И самое страшное, что — как ни был бы ты упрям, —
В чём-то — увы, увы! — были правы предтечи.

Наверное, странно, что жизнь нам нисколько не трафит.
Скорее, нас мучит, сомнения сеет в душе.
Ненужные вещи хранит в запылившемся шкафе.
Наверное, странно. И как-то привычно уже.

Наверное, странно, что жизнь даёт нам так много:
Возможность любить и уйти в предназначенный час.
Наверное, странно, что жизнь в этом мире — от Бога.
А всё остальное — от нас, дорогие, от нас.

Вера ГАВРИЛКО

Два рассказа

Как я была ведьмой

“Ты — сумасшедшая!” — любил повторять мой любимый. Сначала он говорил это восхищённо, с нежностью и вдохновением, и я чувствовала, как за спиной разворачивались крылья — розовые и бесшумные как облака. Постепенно к восхищению в голосе любимого стала подмешиваться изрядная порция лимонной кислоты. В конце концов, кислое выражение лица стало как бы визитной карточкой моего мужчины: с кислым лицом он просыпался, с кислым лицом потягивался в постели, с кислым лицом ел варенье, намазывая его на гренки...

“Я уйду от тебя”, — заявила я однажды во время очередного совместно-кислого завтрака.

— Куда? — ошалел от неожиданности любимый.

— В ведьмы, — небрежно пожала я плечами. — Кажется, там объявили новый набор.

— Ты сумасшедшая, — злобно поставил окончательный диагноз мой мужчина и надулся. Я побросала в чемодан книги, пластинки, флакончики с духами, розовых меховых драконов и вышла в промозглое утро.

Идти было совершенно некуда...

Я зашвырнула в ближайшую подворотню оттягивавший руки чемодан. Зачем мне теперь имущество? Разве кто-нибудь когда-нибудь видел ведьму с чемоданом? Я расхохоталась в лицо Неизвестности и двинулась в путь...

Рядом со мной шёл Ветер. Вернее, он почти бежал, то пританцовывая, как школьник, на одной ножке, то забегал вперёд и тихонько дул мне в лицо. Баловался. Наконец, мне это надоело, я резко остановилась и упёрла руки в боки.

— Чего это ты ко мне привязался? Мало тебе других прохожих?

— Ты мне нравишься, — прошелестел он, — у тебя красивые волосы. Мне нравится их развеивать.

— Ветер, возьми меня с собой, — попросила я. — Возьми меня в жёны.

— А что ты умеешь? — поинтересовался он.

**Вера
Петровна
ГАВРИЛКО**

родилась 7 марта 1970 года в г. Петропавловске, где проживает и в данное время. В 1992 г. окончила Уральский государственный университет по специальности “журналистика”. Работала в редакциях областных и республиканских газет в России и Казахстане, в последние годы является собственным корреспондентом республиканского еженедельника “ОКО” (г. Астана). Параллельно занимается литературным творчеством (пишет рассказы и сказки) и живописью. В № 2 “Нивы” за 2006 год был опубликован её рассказ “Светлячок”.

В этом номере кроме двух рассказов Веры Гаврилко представлены в изоальбоме “Нивы” и её художественные работы.

— Я умею танцевать и радоваться, умею грустить, умею останавливать боль прикосновением и ещё — умею писать письма.

— Но зато ты не умеешь летать! — воскликнул Ветер, и улетел далеко-далеко.

А я ненужно подумала ему вслед, что когда-то у меня тоже были крылья...

Я шла по тротуару, стуча каблуками, и рядом со мной шёл Дождь. Он старался идти со мной в унисон: “цок-цок-цок” — тараторили каблуки, “чок-чок-чок” — вторил им Дождь. У меня не было зонта, я промокла до нитки, и вдруг мне стало весело. Ух, как я развеселилась!

— Эй, Дождь! — воскликнула я. — Чего ты так разнюнился?

— Мне жалко тебя, — всхлипнул он, — ты так одинока.

— Тогда возьми меня с собой, — предложила я Дождю. — Я буду твоей сестрой, хочешь?

— А что ты умеешь? — шмыгнул Дождь мокрым носом.

— Я умею понимать язык кошек и немного говорю по-птичьи. А ещё я могу разбирать по нотам тишину...

— Ты чок-чок-чок-чокнутая, — разрыдался Дождь, — ведь ты не умеешь уходить под землю, — и с этими словами Дождь исчез, превратившись в сверкающую под ногами лужицу.

Я сняла туфли и пробежалась по ней босиком...

Из зловонной подворотни вышла большая чёрная Кошка. Она по-рысьи сверкнула на меня жёлтыми глазищами и важно уселась прямо на клумбу с мокрой от дождя резедой.

— Эй, Кошка, — спросила я, — как поживаешь?

— Пр-р-р-ректасно, — зевнула Кошка, — а ты?

— Так себе, — призналась я, — бывало лучше.

— Что так? — зажмурилась Кошка и лапами расправила поникшие усы.

— Ветер не взял меня в жёны, Дождю не нужна такая сестра. Может, ты, Кошка, взяла бы меня во враги? — с надеждой спросила я.

— Может, и взяла бы, — задумчиво промурлыкала Кошка, — а что ты умеешь?

— Я умею зализывать раны, — развела я руками, — совсем как ты. А ещё — становиться на все лапы после падения. И жить несмотря ни на что.

— Глупая, — улыбнулась Кошка, — посуди сама, кому нужен такой враг, который не по зубам.

И она распушила облезлый хвост и важно прошествовала в ближайшее парадное. А я — что мне ещё оставалось — побрела следом за ней. В парадном было темно. Хоть глаз выколи. Лестница привела меня на самое небо. Тучи легли мне на плечи, а мокрая крыша лоснилась под ногами сытым китом.

На самом краешке китового бока сидел мой Друг-Муж-и-Враг в одном лице и, понутив плечи, болтал ногами в облаке. Я села рядом и посмотрела вниз. Земли не было видно. Над нашими головами проплыла стайка розовых плюшевых драконов, отчаянно размахивая смешными крыльями.

Мы помолчали.

— Эй, — вдруг тихонько окликнул меня он, — может, возьмёшь меня в любимые?

— А что ты умеешь? — стукнуло в ответ моё сердце.

— Ничего особенного, — вздохнул он, — я лишь умею сходить с ума, когда тебя нет рядом.

— Негусто, — пропустило удар сердце.

— Негусто, — согласился он.

Мы сидели на крыше, взявшись за руки, и земля стремительно неслась прямо на нас. Скоро стало видно улицу, разноцветные потоки машин и толпу зевак, задравших головы. Они оживлённо галдели, тыча в нас пальцами.

— Эй вы, придурки! — кричали они. — Слезайте! Разве нормальные люди разгуливают по крышам?

Они ещё что-то кричали, но мы их уже не слушали.

Обнявшись, мы пошли себе по облакам, как парочка студентов-прогульщиков. Облака были мокрые и смешливые: прыскали ласковым дождем, когда в них наступаешь ногой.

— Почему ты был такой кислый? — спросила я у моего любимого.

— Потому что ты была слишком сладкой, а мне хотелось гармонии.

— Зачем ты ревнуешь меня, это глупо.

— А я вообще глупый, ты разве не знала?

— А я сумасшедшая ведьма...

— Ну и хорошо. Зато у нас будут умные дети.

— Что ты несёшь? Откуда умные дети у глупых родителей?

— Так часто бывает. И наоборот...

И знаете, что я сделала тогда? Я остановилась и поцеловала его. Очень серьёзно. Так серьёзно, как только умела...

Моя нежная смерть

*Постели, нежные от ласки аромата,
Как жадные гроба, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
Под блеском лучших дней, вздохнут в последний раз.*

Шарль Бодлер "Цветы зла"

Моя смерть придёт за мной на закате. Я открою дверь и утону в её душистых травах, в которых она выпасает своих белоногих коней. Погаснет хор кузнечиков, и наступит ночь. Нам будет хорошо вдвоём. Смерть положит мою голову на свои колени и станет перебирать мои волосы, как полевые цветы. Может быть, она даже споёт мне колыбельную. Тихо-тихо. Так тихо, что на секунду мне станет жутко. Я открою глаза, и в них упадут её слёзы.

Моя смерть будет ясноокой и лукавой, как монастырский послушник. Или как юный плейбой на новеньком "Пежо". У неё — нежная мальчишеская кожа и лёгкие стремительные пальцы. Наши тела пахнут сандалом и вереском, миррой и миртом. В наши волосы вплелись дикая повилика и сон-трава. Простыни мокры от пота — не пресного смертного — сладкого любовного пота. Тело от него отливает перламутром. Мы — два розовых моллюска в тесной раковине Любви. Милый! Мои губы бегут по тебе, обжигая дыханием прирученного дракона. Твои зубы вгрызаются в мою плоть, как в чудесное райское яблоко. Из него брызжет отравленный сок.

Моя смерть будет самым нежным и умелым любовником. Она знает меня лучше, чем знаю себя я сама. От её ласк кожа покрывается коростами наслаждения, граничащего с болью. Я плыву в знойном скарлатиновом мареве по горячечным рекам из расплавленного свинца.

— Нежней... ещё нежней... пожалуйста... пожалуйста... — шепчу я из последних сил...

Ты спросишь: какая она, смерть? Сказать? Тебе это, правда, интересно? Ну, тогда слушай. У неё белозубая улыбка, как у того парня с трассы. Синяя рубашка в мелкий рубчик. Копна пшеничных волос. Бесенята в глазах. Запылённая машина — скоростная двухместная модель. Пыль была и на моём лице, на шее, на волосах, на груди... Пряная кирпичная степная пыль, как молотый красный перец. Как адская смесь карри с куркумой. Я была крепко проперчена и засунута в полуденную раскалённую степь, как рождественская утка — в духовку. На сто выжженных вёрст — ни одной души. Его машина и улыбка были спасением.

— Куда вам? — спросил он, почти ложась на пассажирское сидение, чтобы видеть моё лицо.

— Туда же, куда и тебе, — засмеялась я в ответ. — Дорога одна на всех.

Он тоже засмеялся, вот тогда-то я увидела, какие у него белые зубы. Белые и хищные, как у молодого волка. Хотя сам он был овечкой. Маленьким сыном. Всеобщим любимцем и изнеженным баловнем. Такие всегда идут по жизни победителями. Женщины смотрят на них широко раскрытыми глазами и их ноздри начинают трепетать, как только молодой самец появляется где-то поблизости. Так трепещут ноздри косули, когда она чует волка.

Да, но ты ведь не волк, дру-жо-чек...

Пристрелка взглядами. Недолёт, перелёт, ещё недолёт. А вот этот, пожалуй, точно в цель... На сто десятком километре бешеной гонки он положил руку мне на колено. Рука вздрогнула. Чёрный шёлк заскользил вверх, обнажая кружева чулок. Бесенята в его глазах разом перепугались и смолкли. Мы смотрели друг на друга в упор. Ангелы в тот момент управляли нашей машиной.

— Э, дорогой, со мной этот номер не пройдёт, — сказала я твёрдо и решительно.

“Ещё как пройдёт, мой сладкий”, — пообещал мой взгляд.

Стряхнула его руку с колен. Как шкодливого котёнка. И вытерла руку платком. Ах, эта дорожная пыль... От неё тоска на сердце и тяжесть в висках.

Он мне понравился. Я решила, что сделаю это с ним. Интересно, какой он в этот момент? В момент последних содроганий? Наверное, совсем ручной. Такие волчата быстро становятся ручными. Такие пшеничноволодые. Такие золотоглазые. Я была наэлектризована до предела. От меня били вольты во все стороны. В салоне искрило и пахло гарью. Горячее предзакатное солнце гналось за нами по пятам. Стрелка на спидометре билась как припадочная. Чуть подрагивали его руки на руле. Пульсировала одинокая жилка на его шее. Я любовалась им искося, улыбаясь секретно — только кончиками губ. Ты так хорош, моё золотко. Ты ещё так чертовски молод...

Он не выдержал. Бросил на меня молящий взгляд. Победитель сдулся, точно кто-то щёлкнул тумблером, переключив его на другой канал.

Густо краснеющего интервьюера, пытающегося разговорить иронически настроенную “звезду”.

— Почему вы одна на трассе?

— Я всегда одна...

— Это опасно. Мало ли что?

— Ты хочешь сказать, что меня сейчас изнасилуешь?

— Мне кажется, это я должен тебя... вас бояться, — вдруг признаётся он.

— Вот как?

— Вы опасная женщина, — он глупо хихикнул. — Слишком красивая для меня. Не знаешь, что у вас на уме.

— Сказать? Сказать тебе, что у меня на уме?

Ох, залепи скорее уши горячим воском, мой мальчик, не слушай меня, не слушай! Выброси ведьму на полном ходу из машины. Убегай без оглядки, может, уцелеешь. Будешь жить. Слышишь? Жить! Женишься на одной из “тёлок”, самой хозяйственной и полногрудой. Родишь трёх детей: двух девочек и пшеничноволового мальчугана. Будешь кормить их молочной кашей по утрам, а жену по ночам — обещаниями и клятвами. Отяжелеешь, обрюзгнешь, изойдёшь морщинами. Отправишь сына на далёкую войну живым. А получишь — запаянным в цинковый гроб. Доберёшься до сытой и комфортной старости. Переживёшь любовь жены, а потом — и её саму. И, наконец, тихо отчалишь в равнодушные небеса в окружении скучающего выводка разнокалиберных внуков. Словом, проживёшь достойную жизнь. Только беги от сладкоголосых сирен и в море, и на суше, мой мальчик! Заклинаю, беги и ныне, и присно, и во веки веков...

— Скажите, — хрипло попросил он. — Я хочу знать.

Я наклонилась к нему. Ага, наше ушко уже на макушке. Слегка неправильной формы. Мочка слишком мала — признак слабой воли. Подула в него тихонечко. “Щекотно!” — совсем детским движением потерся ухом о плечо. И тут боковым зрением я заметила её. Большую фуру, показавшуюся на горизонте. Это была единственная встречная машина за полтора часа езды. Всё это время мы были с ним одни в целом мире, как Адам и Ева. А теперь возникло странное чувство, что у нас появился соглядатай. Змей-искуситель... Фура была ещё так далеко... Но её появление решило всё.

— Я хочу заняться с тобой любовью. Прямо сейчас. На трассе. На всей скорости.

Он метнул в меня испуганный взгляд.

— Ты никогда не занимался этим на скорости? Никогда?

Он промолчал, его лицо ничего не отразило, только костяшки пальцев на руле побелели от напряжения.

— Ты же хочешь этого... Ты же всегда мечтал об этом.

Молчание. Никаких эмоций. Вообще никаких. Он начал плавно сбавлять скорость. Сейчас припаркуется к обочине и залезет ко мне под юбку, — подумала я. Мне стало скучно.

— Не останавливайся! — крикнула я. — Поезжай, как ехал.

Он подчинился.

Что ему ещё оставалось делать? Откинул крышу кабриолета, как я ему велела.

Он весь был в моей власти. Его воля была парализована. Мои губы нашли его губы. Ветер хлестал нас по щекам наотмашь, словно кричал:

“Что вы делаете? Одумайтесь!”. Солнце садилось прямо на ветровое стекло.

Я соскользнула к нему на колени. У него стало отрешённым лицо. Как у покойника. Ветер остановился. Наши руки обнимали пустоту. Пустота сочилась елеем и патокой. От неё делались липкими пальцы и губы. Мы были — тени. Тенями были все декорации — машина, трасса, стрелка спидометра... Всё враз потеряло цену. Не смотри на меня такими глазами, мальчик. Жертва не менее порочна, чем хищник, запомни это. Уже тем, что она — жертва, она навлекает на себя гнев небес.

Боже, какая она огромная... Как библейское чудовище-кит, проглотившее беднягу Иону. В таких, наверное, перевозят скот. Слонопотамов и гигантских ящеров. В лучших традициях сновидений фура надвигалась бесшумно и медленно. Она вся блестела никелем и сталью в лучах заката. Сейчас она закроет горизонт. А вот и Иона-дальнобойщик, корчится в беззвучном крике. Давай я закрою тебе глазки, мой пшеничный мальчик, тебе не нужно видеть всего этого. Маленький заблудившийся мальчик. Где твоя мама, ау! Наверное, у тебя красивая мама. Только у красивой мамы может родиться такой красивый сын. Вот что я скажу тебе, милый. Слушай меня внимательно. Мама тебе этого не говорила. Люди умеют летать. Но в отличие от ангелов, Бог дал им всего по одному крылу. Мужчине — правое, женщине — левое. И чтобы взлететь, им обязательно надо обняться.

Взлетай!!! Взлетай же, чёрт тебя побери! Взлетай, пока эта скотобаза на колёсах не расплющила нас в лепёшку. У меня есть маленькая слабость: я не хочу, чтобы смерть обезобразила тебя. Ну, давай же, давай, давай... Одно небольшое усилие. Ты сам удивишься, как это просто...

... Взлетая, он выпустил руль. И мне ничего не оставалось, как сдвинуть его немного влево. Совсем чуть-чуть...

Чудо-рыба-фура-кит заглотила крохотный “Пежо” безо всякого усилия. Даже не подавилась...

На следующий день я снова шла по трассе, куда глаза глядят. Хрипло тормознул тёмно-синий “седан”.

— Садись, красавица, подброшу, — заросший трёхдневной щетиной водитель усталился на мои ноги.

— Подбросишь — не поймаетшь, — засмеялась я. Уверенно села на переднее сидение.

Медленно, очень медленно гасло солнце...

Светлана КОМРАКОВА

“Я сегодня летала во сне...”

Как это странно — не любить тебя.
Смотреть на мир спокойными глазами,
В разлуке дни не проводить, скорбя,
И пустоту не обливаться слезами.

Ты где-то есть, работаешь, живёшь.
И обо мне, возможно, вспоминаешь.
Звонков моих ещё, быть может, ждёшь.
Что разлюбила, ты ещё не знаешь.

Как это странно — ночью или днём
Не ощущать тебя всё время рядом,
И мысль о том, что розно мы живём,
Не обливает больше сердце ядом.

Проходит всё, вот и любовь прошла,
Забрав с собой палитру ярких красок.
Наверно, вместо нас других нашла,
Кто любит просто, без ненужных масок.

Что хочет женщина? Любви!
Любви волшебной и прекрасной,
Когда она бурлит в крови
И ожиданья не напрасны!

Что хочет женщина? Тепла!
Тепла заботы и вниманья,

Чтоб жизнь счастливая текла
В любви и ласке пониманья.

Что хочет женщина? Огня!
Огня любовного томленья,
Когда без милого ни дня,
Ни дня, ни ночи, ни мгновенья!

И вдруг посредине мая
Узнала я про себя:
Сидела во мне Другая,
С которой рассталась я.

Другая, что знала точно,
Что можно, а что нельзя,
Не будет она нарочно
По жизни идти, как я.

Другая строга не в меру,
Матрона и чуть ханжа

Пинками прогонит веру,
Что женщина я свежа,

Что жизнь не проходит мимо,
В ней места найду всему,
И то, что уже не мило,
Пожалуй, я не приму.

Но если впушу Другую
Обратно в судьбу мою,
Я жизнь проживу какую?
Другую, но не свою.

Я потеряла радость бытия,
 Когда душа открыта впечатлениям.
 Уже давно не радуется меня
 И солнца луч весеннего движенья,
 И милый цвет черёмухи в саду,
 И пенье птиц с рассвета до заката.
 С холодным сердцем мимо я иду,
 Сама как будто в этом виновата.

На Беговой, за этим вот окошком,
 Тебе почти принадлежала я.
 Всё было странно, словно понарошку,
 Когда ты поднял на руки меня.

Я ль там была в твоих объятьях нежных?
 Меня ль ты поцелуями покрыл?
 Тонула я ль в глазах твоих безбрежных
 И мне ль тогда принадлежал твой пыл?

Тот зимний день останется со мною.
 Конечно же, он был, сомненья прочь,
 Вот только жаль, нам не дано с тобою
 Побывать вдвоём одну хотя бы ночь!

Я ставлю точку, мне уже не жаль
 Того, что не случилось между нами,
 И что на встречи больше не бежать,
 И чувства не бушуют, как цунами.

И голос в трубке не бросает в дрожь,
 Да и звонки становятся всё реже.
 От разговора ничего не ждёшь,
 И темы разговоров те же, те же.

Про сына, службу, про твои дела,
 Про гороскоп, погоду и здоровье.
 Беседа эта, в общем-то, мила,
 Будь меж невесткой и её свекровью...

Сиреневый люпин
 И бело-розоватый
 Карелию покрыл
 Затеяливым ковром.
 Здесь кошка у плетня,
 Там пёс молодцеватый,
 Заборчик их прикрыл
 За стареньким двором.

Жасмин цветёт в саду,
 Пионы и шиповник,
 Ромашка, резеда
 И белая сирень.

С природою в ладу
 Воинственный крыжовник.
 И плещу собой обвил
 Калитку набекрень.

Приятны и тихи
 Карельские деревни.
 Здесь жизнь своя течёт
 Без ложной суеты.
 И даже петухи
 С утра поют напевней,
 Всё зная наперёд,
 Наивны и просты.

Я, наверно, не умею быть любовницей,
 Чтоб мужчину с другой женщиной делить.
 Свои ночи провожу вдвоём с бессонницей.
 Подсказал бы кто-то сверху, как мне быть?

Что скрывать, мне импонирует внимание,
 Что мужчина очевидно проявил,
 И звонил, и назначал он мне свидания,
 Был заботлив, и внимателен, и мил.

Я могла бы с удовольствием с ним сблизиться
 И считать себя счастливою вполне,
 Только думаю, жена его обидится,
 Много лет уже она подруга мне.

Почему мне вдруг такое испытание?
 Интересный, умный справный кавалер!
 Но подруге-то моей зачем страдание?
 Не смогу преодолеть такой барьер.

Я сегодня летала во сне
 И парила легко и свободно,
 И приятно летать было мне,
 Видно, небу так было угодно.

Удивленья — я это могу!
 Восхищенье — как это красиво!
 Мы у Бога, наверно, в долгу,
 Коли нам не дана эта сила.

Наяву мы не можем летать
 (И создали на то самолёты),

Оттолкнувшись, легко воспарять,
 Виртуозно входя в повороты.

Но, наверно, когда-то в раю,
 Не отведав запретного плода,
 Прародители наши всюю
 Покоряли слои небосвода.

И глубинная память веков
 Нам оставила дивное что-то:
 Возвращаясь из сказочных снов,
 Мы храним ощущение полёта.

Примеряет наряды природа,
 Повинуясь теченью времён,
 Запах нового времени года
 Увяданьем слегка напоён.

Вместо жёлто-багряных нарядов
 На деревьях давно нагота,
 Будут в белом от снежных зарядов,
 Но до них ещё дней маета.

Утром иней легонько прикроет
 Оголённую кожу ветвей,
 Только ветер закружит, завоюет
 И осыплет ажурность скорей.

Всё черно — и земля, и деревья,
 Уменьшается день световой,
 Наливаются силой поверья
 Перед нашей суровой зимой.

Проснуться поутру счастливой
 Назло соседям и врагам
 И потянуться нестыдливо
 К своим пленительным ногам.

И в зеркало взглянуть без страха.
 Конечно, снова хороша.
 Долой нательную рубаху
 И в душ контрастный не спеша!

И улыбнуться откровенно,
 Вдруг, без причины, просто так.
 И "С добрым утром," дерзновенно
 Послать в пространство как кулак.

Струёй горячей и холодной
 Взбодрится тело как всегда,
 И не простой водопроводной —
 Живой окажется вода!

Мы будем счастливы назло и вопреки,
 С огромным стажем преданные жёны,
 И пусть дурные рядом мужики,
 Что для других, а не для нас пижоны.

Мужья в семье, кто деспот, кто тиран,
 Кто молчалив, а кто болтлив без меры,
 Кто в походе днях левых ветеран,
 А кем владеют ложные химеры.

Объединяет их всегда одно:
 Во всём виновны эти жёны-дуры,
 Семейный плот уже пошёл на дно,
 Спасти его не смогут процедуры.

Но мы сумеем выйти из воды,
 И улыбнуться солнцу, детям, внукам.
 Ведь не напрасны были все труды,
 Счастливой быть назло — почти наука!

Я наряжала ёлочку одна.
 И было мне приятно и спокойно.
 И я на что-то быть могу годна,
 И наряжу красавицу достойно.

Нашла макушку и гирлянды ламп,
 Блестящий дождик, мишуру, игрушки.
 И ёлочка моя на радость вам
 Уже сверкает с пола до макушки.

Но только раньше этот ритуал
 Двоём мы выполняли вместе с мужем,
 Теперь и он вот бесполезным стал,
 Как символ брака, что давно не нужен.

г. Москва.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

“Стёрлось детство с веснушчатых лиц...”

**Почему уходит в забвение подвиг героев, погибших
на таджикско-афганской границе?**

Казахстанским военнослужащим, которые прошли в 90-е годы прошлого столетия через горнило боевых действий на таджикско-афганской границе, до сих пор снятся обстрелы, крики, стоны раненых, плач детей.

Сколько бы лет ни прошло, они будут помнить всё, что связано с этой “горячей точкой”. Кто бы сегодня о них ни говорил, не осуждал, совесть их чиста. Они честно выполнили свой гражданский и воинский долг, защитив мирных людей. При этом проявили настоящее мужество, стойкость, преданность Отчизне, отдавая сердца своей Родине и взамен не требуя ничего, даже наград.

О героизме наших военнослужащих коротко и ёмко сказал Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, обращаясь к их родным: “Тибель ваших сыновей и близких отозвалась острой болью в сердце каждого жителя республики. Воины Казахстанского батальона мужественно охраняют таджикско-афганский участок внешней границы Содружества Независимых Государств. Жизни погибших воинов отданы за сохранение безопасности в наших государствах. Они защищали и наши с вами мир и спокойствие”.

Все мечтали вернуться живыми и здоровыми в отчий дом, к родным и самым близким, любимым девушкам. Увы, не суждено было сбыться мечтам. В апреле 1995 года в одном из боёв с моджахедами семнадцать парней положили свои головы на алтарь Отечества, а более 30 ребят получили ранения.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

— кадровый военный, полковник запаса. Окончил факультет военной журналистики Львовского высшего военного училища, редакторское отделение Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Служил на Тихоокеанском флоте, в Среднеазиатском военном округе, в Группе советских войск в Германии.

В течение ряда лет был главным редактором газеты “Казахстан сарбазы” — “Воин Казахстана”, семь лет возглавлял пресс-службу Министерства обороны РК, одновременно являлся пресс-секретарём министра обороны.

Его корреспонденции, репортажи, очерки в своё время публиковались в газетах “Правда”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда”, “Лениншил жас”, в журналах “Советский воин”, “Знаменосец”, “Мадениет жане турмыс”, “Простор”.

И сегодня С. Жагипаров выступает в различных периодических изданиях, в том числе в газетах “Егемен Казахстан” и “Казахстанская правда”. Автор книги “Звёзды не гаснут”. Постоянный автор “Нивы”.

Лауреат премий Союза журналистов РК, награждён специальным знаком Совета министров обороны стран СНГ.

**У памятника-obeliska 17 павшим воинам,
г. Шымкент, на территории в/части**

В своей книге “Звёзды не гаснут” (издательство “Санат”), вышедшей накануне 60-летия Великой Победы, по ряду обстоятельств я не смог подробно описать картину боя, лишь упомянул решительные действия, смелость солдат и офицеров, задержавших бандитов на таджикско-афганской границе. А ведь подвиг воинов девяностых несколько отличается от мужества фронтовиков Великой Отечественной войны 1941-45 годов.

Как известно, любое боевое сражение своего рода чистилище, оно кристаллизует дух, очищает сознание от фальшивого, наносного. Кроме того, проверяет тебя: герой ты или трус. В связи с этим вспоминается разговор с фронтовиком, кавалером орденов Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, полковником в отставке Седых, когда Максим Игнатьевич сказал: “Война — испытание на прочность, она встряхивает людей, как сильный ветер яблоньку. И внизу будет только падалица, а наверху — оклёвыши. Иными словами: как сталь закаляется в огне, так и человек раскрывается в огне борьбы”.

Каждый перед тем или иным боем невольно говорит самому себе о том, что, не дай Аллах, струсить, пусть всё меня покинет, но только не покинуло бы мужество. Да, молодых воинов не покинула храбрость, они, выбиваясь из последних сил, как гласит народная мудрость: “Смелого пуля боится, смелого штык не берёт”, вместе с российскими пограничниками дали достойный отпор врагу. Это и о них сказал поэт:

*Было вам восемнадцать
И осталось навеки.
Не сумели подняться
После бури побеги.
Среди далей родимых
Суждено вам судьбою
Вместо верных любимых
Обвенчаться с войною.
Между вами живая
Наклонилась ромашка.*

1

Нуржан, находясь даже в отпуске в родном ауле Коксайак, что в Южно-Казахстанской области, вставал рано с петухами. Последние ночи перед поездкой к месту службы почему-то не спалось, ворочался, лежал с открытыми глазами.

Бабушка Кулпашын, мама Нурбобе, беспокойные, добросердечные, не могли не заметить, что Нуржан переживает о чём-то, но виду не показывает. От того, наверное, думали они, у Нуржана бессонница, под глазами набрякли мешки. Однажды, не выдержав, Нурбобе попросила свою матушку поговорить с внуком откровенно, с глаза на глаз, так как только Кулпашын-апе доверял он всё самое сокровенное. Ведь Нуржан очень любит свою бабушку, пройдя с детства её школу воспитания.

— Айналайын, — обратилась она к внуку, — что с тобой, не струсил ли какая-то беда? Не захворал ли?

Поначалу Нуржан не хотел беспокоить её, отнекивался, но всё же потом решил поделиться с ней тем, что его волновало.

— Ничего, бабушка, не переживайте. Просто временами бывает, что снятся те ребята, которые остались на чужбине, они встают перед глазами такие живые, весёлые, и в то же время серьёзные, отважные. Кто-то из солдат, то ли Ербол Исабаев, то ли Анатолий Мешков словно кричит: “Командир, не подставляйте грудь, берегите себя, я прикрою вас от пуль моджахедов”. Вдруг в поту просыпаюсь, вспоминая сон, как будто над солдатами кружат ангелы в одеяниях сестёр милосердия.

Сон, что он видел который раз, точно отражал картину боя.

“Это надо же, столько лет прошло, хочу всё забыть, а воспоминания сами плывут косяком, как гуси, напоминая то же ущелье, загромождённое сожжённой боевой техникой. А оставшиеся её остовы плачут и плачут стекающими по броне дождевыми каплями по своим хозяевам — сторевшим заживо солдатам. Непостижимо! Почему, почему? — удивлялся Нуржан. — Казалось бы, после таджикско-афганской границы произошло в жизни немало событий, а они не снятся”.

Он не может забыть искорёженную взрывом кабину автомашины, в голове, словно заноза, корявая надпись на её дверце: “Канат”. Здесь же, рядом, нацарапано ещё одно имя: “Меруерт”. Видимо, подумал Нуржан, она была любимой девушкой бойца. Эх, как жаль, обидно до слёз, что Меруерт своего солдата никогда больше не увидит.

Да что война, даже отдельное сражение страшно ещё и тем, что аукается, спустя время, возвращается, точно эхо, в мирную жизнь.

— Знаете, бабушка, никогда никому не рассказывал подробности о гибели наших ребят.

— Почему бы и не рассказать? — оживилась Кулпашын-апа. — Не таи, выговорись, на сердце будет легче. Душа успокоится. Чего один не узнает, узнает другой. Не случайно сказано, что у народа пятьдесят ушей.

Старая женщина знала, что говорить внуку, так как сама прошла, как говорится, огонь и воду, являясь участницей трудового фронта в годы Великой Отечественной войны. На её долю выпало не только время военного лихолетья, но и голод, разруха, репрессии. Если мужа, сыновья, братья мужественно сражались на передовой, а их жёны, сёстры, дети самоотверженно трудились в тылу, приближая долгожданный день Победы, то были и те, кто изыскивал повсюду “врагов народа”. Время было такое, что

пятно на человеческую биографию ставилось просто, как чернильная клякса. У выживших после войны, страданий и горя, потерявших родных и самых близких, появился комплекс, по выражению Достоевского, “готовности претерпеть любые бедствия, лишь бы остаться в живых”. Люди её поколения намного раньше повзрослели и стали строже относиться к житейским истинам, которые постигали с детства. Жизнь бабушки Нуржана, как и любого человека — это своего рода клубок ниток, на котором отмечены судьбоносные этапы её биографии. А эти важные события хоть и в прошлом, но это часть истории Отечества. Зная цену того, как было достигнуто нынешнее достоинство, внук унаследовал от Кулпашын-апы человечность, самостоятельность, принципиальность.

— Пожалуй, никогда не успокоится душа, так как не смогли уберечь братишек от гибели, — стал делиться Нуржан. — Надо ли ворошить прошлое? Кому нужны погибшие, искалеченные, их подвиг? Больше десяти лет прошло с тех пор, и о них многие казахстанцы забыли. Помнят только родители, сослуживцы, да и воинская часть, где они служили. Отрадно хоть то, что братья по оружию — таджики — не забыли наших сослуживцев, установив не так давно в Душанбе памятник. Конечно же, благодаря инициативе руководства нашего государства. И за это спасибо.

Бабушка тотчас добавила:

— Нет, дорогой мой, о подвиге должны знать люди, особенно молодёжь. Сменяются поколения. Будут ли нынешние молодые помнить героизм своих сверстников, соизмерять настоящее с прошлыми годами? Разве те, совершив подвиг, не оставили добрый след? У казахов есть хорошая пословица: “Десять человек оставляют следы на земле, сотня протаптывает тропу, а тысяча — дорогу”. И ещё. Не забывай: добро сделанное всегда к человеку возвращается.

Нуржан задумался, размышляя о чём-то, затем вновь заговорил:

— Да, бабушка, вы правы. Думаю, было бы справедливо увековечить память героев, установивobeliski как в Астане, так и в Алматы рядом с монументами, которые сооружены воинам-“афганцам”. Надо бы и правительству принять решение о предоставлении льгот и привилегий участникам всех боевых действий наравне с ветеранами Великой Отечественной войны и “афганцами”. Ведь казбатовцы шли в “горячие точки”, как и их предшественники, чтобы уберечь от огня границы собственного Отечества.

Нуржан разволновался, глаза заблестели.

— Таких настоящих джигитов, с железной волей, можно встретить только в боевой обстановке. Они не испугались смерти, хотя она была рядом со всеми, всматривалась в наши глаза. Мы — живы, у нас семьи, дети, благодаря и тому, что спешившие на помощь сослуживцы не оставили нас в беде. Я всегда буду помнить всех.

Бабушка сидела, внимательно слушая внука, временами краешком платка утирая слезу.

Кулпашын-апа опечаленно покачала головой, бережно обняла внука и стала гладить ладонью его лицо. Нуржан, как в детстве, чувствовал её тёплые руки, мягкие пальцы.

Этот разговор не оставил равнодушным и отца Нуржана — Сейтхана Байбосынулы, проработавшего в школе более сорока лет учителем, мать Нурбобе Байганайкызы, ветерана труда. Они воспитали девятерых детей и всем дали соответствующее образование. Четверо из них — Суюнбай,

Нурлан, Бекжан, Нуркен достойно выполнили свой гражданский и воинский долг, пройдя службу в Вооружённых Силах.

— Правильно говоришь, сынок, — поддержал отец, — есть зерно в твоих словах, только надо добиться задуманного. Ведь солдаты не щадили себя, своих сил ради жизни на земле, ради мирного неба. Их подвиг поистине благороден.

Скрипнула дверь, вбежал, запыхавшись, племянник Нуржана, с порога зататорил, обращаясь к бабушке и родителям со своими проблемами.

Нуржан, услышав претензии Ерлана, поднял глаза. Его удивило поведение племянника, который, запинаясь, доказывал несуразное. Он позвал Ерлана и сердито произнёс:

— Ты понимаешь, что говоришь? Почему свои личные проблемы перекладываешь на плечи родителей? Запомни навсегда: никогда не создавай суматоху, все вопросы решай сам. Ты же мужчина, будь самим собой. Богатство, деньги счастья не составят. Понял? Живи и радуйся каждому мгновению жизни. Никогда не унывай. Радуйся солнцу, дождю, смеху детей, пению птиц, прочитанным книгам. Разумеется, учись, работай, занимайся спортом, ходи на дискотеки, развлекайся, пока молодой, влюбляйся. Для этого есть у тебя все условия. Всё остальное — сиюминутное, наносное.

Ерлан стоял с разинутым ртом, оглядываясь по сторонам. Не ожидал он такого отпора. В ответ не мог вымолвить ни слова.

Нуржан подошёл к окну, раздвинул шторы и открыл форточку: улицы аула сверкали в лучах утреннего солнца, где-то кукарекали петухи, кудахтали курицы, тявкали собаки. Поднимая облака пыли, проехал трактор “Беларусь” с тележкой. Вблизи затарахтел мотоцикл.

Нуржан, не отрываясь, смотрел в окно, вдыхая тонкий запах скошенной травы, прислушиваясь к стрёкоту кузнечиков, любовался аульной жизнью, каждый штрих которой был знаком ему с детства. Всё так же дома, как и ранее, размеренно, без суеты. Бабушка — рукодельница, великолепно шьёт. Мама с утра доит корову, отец — в школе, мальчишки убирают сарай, затем идут полоть картошку. Одним словом, в дни летних каникул племянники не сидят сложа руки, у каждого свои обязанности по хозяйству.

Вдруг на веранде что-то звякнуло. Нуржан вышел посмотреть, увидев мать с двумя вёдрами воды, виновато сказал: “Мама, почему вам не сидится, мы сами бы принесли воду. Берегите себя, отдохните”.

Нурбобе участливо поглядела на сына, улыбнулась. На её щеках обозначились знакомые ямочки, а в глазах появилась задорная лукавинка.

Нуржан пиалой набрал воды, а взглядом не мог оторваться от успокаивающейся в вёдрах воды, и было в этом что-то завораживающее ещё с малых лет. И ему стало радостно — внутри будто льдинка растаяла. Он ничего не загадывал наперёд, желая подольше сохранить ощущение спокойствия, тепла родительского очага. Ему казалось, что вечно будет его аул, вечными бабушка, отец и мать — опора в жизни. Не зря в народе говорят, что отец — горная вершина, мать — родник у её подножия, а ребёнок — тростник прибрежный. Ради таких отрадных минут, наверное, и жив человек. И Аллах в том жестоком столкновении с моджахедами оставил его на земле, может быть, для того, чтобы дать возможность заново переосмыслить жизнь. Мудрено, конечно, но что-то в этом есть. После того боя, чудом оставшийся в живых, Нуржан невольно почувствовал себя повзрослевшим сразу на несколько лет. Это было видно и по седине на голове.

Нуржан мысленно сравнивал свой тихий и спокойный аул с таджикскими кишлаками, где нет-нет да гремели ещё недавно выстрелы, орудовали бандиты. Не хотелось верить, но видел, как люди были вынуждены уезжать с обжитых мест. Жизнь заставляла некоторых пойти даже на крайний шаг — с мольбой просить у казахстанских военнослужащих мешок муки. Ради этого готовы были отдать собственного ребёнка. Такова была суровая правда жизни.

Потому и толковывал Нуржан племяннику, казалось бы, простые истины, на которые порой не обращаем внимания, не ценим их значимость. Он имел в виду: какое счастье жить под мирным небом, творить, радоваться, когда не раздаются выстрелы, не разрываются снаряды, не гибнут люди. Да, всё истинное постигается в муках.

Это он усвоил ещё на таджикско-афганской границе, проходя службу в составе Казбата.

2

А мне до сих пор вспоминается встреча с ним, старшим лейтенантом Нуржаном Байбосыновым, в то время заместителем командира роты по боевой подготовке. Тогда на месте гибели наших военнослужащих разговор вёл-ся о многом. О смысле жизни и других ценностях в окружающем мире. Безусловно, он не мог не сказать и о значимости подвига героев, о том, как люди меняются в критических обстоятельствах, в напряжённые мгновения боя.

Смотрел Нуржан на Пшихаврское ущелье, что в Горном Бадахшане, где шло навсегда врезавшееся в память более чем четырёхчасовое кровопролитное сражение с моджахедами. Задумчиво глядывался в горы, на вершинах которых курились в облачной дымке гигантские снежные папахи. В лучах солнца сверкал, переливаясь, как змея после линьки, извилистый Пяндж. От стремительно текущей реки, поднимающей фонтаны брызг, тянуло прохладой. Казалось бы, поздняя осень, но солнце в небе выглядело таким нежным и ласковым.

— Так хочется, чтобы могучая река Пяндж, как слагали о ней древние поэты стихи, — задумчиво произнёс Байбосынов, — всегда олицетворяла мир и радостную жизнь.

Хотя на его посеревшем от бессонных ночей лице отпечатались усталость, но он был по-офицерски подтянутым и собранным. Байбосынов своим обаянием, открытостью, душевностью напоминал мне лейтенанта Княжко из романа писателя Юрия Бондарева “Берег”.

Нуржан — один из старожиллов сплочённого воинского коллектива. Рассказывая о сослуживцах, он не мог не сказать и о боевой технике. “Она — не просто машина с электронной начинкой, — пояснял офицер, — а нечто живое, чувствующее человеческую заботу и ласку, в свою очередь отвечающую ему своей надёжностью. Поэтому каждый военнослужащий должен быть с техникой на “ты”.

Кажется, ещё недавно он, молодой офицер, принимал взвод в составе сводной роты Казбата, но сумел достичь немало. Хотя сказать, что в этот коллектив пришёл новичком, было бы в корне неверно. Ведь трудовую закладку, полученную на заводе в городе Чимкенте, два года срочной службы в полку связи в Группе советских войск в Германии (ГСВГ), службу прапорщиком в войсках ПВО со счёта не сбросишь. Такие люди, как Байбосынов, составляют костяк, вокруг которого цементируется коллектив. На них можно

положиться, никогда не подведут. Причём не раз бывалому воину предлагали хорошую работу и на “гражданке”, а он нет, он отказывался. Несмотря на то, что для человека в погонах армейская служба — не мёд и не сахар. Сегодня здесь, — завтра там. Если учесть, что военнослужащий не по своей воле меняет место службы, не имея крыши над головой, снимая квартиры у частных лиц. К тому же жена в богом забытой пустынной степи, где нет ни школы, ни садика, не может устроить ни детей, ни себя на работу. Надо отдать должное его миловидной, заботливой супруге Шолпан, она достойно выдержала все тяготы воинской службы мужа в отдалённых гарнизонах, разделяя все радости и печали. Но для Нуржана действительно нет другой судьбы, судьбы вне армии.

В Казбате были и другие офицеры, похожие на Байбосынова.

Как мне потом рассказывали сослуживцы, именно решительные действия как командира роты капитана Ерлана Алданазарова, так и его заместителя по боевой подготовке старшего лейтенанта Нуржана Байбосынова, командира взвода лейтенанта Кайрата Сатпаева позволили избежать в том памятном сражении больших жертв, уберечь многих солдат от пуль моджахедов.

Вспоминая подробности того боевого столкновения, Нуржан подчеркнул:

— Если бы не эти парни, то “бородатые” прошли бы в глубь территории Таджикистана. Но этого не случилось. Они, встав грудью, тем самым защитили детей, женщин, стариков от зверской расправы.

О своих подчинённых Байбосынов говорил с теплотой, как, наверное, любящий отец, вырастивший умных, добрых детей. Он сам с детства познал цену доброты со стороны родителей, особенно бабушки. Нуржан всегда помнил её слова: “Сынок, в этой жизни у каждого должно быть что-то главное, ради чего он живёт. Счастье в том и заключается, чтобы любить и быть любимым, несмотря ни на что. Никогда не скупись на доброе слово. А оно уже — полсчастья для человека, что масло огню”.

— Им бы жить да жить, растить детей, — продолжал с печалью в голосе Нуржан. — Увы, нам никогда не вернуть этих парней — настоящих мужчин, нравственно чистых, богатых душой. Каждый из них — личность. Они доверяли мне всё, даже самое сокровенное. До сих пор из головы не выходит, как перед боем ребята шутили, горячо спорили, вспоминали родителей, братьев, сестёр, любимых девушек, родные места. До того они были дружны, отзывчивы! Разговор зашёл и о том, что после завершения службы на таджикско-афганской границе все должны побывать в гостях друг у друга. Было, по их словам, чем гордиться, что показать. Каждый уверял, что его родной аул с раздольными лугами, берёзовыми рощами, сосновыми борами, самый привлекательный и гостеприимный. Мысли одного уносили к берегам Иртыша с белоснежными чайками, другого — на благословенную аягузскую землю, связанную с именами известных эпических героев — Козы-Корпеш и Баян-сулу. А кто-то вспоминал горы с мохнатыми шапками вершин в струящейся дымке. Перед глазами Ербола Исабаева возникали просторы Тарбагатай, тропинки вокруг живописного аула Тасбулак, что в Восточно-Казахстанской области, а у его тёзки — Ербола Бекебаева — неповторимое очарование озёр, неописуемые красоты Борового. Канат Едырышов с жаром рассказывал о своём селе Михайловском, расположенном в Павлодарской области, проникновенно говорил о

своих родителей, восторгался односельчанами, добрыми и трудолюбивыми. Дастан Нурметов гордился, что он родом из Жамбылской области, где олицетворением мужества являются его земляки — герои Великой Отечественной войны Баурджан Момыш-улы, Агадил Суханбаев и другие.

Размышляли о том, что удача приходит к смелым и дружным, кто придерживается принципов “один за всех, все за одного”; “сам погибай, а товарища выручай”.

3

... В то весеннее утро армейская колонна выдвинулась для выполнения очередной боевой задачи на бронетранспортёрах (БТР) и автомашинах. С полной выкладкой. В составе колонны находились и российские пограничники, которые осуществляли техническое обеспечение подразделения.

В тот злополучный день даже погода не радовала, так как боевые вертолёты стояли “на приколе”, лишая пограничников поддержки с воздуха. Да, в горах погода особая, нередко повисает непроницаемой пеленой туман. Потому климатические условия местности откладывают отпечаток на время ведения боевых действий. Это связано с открытием перевалов через горные хребты и возможностью прохода через них боевиков. К тому же сложный рельеф местности создаёт сложности в использовании вооружения и военной техники. Вот почему основу боевой деятельности отдельного сводного стрелкового батальона Казахстана в ходе проведения операции составляли рейдовые действия подразделений, выставление блокпостов на вероятных маршрутах выдвижения бандитов. И тот участок госграницы, затерянный в горах Калай-Хумба, как его называли старожилы “каменный кувшин”, где днём и ночью, в стужу и зной несли нелёгкую службу наши военнослужащие, всегда был на “замке”. Несмотря на то что он считался трудноконтролируемым. А вообще только зона ответственности Казбата составляла более 100 километров. Сказать немудрено: 100 км! Но попробуй десятками солдат, когда каждый на счету, перекрыть указанный участок границы, тем более самые отдалённые горные “точки”. К тому же надо учитывать границу, представляющую из себя реку Пяндж в 2-3, иногда до 10-12 метров шириной, с многочисленными поворотами. Следует учесть, что миротворцы имели дело не просто с какими-то наркоторговцами, дилетантами, далёкими от военного дела, а настоящими вооружёнными формированиями таджикской оппозиции. На то время, т. е. в конце 1996 года, когда я находился в командировке в этой “горячей точке”, их общая численность по различным источникам оценивалась в 10-12 тысяч. Что касается оружия, то они были вооружены, как говорится, до зубов. Боевики кроме стрелкового оружия имели гранатомёты, реактивные системы залпового огня, переносные зенитно-ракетные комплексы и, конечно же, самые современные средства связи.

Несмотря на всё это, казахстанцы без страха и сомненья выполняли свой долг. Вот мнение тогдашнего командующего группой пограничных войск Российской Федерации в Таджикистане генерал-лейтенанта Павла Тарасенко: “Хорошее впечатление оставили о себе солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры казахстанцы, проходящие службу здесь, на таджикско-афганской границе. Большинство из них — люди дела, и слово их — кремень. Мужества и отваги им не занимать. Словом, достойные всяческих похвал”.

Впрочем, нельзя сказать, что в буднях миротворцев всё было гладко и безоблачно. Забот и тревог всегда хватало. Они касались своевременного обеспечения военнослужащих всем необходимым, в том числе продуктами питания, связью, транспортом и т. д. К тому же особенности “горячей точки” требуют, чтобы передвижение на наиболее опасных участках сопровождалось “броне́й”. Однако иной раз возникали накладки, случались сбои. А вводные, всякого рода распоряжения поступали часто, в любое время суток.

Я хорошо запомнил тот осенний вечер, когда командир роты капитан Александр Новиков, получив очередную задачу вышестоящего командования, построил личный состав.

Вглядываясь в лица подчинённых, командир, взвешивая каждое слово, отчеканил:

— Ожидается столкновение с боевиками на посту “Мост”, противник, как всегда, вооружён основательно. Требую вести огонь по моей команде, соблюдая при этом меры безопасности. Не знаю, помните вы или не помните известный фильм “Чапаев”, когда начдив Василий Иванович Чапаев сказал: не надо подставлять свою голову всякой дурацкой пуле. Так что без надобности не высовываться.

Новиков был краток. В завершение спросил:

— Все ли здоровы? Если кто болен, прошу выйти из строя.

Все остались в строю. Когда машина с солдатами, под командованием Новикова, выехала на место боя, было темно. Будучи очевидцем другого ночного боестолкновения с моджахедами, наблюдая, как Александр Владимирович уверенно управляет подразделением, отдавая чёткие и ясные указания личному составу, всё больше осознавал, что с опытным командиром роты казахстанского батальона здорово повезло.

Повезло и в том плане, что когда вопрос касался здоровья и жизни солдат, все проблемы он оперативно решал сам, не перекладывая на кого-то. Особенно в бою всегда стремился оберегать своих подчинённых, принимая огонь моджахедов на себя. Помнится, в том сражении враг заставил прижаться казахстанцев к земле, но услышав, как строчит пулемёт, за которым находился капитан Новиков, солдаты преобразились, действовали смело и решительно.

После боя люди, как говорится, валились с ног от усталости, но командир не забыл поблагодарить их:

— Ничего, молодцы, испытание выдержали, сорвав атаку боевиков. Важно, что никто из вас не пострадал. Что же может быть вам наградой в боевых условиях?

Он посмотрел на подчинённых с торжеством, на губах дрогнула мягкая улыбка:

— Думаю, никто не откажется от домашних пельменей и вкусного торта, что приготовлены для вас.

— А нашему верному другу — пёсику Диду тоже нужен подарок, — раздались голоса бойцов.

— Заслужил ли?

— Ещё как!

Командир засмеялся.

— Да, хорошо, что вы напомнили о нём. Ведь пёс поработал будь здоров. — Так ли, Дид?

В ответ собака, как бы понимая, утвердительно гавкнула.

Скажу откровенно, даже любовь к животному показалась мне трогательной. Неслучайно говорят: у собаки заступник — хозяин, а у божьей птички — Всевышний.

Главное, ставя ту или иную задачу, как я ранее упоминал, Новиков прежде всего заботился о людях. Эта забота проявлялась и в том плане, скажем, наступают решающие минуты боя — и подразделение нуждается в огневой поддержке, и здесь она оказывалась немедленно. Тут немаловажную роль играла личность самого командира, добрые отношения Александра Владимировича с командирами артиллерийских, ракетных дивизионов российских войск, которые дислоцировались в Калай-Хумбе. Одно дело просить её на официальном уровне, понятно, что возникнет проволочка, совсем другое, когда есть взаимопонимание между офицерами братских армий. Ведь в любом сражении огромное значение играет фактор времени.

“Здесь, на границе, мой долг, как командира — беречь всех, кто рядом со мной. Мне важно, чтобы каждый вернулся домой живым и здоровым, несмотря ни на какие обстоятельства, — говорил мне Новиков. — Сами видите, ждать тут помощи неоткуда. За рекой Пяндж — кроме выжженной солнцем земли, верблюжьей колючки да афганских глинобитных хижин — ничего нет. Вот почему я всегда стараюсь найти общий язык со своими боевыми коллегами”.

Видимо, доброта, отзывчивость и другие характерные черты передались ему от отца — кадрового офицера, проходившего в своё время службу в Аягузском и других гарнизонах бывшего Среднеазиатского военного округа.

Кстати, тогда же солдаты с теплотой отзывались и о других командирах, которые вдали от дома по существу заменяли им родителей.

С кем ни беседовал из солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, все с уважением говорили о должностных лицах как о боевых товарищах и заботливых наставниках.

Высокого мнения были солдаты и об офицере вышестоящего штаба подполковнике Викторе Обухове. Кстати, он принимал непосредственное участие в подготовке личного состава для успешного выполнения им задач здесь, на таджикско-афганской границе. Обухов — грамотный, опытный, хорошо подготовленный в военном отношении офицер. Он конкретно, по-деловому помогал командирам, их заместителям в обучении и воспитании подчинённых. На мой взгляд, этому способствовало глубокое знание людей. Об их проблемах Обухов знал не понаслышке, так как прошёл в своё время суровую школу на земле Афганистана.

Особо хотелось остановиться и на личности комбата. Подполковник Алексей Володин — душа коллектива. Именно такие люди, как Володин, создают имидж наших Вооружённых Сил, в целом престиж всего государства. Ведь Алексей Андреевич в Горном Бадахшане прослужил восемь лет, а на таджикско-афганской границе командиром казахстанского батальона был не первый раз. За годы службы тут сделано им многое и пережить пришлось немало. Стержнем его личности являются чувство высочайшей ответственности перед людьми, умение объединить их вокруг себя, повести за собой. Об этом свидетельствовал тот факт, что с ним на таджикско-афганскую границу для выполнения своего воинского долга прибывали офицеры, прапорщики по второму и третьему разу. Значит, верили в порядочность, надёжность командира.

Беседуя с ним, убедился, что он — человек большой скромности, не выпячивал своё “Я”. На просьбу рассказать о себе, о своей службе Алексей Андреевич ответил: “Лучше будет, если вы напишете не обо мне, а о моих подчинённых”.

Под статью комбату были и его сослуживцы — начальник штаба батальона майор Сергей Чубов, командиры рот майор Амангельды Баймуканов, капитан Александр Новиков, лейтенант Куаныш Кадырханов, заместители командиров рот капитан Бадаубек Иманбаев, старший лейтенант Нуржан Байбосынов, командир взвода лейтенант Кайрат Колебаев, заместитель командира взвода прапорщик Кумарбек Кульбаев, санинструктор роты старшина сверхсрочной службы Куаныш Абулгазиев и другие.

Что и говорить, через таджикско-афганскую границу прошли многие воины-казахстанцы.

Кто же они, военнослужащие “горячей точки”? В данном случае нельзя говорить о каком-то “среднестатистическом” образе. Все они со своими биографиями, судьбами и характерами являлись представителями разных видов и родов войск — сухопутных, пограничных, внутренних. Но какие бы войска они ни представляли, всех объединяла одна Родина, одна цель: надёжная защита южных рубежей СНГ. И ещё. Они на себе испытали чувство долга, братства, взаимовыручки. Братские узы их — святы. Поняли на деле и то, что минутная слабость характера может обернуться неотвратимой бедой.

4

Впрочем, в тот весенний день, 7 апреля, вокруг было тихо, как никогда. Головной бронетранспортёр полз, “задыхаясь” от серпантина горных дорог, а за ним колонна автомашин. Солдаты сидели сосредоточенные, никто не разговаривал. Чувствовалось напряжение, как тугая тетива в луке. Когда колонна, преодолев десятки километров, въехала в Пшихаврское ущелье и остановилась для обустройства нового боевого поста, был уже полдень.

Командир батальона майор Юрий Лобачёв вместе с командиром роты капитаном Ерланом Алданазаровым, заместителем командира роты по боевой подготовке старшим лейтенантом Нуржаном Байбосыновым, а также с офицером-воспитателем старшим лейтенантом Сериком Омаровым решили осмотреть местность и выбрать подходящую позицию для наблюдения взводу, возглавляемому лейтенантом Кайратом Сатпаевым. По плану этот взвод должен был остаться здесь, а колонна следовать дальше по маршруту.

Вдруг внезапный бешеный огонь врага разбудил тишину. Всё произошло неожиданно, в одно мгновение. Выстрел из гранатомёта оказался такой силы, что словно молнией сразил водителя БТР. Головной бронетранспортёр стал гореть. А за ним была подбита командно-штабная машина (КШМ) с мощной радиостанцией. Автомашины не успели уйти из зоны обстрела, “поймав” на себе гранаты и пули.

Колонна попала в засаду, влезла в пасть “дьяволу”, а личный состав оказался в мешке. Враг прижал бойцов словно в “игольное ушко”. Кругом свистели пули. Огонь боевиков, которые стреляли с вершины горы, сидя за валунами, был настолько плотным, что нельзя описать. Это уже впоследствии

подсчитают что к чему. Например, только плотность огня противника в данном бою достигала восьмидесяти пуль на один квадратный метр. А на дверцах кабин было насчитано до ста пулевых отверстий. Уму непостижимо, какой удар пришлось выдержать нашим военнослужащим!

Одна за другой разрывались гранаты. Земля вздрагивала от грохота снарядов. Целый фейерверк огня опоясывал как казахстанцев, так и россиян. Словом, ущелье тонуло в грохоте и в неугасающем огне. Стало нестерпимо жарко. Перед глазами бойцов поплыли жёлтые круги. Старшему лейтенанту Байбосынову казалось, что голова его разламывается, словно по ней ударили тяжёлой кувалдой. Боль давила на уши и глаза. Однако, переборов себя, услышав остервенелый лай пулемётов, он не растерялся, произвёл ответные выстрелы из гранатомёта. “У страха глаза велики. Нет, не выйдет, если суждено погибнуть, то погибнем”, — твёрдо решил Байбосынов.

Тут же бойцы услышали уверенный голос командира роты капитана Ерлана Алданазарова: “Парни, будем держаться! Только нужна выдержка. Нам нельзя сдаваться, поверить в то, что враг превосходит нас в силе. Сам не испугаешься врага — враг испугается тебя. Мы тоже не лыком шиты”.

Командир хоть принципиальный, требовательный, но любимец солдат. Не зря его прозвали “батяней”. Офицер быстро завоевал у них авторитет.

Но одно дело быть с солдатами в повседневной жизни. А как на войне? Ведь в бою командиру приходится принимать мгновенные решения, адекватные сложившейся обстановке, в считанные секунды.

Да, Ерлан никогда не думал, что жизнь преподнесёт такую головоломку, что не дано было предугадать. Алданазаров сам, как и его подчинённые, оказался на волоске от смерти. Не о такой судьбе он мечтал до армии, живя в родном селе Наги Ильясова, что в Кызылординской области. Там детей учили мирной науке — любить землю и украшать её своим трудом. Родные, зная его характер, склонность к точным наукам, думали, что он после окончания средней школы пойдёт по стопам отца, выбрав профессию педагога. Тем более особенно в сельской местности учитель — профессия уважаемая, мерило всего, по признанию самих родителей, это прививка от негативного. Были уверены, что со временем, как и его батя, станет директором школы. Ан нет, Ерлан избрал другую стезю, поступив в Саратовское высшее военное командное училище внутренних войск МВД СССР имени Ф. Дзержинского. После окончания этого учебного заведения многое изменилось в жизни Ерлана. Когда это произошло? Наверное, в первые дни лейтенантской службы, имея дело с личным составом. Проходя службу на различных должностях, капитан Алданазаров приобрёл опыт, проявил себя решительным и принципиальным офицером, хорошим организатором обучения и воспитания людей. Эти качества особенно проявились в боевой обстановке, на таджикско-афганской границе, когда ему было доверено возглавить роту в Казбате. Но этот бой Нурлану суждено будет запомнить на всю жизнь, запечатлеть в памяти гибель подчинённых. У поэтессы Юлии Друниной есть такие справедливые строки: “Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне”. Это правда. Пусть это не война, но каждое мгновение того боестолкновения по сей день живёт в нём, как будто случилось вчера. И отчасти на некоторые события нынешней жизни он смотрит через эту призму.

В тот день было ясно: наступил тяжкий, страшный час для горстки казахстанских солдат выдержать бой. Да какой бой! Враг превосходил в

силе, прежде всего в технике. Командирская доля такова, что именно он несёт ответственность за жизнь подчинённых, несмотря ни на какие обстоятельства.

Алданазаров понял, что ждать некогда, каждая минута дорога. Надо действовать. Помощь придёт вовремя или запоздает — неизвестно.

Ротный, отдавая распоряжения, сам вёл огонь по противнику.

Трещала рация:

— Пятый! Пятый! Я — “Звезда”! Мы ведём бой, находясь в окружении. “Шакалы” атакуют беспрерывно. Поддержите огнём. Как слышите?

Рядом разорвалась граната, и связь исчезла.

— Ну связь, ё-моё! Дохлятина, — возмутился кто-то из ребят. — Будешь помирать, — никто тебя не услышит.

Вновь заработала рация. В ней раздался характерный треск, прежде чем донёсся знакомый голос:

— Держитесь как можете!

В это мгновение вновь раздался взрыв. Голос тут же смолк.

— К чёрту! Дело труба, — крикнул связист, придя в неистовую ярость. И всё же продолжил “колдовать” над рацией, пока не услышал среди треска и шумов тот же голос:

— Есть ли потери? Сколько? Как с боеприпасами? Достаточно ли? Крепитесь! Помощь на подходе.

Бой разгорался с новой силой. Истекая кровью, не выпуская из рук оружия, воины удерживали натиск моджахедов. Решительность и смекалку проявили многие бойцы. Например, старшина Калкаман Бакбаев, сержант Радик Каймулдиев, младший сержант Алихан Огизбаев, рядовые Канат Едырышов, Ербол Исабаев. Не случайно все они впоследствии были удостоены ордена “Айбын” 2-й степени.

Особенно отличился прапорщик Болат Ахметов. Казалось бы, внешне неброский, скромняга парень, а в бою проявил настоящий характер. Бесстрашный воин так закрутил карусель, что боевики ахнуть не успели, как на них посыпались пули. Пулемёт Болата строчил беспрерывно, как швейная машинка. Это позволило командиру принять решение: отойти личному составу от плотного огня боевиков и занять позицию для нанесения удара по ним.

Атакуя колонну большими силами, бандиты надеялись и на ставшую их союзником нелётную погоду, приковавшую к земле авиацию россиян. Но они просчитались, не приняв в расчёт самого главного — отвагу и храбрость военнослужащих.

Никто не покинул поле сражения, хотя враг наседал. Среди бойцов были тяжелораненые, погибшие. Байбосынов вместе с командиром взвода лейтенантом Канатом Сатпаевым вытаскивали раненых в безопасное место, добрым словом старались поддержать их. Офицеры сознавали, что потери в бою неизбежны, но вместе с тем никак не могли мириться с потерей подчинённых.

Слышались стоны раненых. Кто-то иступлённо молил: “Мамочка, мамочка, я не хочу умирать, помоги, поддержи! Ты — у меня единственная, самая сильная, самый лучший в мире человек”.

— Радик, потерпи, вот-вот придёт помощь, — успокаивал его сослуживец. — Слышишь, стучит пулемёт. Это идёт подмога.

— Нет-нет, я хочу видеть маму, видеть её лицо, глаза, слышать её голос. Пусть она меня успокоит...

Да, в такие роковые минуты, между жизнью и смертью, люди невольно обращаются к самому дорогому и любимому человеку — маме. “Мы любим сестру, и жену, и отца. Но в муках мы мать вспоминаем”, — так сказал один из современников.

Боевое столкновение с моджахедами продолжалось. Вновь и вновь появлялись их фигурки. Отстреливаясь, они, как по команде, вскакивали и меняли позицию, от одной скалы к другой. Оттуда, словно из пасти дракона, вылетало пламя.

Горели автомашины. Опасность представляло то, что огонь мог перекинуться на грузовики с боеприпасами. Положение становилось критическим, исход боя решался в зависимости от того, выдержат ли оставшиеся солдаты натиск врага.

И вот загорелась одна машина с боеприпасами. Один из солдат, истекая кровью, попытался отвести грузовик от других автомашин со снарядами, но силы оставили его и он потерял сознание. Тогда на выручку казахстанскому солдату пришёл российский пограничник. Он быстро оценил ситуацию, понял, что пожар невозможно потушить, и запрыгнул в кабину грузовика. В лицо ударило гарью и жаром. До крови закусив губу, стал выводить машину из ущелья. Огонь пылал вовсю, едкий дым разъедал глаза бойца, вот уже языки пламени начали жечь руки и тело. Солдат из последних сил держал руль, но к тому же машина плохо слушалась, двигалась, словно жалуюсь на чрезмерную нагрузку. Пули цокали о кабину. Как на зло, на пути грузовика оказался подбитый “духами” бронетранспортёр. В нескольких местах его ещё струился дым. “Тьфу, надо же! Как же его обойти?” — встревожился боец. С одной стороны — крутой обрыв, а с другой — высокая скала. По лицу градом катился пот. Голова сделалась тяжёлой, во рту пересохло. Вот-вот грузовик может взорваться. Кто-то из раненых крикнул: “Брат, бросай машину, прыгай!”. Пограничник задышался от дыма — ему не хватало воздуха. Всё же он сумел отогнать грузовик подальше от колонны, тем самым спас жизни многих сослуживцев.

Бойцы продолжали отчаянно драться. Действительно, это были люди, решившие погибнуть, но не сдать и не отступить. Проявили силу воли, мужество и другие российские воины, осуществлявшие техническое обеспечение колонны. Так, зенитный расчёт, состоявший из двух военнослужащих, прицельно обстреливал высотку врага. Зенитчики, вызывая огонь на себя, не давали покоя бандитам. Те направили шквал огня, чтобы уничтожить расчёт. Хотя зенитчики героически погибли, но установка продолжала действовать. Место погибших заняли другие.

Да, у каждого подвига есть свой герой. “Герой — это человек, который в критическую минуту делает то, что необходимо обществу”. Эти слова принадлежат чешскому писателю Юлиусу Фучику. В этом сражении каждый был героем. Кровопролитный бой не щадил никого — никто не был застрахован от гибели. Все держались до конца. “На миру и смерть красна”, — гласит народная пословица. Солдаты чувствовали локоть сослуживцев, особенно своего командира взвода лейтенанта Кайрата Сатпаева, который в напряжённые минуты боя оставался собранным, решительным и энергичным. У каждого человека есть главная, стержневая черта характера. У Сатпаева такой чертой была постоянная забота о подчинённых, воспитании у них уверенности, оптимизма, настойчивости в достижении цели. В разные ситуации за свою службу попадал Кайрат, но сама жизнь,

суровая обстановка на таджикско-афганской границе научили его многому. “Из любого, даже самого, казалось бы, безвыходного положения есть выход. Главное — не растеряться, без суеты и паники принять верное решение. Это очень важно — для любого командира, для тех, кто рядом с ним”, — такой один из уроков вынес Сатпаев из того сражения.

Этот бой для лейтенанта Сатпаева закончится тяжёлым ранением и станет, по сути, последний в его скромной офицерской биографии. Потом будут месяцы скитаний по госпиталям. Надо отдать ему должное — несмотря на всё пережитое, этот удивительный человек остался в душе тем молодым безусым лейтенантом, которому всё по плечу.

А тогда, в том сражении, помогли Кайрату выдержать испытание хладнокровие и смелость. Такими же бойцовскими качествами обладали его подчинённые. Рядовой Ержан Тлешов, несмотря на ранения в руку и плечо, даже потеряв много крови, не выпускал из рук автомат. А пулемётчик рядовой Анатолий Мешков вёл огонь по моджахедам, находясь в горящей автомашине. Когда одна из снайперских пуль угодила в Анатолия, то рядовой Марат Бектемисов под шквальным огнём “духов” попытался подползти к нему, но не успел. Его самого сразила вражеская пуля.

Даже раненые, превозмогая боль, помогали товарищам, набивая патроны в магазины.

Сержант Радик Каймолдиев, рядовые Михаил Мартыненко и Валерий Самохвалов в бою держались вместе, выдерживая натиск моджахедов. Оставшись в живых, Валерий вспоминал, что, видимо, ему суждено было остаться жить за себя и за погибших парней. Чудом избежал смерти. Но это боестолкновение — свист вражеских пуль, гибель товарищей, ранения — до сих пор перед глазами Валерия.

По его мнению, крепкое плечо боевых друзей, сильный дух, воля к победе были опорой в самую трудную минуту. Ребята поддерживали друг друга. Когда ранило Самохвалова, то сразу же рядом оказался сержант Каймолдиев. Радик быстро перетянул рану жгутом, чтобы остановить кровотечение. Отстреливаясь, он огнём из пулемёта прикрывал раненых. Бесстрашие в бою проявил и Мартыненко.

Через некоторое время Самохвалов услышал знакомый голос: “Валера, меня зацепили, гады, я ранен”. Это был Мартыненко.

Валерий, приподняв голову Михаила, увидел на лице сочившуюся кровь. Осторожно перевязав рану товарищу, он тихо подбодрил:

— Держись, брат! Не унывай. Рана, мне кажется, неглубокая, до свадьбы заживёт.

Но на самом деле всё было гораздо хуже — ранение оказалось смертельным. Вскоре Мартыненко впал в забытье, лишь изредка в лихорадочном бреду что-то бессвязно бормотал. Очнувшись, потрогал забинтованное лицо. Михаил посмотрел на сослуживца с благодарностью, подобие улыбки появилось на запёкшихся от крови губах. Глаза солдата, полные слёз, лучше всяких слов объясняли то, что происходило в его душе.

— Слышь, Валера, — с трудом ворочая языком, с паузами стал шептать Мартыненко, — оставь меня здесь, не мучай. Лучше бей этих гадов, отомсти за нас, только береги себя.

Спазмы душили его. Задыхаясь, закусив до боли губы, Миша сумел произнести:

— Братишка, если со мной что случится, то как же моя мама, её сердце не выдержит... Когда провожали меня в армию, она долго плакала на

перроне, будто чувствуя, что больше никогда меня не увидит... Прощаясь, прижимала меня к сердцу, как младенца.

Последними словами Миши были: “Прости меня, любимая мамуля, что судьба меня кинула так далеко...”.

Лицо Михаила стало бескровным, белым, словно только что выпавший снег. А Самохвалову никак не хотелось верить, что друг не выживет, он всё ещё надеялся на чудо... Но чудес не бывает...

Валерий испытывал острую боль не от полученного ранения, а от потери друга-земляка. Буквально вчера Миша показывал ему присланную фотографию любимой девушки с голубыми глазами и пушистыми волосами цвета спелой пшеницы, счастливо улыбался и говорил: “Вот отслужу, вернусь домой — и сразу же сыграем свадьбу”... А вместо свадьбы — тризна. Не зря в старину говорили: как на роду написано, так и от судьбы не уйдёшь.

Валерий хорошо знал Мишу, родом они из небольшого городка Чарска бывшей Семипалатинской области. До армии вместе учились в одном училище, приобрели специальность. Отец Валерия Иван Сергеевич, мастер данного училища, отзывался о Мартыненко как о честном, добросовестном парне, будущем профессионале своего дела.

Младшему Самохвалову выпало вместе призываться с Михаилом, служить в одной воинской части. Мартыненко не было равных в проводимых различного рода соревнованиях, в том числе по армрестлингу. Михаил всегда становился победителем. Высокий, плечистый, богатырского телосложения, он и обувь носил самого большого размера. И этот могучий по натуре здоровяк был очень скромным, застенчивым, добрым и отзывчивым ко всем, кто его окружал.

С теплотой вспоминала впоследствии о Мише и других его сослуживцах заведующая библиотекой воинской части Лариса Водяная. И неслучайно. Лариса Михайловна была для них как мама. Солдат, которые приходят в читальный зал библиотеки, она всегда встречает приветливой улыбкой. За чашкой чая ведёт с ними непринуждённую беседу не только о литературе, писателях, героях, но и о жизни самих читателей. “Каждый, кто приходит в библиотеку, делится самым сокровенным, — рассказывала мне Лариса Михайловна, — советуется, как поступить в той или иной ситуации. Я очень хорошо знала всех тех ребят, которые погибли на таджикской земле”. И каждому из них она давала подробную характеристику, вспоминала подробности их службы, вплоть до взаимоотношений с друзьями, в том числе с любимыми девушками.

И надо отдать должное тому, что Лариса Водяная вместе с корреспондентом газеты “Калкан” Альфией Ахмеджановой в память о погибших парнях скрупулёзно собирает материалы для музея. Эти славные женщины поддерживают связь со многими родителями павших воинов. Большую помощь им оказывает мать старшины Калкамана Бакбаева. Уркия-апа — мать пятерых детей, жизнерадостная, общительная, и эти черты характера помогают ей в трудные минуты. Она — частый гость в воинской части, где в своё время проходил службу её сын. Уркия Бакбаева в составе казахстанской делегации принимала участие в открытии монумента воинам-казахстанцам в городе Душанбе.

В скромном доме Бакбаевых, что в посёлке Киров недалеко от Шымкента, бережно хранятся вещи Калкамана. Дом открыт для всех. Уркия Бакбаева гостеприимно приглашает всех, кто бывает здесь. Она обязательно

Казахстанская делегация на открытии монумента в честь погибших воинов Казбата, г. Душанбе.

покажет фотографии, поделки, сработанные руками сына. “У Калкамана руки были золотые, — говорит мать, — он умел мастерить, так как по профессии был резчиком. Трудолюбие, инициативу сына никогда мы не стесняли, всегда поддерживали. Помимо всего он занимался спортом. Проявил характер, настойчивость во время прохождения срочной службы в одной из воинских частей в городе Архангельске, за что был удостоен разного рода поощрений. Он сам с гордостью рассказывал о своей службе, о друзьях. До сих пор помню, как он отнекивался, когда я ему хотела выслать тёплые носки. “Ничего, мама, выдержу, несмотря на то, что здесь, на севере, ещё бушуют метели, когда на юге Казахстана уже цветут черешни”.

Подвиг солдат, ставший символом воинской доблести, живёт в памяти всех родителей, потерявших своих сыновей на афгано-таджикской границе.

... В том бою смертельное ранение получил Канат Едырышов. Несмотря на то, что его мучили тяжёлые боли, словно калёным железом жгли руки и ноги, в уголках губ таилось отчаяние, он едва слышным голосом спрашивал:

— Как наши? Пришла ли помощь? Как чувствуют себя другие раненые?

Канат думал не о себе, а о своих товарищах. Когда же они успокаивали Едырышова, мол, не тревожься, мы добьём врага, мокрого места не оставим, у Каната глаза светились радостью. Он был очень внимательный и заботливый по отношению к своим сослуживцам, трогательно беспокоился о родных.

Об этом свидетельствуют тёплые строки из писем, приходивших от Каната родителям и младшему брату Марату, проживавшим в совхозе “Михайловский” Павлодарской области. Вот некоторые из них: “... Как у вас дела, как здоровье?.. Папе, наверное, тяжело управляться по хозяйству — пусть Маратик помогает папке. У вас дрова есть или нет?..”;

“Я так соскучился по вас... Марат, я тебе купил пуловер, а ведь тебе ещё сапоги зимние нужны, да и пуховик нужен. Я тебе всё куплю... Получу деньги и всем вам куплю подарки...”.

Таким же добрым нравом обладал и Ербол Бекебаев из села Ынтылы Щучинского района Акмолинской области. В многодетной семье Тасболата и Жанат Бекебаевых он был седьмым и очень обаятельным, отзывчивым, трудолюбивым, чрезвычайно одарённым. Все восхищались, как он красиво поёт, виртуозно играет на домбре. Теперь вот в память о нём осталась его домбра. Ветеран Вооружённых Сил, подполковник в отставке Владимир Петров и сестра солдата Аязоз посвятили Ерболу свои проникновенные стихи. А в музее Кындыккарагайской средней школы есть экспозиция, где увековечена память отважного бойца.

Конечно же, большая заслуга в воспитании такого мужественного парня, настоящего воина уважаемых родителей — отца Тасболата, сорок лет проработавшего механизатором, и матери Жанат, ветерана труда.

Командир взвода лейтенант Абиболла Жайлыбаев, вспоминая Ержана Абдиева, поражался его стойкости и выдержке, солдат до последнего дыхания сопротивлялся смерти, надеялся выжить...

Несколько часов продолжался тот кровопролитный бой. Огонь по моджахедам вели отважные казахстанцы. А когда на помощь им подошли пограничники-россияне, боевики с большими потерями отступили.

5

Неумолимо бежит время. Теперь всё, что происходило на древней таджикской земле, — как говорится, дела давно минувших дней. Кто не был в данной “горячей точке”, не испытал судьбу войной, тому трудно поверить, что же на самом деле произошло. Только память неподвластна времени. Её хранят вчерашние воины Казбата, прошедшие через горнило боёв, сослуживцы погибших солдат.

С Нуржаном мне удалось встретиться вновь спустя 12 лет после того сражения на таджикско-афганской границе, теперь уже в Астане, в спокойной обстановке. Ныне подполковник Байбосынов служит в управлении внутренних войск МВД РК.

Показывая фотографии своих бойцов, Байбосынов признался, что нередко уносится мыслями в ту далёкую горную страну, где пролилась кровь подчинённых. И все они, хотя и погибли, остались для него самыми близкими и родными.

“Да, такое жестокое и кровопролитное боестолкновение разве забудешь? Хотя много лет прошло, но я мысленно вспоминаю подробности того сражения. Точно подметил поэт в своих стихотворных строках: “В грубый быт переплавился ужас. Стёрлось детство с веснушчатых лиц...”.

А подчинённых, которые храбро сражались с боевиками, я считаю настоящими героями.

Хотя враг был хитёр и коварен, но наш солдат превосходил его в мужестве и отваге. Дух казахстанцев в таком аду был сильнее пуль, огня моджахедов, — убеждён Нуржан. — И всем им были свойственны одни и те же черты — патриотизм, высокий долг, отвага, честь. Конечно же, память о погибших бессмертна. На ум невольно приходят чеканные и проникнутые высоким пафосом слова Горького: “Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером...”.

Память о них не только в сердцах матерей и отцов. Не забывают их односельчане, одноклассники, да и все те, кто знал этих бесстрашных

солдат. В память о павших друзья называют их именами своих сыновей. Героям в средних школах, где они учились, посвящены музейные экспозиции, в сёлах в их честь названы улицы.

Вот имена семнадцати погибших парней, проявивших мужество и героизм в яростной схватке с моджахедами: рядовые Ержан Абдиев, Ержан Байбагысов, Еркин Байбагылов, старшина Калкаман Бакбаев, рядовые Ербол Бекебаев, Бауыржан Далабаев, Жаксылык Жансугиров, Имоматдин Жуматов, Канат Едырышов, Ербол Исабаев, сержант Радик Каймолдиев, рядовые Михаил Мартыненко, Еркебулан Макажанов, Анатолий Мешков, Дастан Нурметов, младший сержант Алихан Огизбаев, рядовой Тахир Рахимжанов.

И хотя все они посмертно награждены орденами и медалями, но я считаю, что эти пары достойны более высоких государственных наград, в частности, ордена “Отан”, ведь они отдали свои жизни, защищая интересы Отчизны.

А я, наверное, родился “ в рубашке”, поскольку остался жив. Может, это судьба, молитвы моей бабушки, мамы, которые всегда меня благословляли, обращаясь к Аллаху, чтобы со мной ничего не случилось. И вправду гласит пословица: “Материнская молитва со дна моря поднимает”. Кстати, бабушка и мама многому научили меня, в любой ситуации быть уверенным в себе, устоять против “ураганного ветра жизни”. За что им буду благодарен всю жизнь”.

А на мои прямо поставленные вопросы: “Как могло такое случиться, что потеряли молодых парней? Нельзя ли было перед выходом колонны послать дозор? Возможно, тогда избежали бы внезапного нападения со стороны моджахедов?” — Байбосынов ответил так же прямо и откровенно:

“Анализируя ту или иную ситуацию, понял, что кроме совершения героического поступка в боевых условиях, люди допускают безалаберность, нерасторопность, теряют бдительность. Самое страшное, что должностными лицами, кому положено принимать решительные меры и всё предусмотреть, необходимые меры своевременно не принимаются, а это в конечном итоге приводит к таким трагическим последствиям. И кто-то потом расплачивается своей кровью и жизнью. На мой взгляд, и я в этом уверен, можно было сохранить жизни ребят, если бы те, кому положено, безотлагательно приняли во внимание оперативные данные вышестоящего штаба о том, что в районе, где расположены казахстанские посты, боевиками готовится нападение. Почему об этом мы, командиры подразделений, узнали после того, когда наша колонна попала в ловушку, в результате чего произошло непоправимое? А кто виноват? Вопрос несправедливый”.

Как бы то ни было, но случившегося в апреле 1995 года на таджикско-афганской границе уже не поправишь. И жизни павших в бою семнадцати казахстанских воинов не вернёшь. Но нельзя предавать забвению подвиг героев. И память наших ребят должна быть достойно увековечена страной, а не только сохраняться в сердцах их родных.

г. Астана.

К 80-летию со дня рождения Калтай МУХАМЕДЖАНОВА

Александр МАТВЕЕВ

Да СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ

Вечером 14 октября 1973 года мне на квартиру в Целинограде позвонили из Госкино Казахской ССР и сообщили, чтобы утром был в Алма-Ате. Заседание коллегии начиналось в 10 часов, а я приглашён по кадровому вопросу. В аэропорту меня будет встречать машина и работник этого ведомства, которого я знаю в лицо.

Ещё толком не оправившийся после операции, подумал: к чему такая спешка?.. Вопрос о моём перемещении внутри системы давно уже витал в воздухе, но не по моей инициативе. Меня, в общем-то, устраивали должность старшего инженера Целиноградского областного управления кинофикации, с огромными и невероятными трудностями появившийся “собственный угол” (квартира-“полупорка” на пятерых). Рядом с домом школа, в которой учился старший сын, и под окнами детский сад, куда ходил младший. Работающая жена и мать-домохозяйка. Моя заочная учёба в Нархозе и стабильный в 130 р. (не шибко густо) оклад.

Набрал номер домашнего телефона своего шефа — начальника областного управления кинофикации Джаксыбекова Рыскельды Дауренбековича и говорю: так, мол, и так — как быть? Он — вылетай.

Видимо, с ним какой-то предварительный разговор обо мне до этого был. Самолёт прилетел без особой задержки, но заседание коллегии уже началось.

В приёмной меня передали под опеку помощника председателя Госкино.

Подошёл мой черёд. Войдя в кабинет председателя — Камала Сейтжановича Смаилова, был ошарашен таким представительством известных и незнакомых мне лиц. Дело в том, что я точно не знал, кем выйду с заседания коллегии. Предполагалось два варианта: повышение в Целинограде или с переводом в Алма-Ату на более высокую должность.

Когда председательствующий спросил членов коллегии: какие будут вопросы к Матвееву, то один из присутствующих, с распахнутым воротником рубашки, сказал: “Пусть расскажет свою биографию...”. Это был Калтай Мухамеджанов. По его заинтересованному отношению к моему повествованию понял, что моё крестьянско-пролетарское происхождение не вызывает у него никакого сомнения: от самого окончания сельской семилетки, работы слесарем на барнаульском заводе “Трансмаш”, куда я был мобилизован после ремесленного училища. Затем служба на флоте, а при распределении после окончания Алма-Атинского кинотехникума я изъявил желание поехать на целину. После небольшого комментария по поводу моей “боевой” биографии, по его же предложению моя кандидатура была единогласно утверждена. Так я стал начальником управления кинофикации и кинопроката Госкино Казахской ССР.

Это потом, некоторое время спустя, я узнал, что глубокоуважаемый мною Калтай Мухамеджанов, известный драматург и писатель, в детстве перенёс тяжелейшие удары судьбы. Он знал истинную цену куску хлеба и

лично заработанной копейке. Может быть, от некоторой схожести биографий, да и от соседства кабинетов, но постепенно крепло наше взаимное стремление к человеческому общению.

Вскоре я начал понимать, что при царившей тогда в аппарате комитета атмосфере, нужен был кто-то такой, чтобы его можно было бы пинать, создавая видимость принципиальности, а за всё за это, в случае чего, тебе ничего не будет и сверху в его защиту не последует начальственного окрика. Вот на эту роль, как нельзя кстати, подошёл периферийный, без чьего-либо прикрытия, Матвеев. И надо было видеть, как всякая блатная сволота (время и жизнь подтвердили это) “упражнялась” на мне как могла. Безусловно, работая рядом, Калеке видел всё это, но как интеллигентный человек и член коллегии, не мог сочувствовать мне в открытую. Однако его доброжелательное отношение к себе я чувствовал постоянно. Этого нельзя было не заметить. По-настоящему нас сблизило следующее тривиальное обстоятельство. Однажды первый заместитель председателя Госкино попросил меня дать ему для доклада на открытом партийном собрании побольше критических фактов по возглавляемому мной участку. Начавший с моториста кинопередвижки в этой отрасли, говоря по Марксу, досконально знавший предмет своего труда и как человек партийно-дисциплинированный, да и сам бывший секретарь на предшествующей работе, я, что называется, от души постарался для моего кумира. Но поскольку моё управление курировал второй зам, а между ними, это знали все киношники, существовали моцартовско-сальериевские отношения, то невольно оказал медвежью услугу ему, да и себе. Весь доклад был построен только на недостатках в работе управления кинофикации и кинопроката, по моим же фактам, но усиленным злопыхательским смакованием их и дешёвым сарказмом. И это буквально в самом начале моей работы!..

Как-то после этого гадкого случая Калеке спрашивает меня: “Саша, — он именно так произносил: вместо “а”, мягкое — “я”, как дела?”. — “Хреново, — отвечаю, я ведь сдуру высек сам себя, как та унтер-офицерская вдова”. Век не забуду его афористичной фразы, которую он присоветовал использовать для таких случаев и прочих проверяющих и любопытных: “А ты всем говори, что дела идут на уровне поставленных задач!..”.

С тех пор я и взял эту формулу на вооружение. А при каждой нашей встрече, когда я уже работал в другой отрасли первым заместителем управляющего одного из республиканских монтажных трестов, после взаимных приветствий следовало: “Ну как?..”.

На что всегда бывал мой бойкий оптимистический ответ: “На уровне поставленных задач, дорогой Калеке!”. И эта фраза являлась как бы ключевой для нашей дальнейшей беседы.

С уходом Смаилова в Совмин в этом “дворе” вообще стали руководить по-бабски (принцип номенклатурной проруби). В 1979 году бригада работников союзного Госкино в составе трёх человек приехала обобщать опыт работы казахстанских кинофикаторов, готовился спецвыпуск профессионального журнала на казахстанском материале. Наверное, в этом были какие-то и мои скромные заслуги, а я, проводив эту бригаду, накануне своего сорокалетия был вынужден уйти “по собственному желанию”.

Случилось это после того, когда какая-то посредственность, непонятно за какие грехи, изрекла: “Я о Вас подумаю...”. На ком-то надо было

показать свой руководящий норов и как “метёт новая метла”. Сработал вышеприведённый тезис, а с кого ж ещё надо начинать? Сколько себя помню, всегда сам себе на кусок хлеба зарабатывал. И представлять кому-то такую роскошь, как думать обо мне... В общем, шесть лет прожив с Гускино, как, наверное, живут с нелюбимыми жёнами, пришлось начинать всё с чистого листа, круто поменяв свою профессиональную деятельность.

А наши встречи с Калеке стали эпизодическими, но не менее содержательными и для меня запоминающимися, как свежий глоток воздуха после всплытия субмарины, что мне лично приходилось испытывать в молодости.

В одну из таких встреч он привёз большой привет из поездки в Турцию от Фатимы Гирик — звезды турецкого кино. Просматривая развороты газет с её цветными фотографиями, я догадывался, что это её ответ на реакцию наших тогдашних газет, отреагировавших на её пребывание в Алма-Ате единственной малюсенькой фоткой в “Вечёрке”.

А история привета, адресованного мне, такова, что якобы Фатима, будучи в Ташкенте на кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки, вела себя там, скажем, не совсем адекватно. И отголоском этого фестиваля было то, что участники из восьми стран, в числе их находилась и Гирик, должны были ехать в Алма-Ату для проведения Дней кино. Ещё задолго до их приезда приятный парень из соответствующих инстанций, закреплённый за нами, проинформировав о сути проблемы, посоветовал мне постараться быть к ней несколько повнимательней. Что я и сделал. В ресторане бывшей гостиницы “Казахстан” (нынче “Жетысу”) мы с ней довольно активно и неплохо выплясывали “Сиртаки”, общаясь поначалу с двойным переводом: с русского языка на английский и затем уже на турецкий. Она не знала английского, а я “владею” только немецким в объёме семи групп образования и то с “баварским” акцентом. Но потом перешли на международный язык жестов и всё стало на свои места. Она оказалась очень хорошей партнёршей и совсем не капризной женщиной. Так что, выходит, братья-узбеки зря наклепали на, в общем-то, неплохую бабёнку. Да и где тут будешь хорошим, когда ей захотелось в стакан бросить льда, а мы по всему ресторану его найти не смогли? Но такое бывало.

И когда Калеке оказался в Турции в составе делегации, она приехала на роскошном авто и, обращаясь к руководству группы, заявила буквально следующее: “Отдайте мне на день этого казаха”. Так мне рассказывал сам Калеке. И в знак благодарности казахстанцам оказала ему такие почести, что он говорил об этом с нескрываемым удовольствием и восхищением. Побывал у неё на двух виллах, на одной из которых в бассейне плавали живые осётры.

Не открою большой тайны, что Калтай Мухамеджанович любил бочковое пиво. Но скорее всего, ему нравился мир пивного бара, его атмосфера, где можно было свободно пообщаться. А моя тропа с работы пролегла аккурат мимо “кабака”. Бывало, что наши желания совпадали...

Как-то в одно из таких совпадений он, видя, что всё ещё не зарубцевались мои обиды на уважаемых и не уважаемых мною товарищей по прошлой работе, поведал мне, что и его какой-то чиновник большого ранга попытался повоспитывать, на что Калеке отпарировал ему примерно так: “Мою должность писателя у меня никто не отнимет, но что ты будешь

делать, когда из-под тебя вышибут кресло?”. Однажды в восточной бане “Арасана”, лёжа на суфе, два часа проговорили “за жизнь”. Упрекал меня, что не захожу, не звоню. Я ему — мол, привык знать своё место и не путаться без надобности под ногами у людей, которых особенно уважаю и боготворю. Зачем лишний раз напоминать о себе занятому человеку о том, что ты есть. Когда ты кому-либо интересен, о тебе и так помнят. На работе всегда в закрутке. А домой звонить для меня почему-то нож в сердце, даже подчинённым без особой надобности не делаю этого, мало ли чем занят человек... “А ты не стесняйся, звони, заходи. В моём возрасте друзей не выбирают уже...”. Такие слова не забываются, даже если и были сказаны с некоторой излишней благожелательностью. Ведь мы не были друзьями в полном смысле этого понятия в силу социального, возрастного и другого общественного положения...

На 90-летию со дня рождения Ивана Петровича Шухова в драмтеатре имени Лермонтова мы с Владиславом Владимировым, бывшим помощником Кунаева, известным писателем-историком, идём ему навстречу, обнимаемся, приветствуя друг друга... И опять, как просверки молнии, фраза, таким привычным для меня голосом: “Саша, ты дружишь с хорошим человеком... Он, несмотря ни на какие гонения и издевательства над собой, не предал Димаша Ахмедовича. Писал и пишет о нём только правду”. Спасибо тебе, Калеке, за такую аттестацию моих со Славой отношений. Могу подтвердить, когда Слава, чтобы не слышать пакостей от коекого из завистливой и злорадствующей собратии, не поднимал трубку телефона... А меня предупреждал: “Ты позвони, а через две минуты — снова, я буду знать, что это ты”. Так и общались. Здесь поневоле задумаешься: а всегда ли мы в состоянии осмыслить истинную цену как дружбе, так и предательству?.. И у каждого ли хватит для этого ума, мужества, элементарной порядочности, наконец.

Бывали и ещё менее или более продолжительные встречи с Калтаем Мухамеджановым, но и было то пасмурное майское утро, когда мы со Славой Владимировым буквально плелись, а не шли к зданию Каздрамтеатра имени Ауэзова. По пути в издательство “Санат”, чтобы захватить сигнальный экземпляр его новой книги “Не надо грустить, господа офицеры” с подзаголовком “Из прошлого — близкого и далёкого”. От этих словосочетаний вдруг повеяло такими невероятно тяжёлыми ассоциациями, что для меня, потерявшего совсем недавно, почти в течение года, трёх самых дорогих и любимых людей, эта смерть стала ещё одной большой утратой.

Мы шли навсегда прощаться с замечательным человеком Калтаем Мухамеджановым и в последних словах, обращённых к нему, не будет ни одной фальшивой ноты. И многие поймут, что на этой земле на одного хорошего человека стало ещё меньше. Как жаль, что я не успел сказать ему за всё огромное спасибо...

г. Алматы.

Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Его Величество Случай

Армянские невестки Казахстана

(Продолжение. Начало в № 10 за 2008 год)

Свела судьба Ерлана и Назгуль

Прошло более четверти века с тех пор как я в течение шести лет жил и работал в Монголии, в научно-исследовательском институте растениеводства и земледелия в городе Дархане.

Однако воспоминания о той благословенной поре моей жизни совершенно свежи в памяти. Их не тронуло и не стёрло время. Наверное, уже и не сотрёт. “Написанное пером — не вырубишь топором”. Часть воспоминаний я включил в свою книгу “Монголия глазами “кочевника”. Но все впечатления невозможно изложить в одной книге. И дело вовсе не в объёме, а в тематике повествования, в идеологической направленности. Вот я и решил дополнить упущенное в книге рассказом Шоры, который, по-моему, органически дополняет тему моего очередного повествования.

С Шорой Байгожаевым мы познакомились в Монголии совершенно случайно. Ему уже было за сорок, мне — больше тридцати лет.

Он настоящий геолог-романтик. Альпинист. Прекрасный домбрист, гитарист, бард. Поёт удивительно красивым тенором, на мой взгляд, не хуже Лучано Паваротти, на которого похож даже внешне. Вначале поступал в Алма-атинскую консерваторию, но не прошёл по конкурсу. Вокал вроде бы не тот. Профессионалам видней, на то они и жрецы искусства.

Зато блестяще окончил горный институт. Книголюб, великолепный собеседник. Тонкий, наблюдательный психолог. Шахматист. Играет на баяне, аккордеоне, пианино. Любую мелодию подбирает на слух. На слух импровизирует, как настоящий джазмен. Одним словом, музыкант от бога!

Как геолог-изыскатель, он часто бывал в разных местах Монголии. Я тоже немало поколесил по этой стране, даже больше чем по Казахстану.

После каждой командировки мы обменивались впечатлениями.

Нас интересовала история древних тюрков. А Монголия — пуповина Центральной Азии, прародина тюрков.

Как научный работник, я располагал достаточным свободным временем на творчество. Любую командировку в Улан-Батор — столицу Монголии я при первой возможности использовал для посещения библиотеки Академии наук МНР.

Те редкие книги, которые в те годы у нас можно было получить лишь по специальному разрешению, там я читал и конспектировал совершенно свободно.

В читальном зале библиотеки я познакомился со многими творческими людьми, которые специально приезжали из Союза, собирали

научный материал для кандидатских, докторских диссертаций, монографий и даже художественных книг.

В тиши читального зала я постигал историю, культуру страны и народа, где мне довелось работать, историю земледелия Монголии. Перелопатил и законспектировал огромное количество первоисточников: труды путешественников, учёных-монголоведов, тюркологов, историков, археологов.

Именно там мне впервые попала книга Льва Николаевича Гумилёва «Древние тюрки». Книга начата 5 декабря 1935 года на Колыме, где автор был в ссылке, а издана в Москве в 1967 году. Конспектировал осенью 1983 года в Монголии.

Как отмечал Л. Н. Гумилёв, в то время как последовательность событий и смен общественных формаций в Европе и на Ближнем Востоке была изложена в общедоступных сводных работах уже в конце XIX века, Индии и Китая в начале XX столетия, а вот огромная территория евразийской степи ещё ждёт своего исследователя. Особенно периода до появления на исторической арене Чингисхана, когда здесь сложились и потом погибли два замечательных народа — хунны и древние тюрки.

Как евразиец, Л. Гумилёв был категорически не согласен с мнением некоторых западных историков, утверждавших: «Кочевники — трутни человечества».

Кожа, войлок, дерево, мех хуже сохраняются, чем камень. Никем не доказано, что каменная лачуга или глиняная мазанка есть высшая форма обитания по сравнению с войлочным шатром, тёплым, просторным и легко переносимым с места на место.

Для кочевников, тесно связанных с природой, жизнь в таком шатре была не прихотью, а необходимостью!

У древних тюрков сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, потом отцу. Изнасилование приравнивалось к тяжелейшим преступлениям: восстанию, измене, убийству.

Доктор исторических и географических наук, однако не был избран профессором. Учёный, автор огромного количества научных работ по истории, этнографии, географии, блестящий писатель, поэт, переводчик, Л. Н. Гумилёв внёс выдающийся вклад в изучение истории древних тюрков.

На фоне мировой истории прошлое древнетюркского народа и созданной им державы сводится к вопросу: почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив своё имя в наследство многим народам, которые отнюдь не являются его потомками?

Ещё со времён хана Хубилая, внука Чингисхана (XII век), в Монголии неизбежно соблюдается считавшийся божественным, закон, запрещающий кому бы то ни было, под страхом смертной казни трогать землю и извлекать из неё сокровища. Этот закон соблюдали и китайцы вопреки тому, что земледелие у них доведено до ювелирного искусства.

Размышляя об этом, мы с Шорой были едины во мнении. Сама природа Монголии предполагает такой подход. Песчаные почвы, ураганные ветры, особенно весной, унесут, если только тронешь землю, верхний плодородный слой, уничтожив растительность — и только поэтому здесь объективно развито круглогодичное пастбищное животноводство, чему способствует буйное летнее разнотравье, бесснежная зима.

Вследствие данного запрета монгольская степь до сих пор изобилует каменными стелами с выбитыми на них руническими письменами. В то

время как в других местах огромного евразийского пространства от Байкала до Карпат таких памятников нет. Они пропали, исчезли с лица земли. Были уничтожены нетерпимой ко всему чужому новой религией — христианством, а затем мусульманством, которые стремительно проникли в эти края после новой эры.

Новое мировоззрение со своими неистовыми священниками-проповедниками сокрушило всё, что предшествовало ему. А покончив с молчаливыми идолами, его приверженцы принялись воевать и уничтожать друг друга...

Во время моих многочисленных поездок по стране монгольские друзья показали мне один из самых значительных сохранившихся памятников выдающемуся полководцу древнетюркского каганата Кюль-Тегину, прах которого после смерти в 731 году сожгли и предали земле. А вскоре (745 год) исчез с исторической арены и сам народ.

На месте захоронения в долине реки Орхон, на территории Арахангайского аймака в 25-ти километрах от озера Учит-Нур, были воздвигнуты статуя и величественный белоснежный храм, развалины которого, спустя более тысячи лет, открыл учёный-монголовед Н. М. Ядринцев.

Через два года об этом поведал всему миру академик В. В. Радлов — учёный-этнограф, археолог, языковед-тюрколог. Свободно владея русским и казахским языками, В. Радлов свои сочинения писал на родном немецком, на котором получил образование в Германии. В России он обрёл вторую родину.

Стела в честь Кюль-Тегина представляет собой усечённую пирамиду высотой более трёх метров, шириной у основания свыше одного и толщиной около полуметра. Верхняя часть пирамиды напоминает пятиугольный щит, обрамлённый изображением дракона.

На одной стороне щита — тамга (печать) хана, на другой — надпись, указывающая дату сооружения — 1 августа 732 года. Правее надписи — две строчки рунического письма: “У китайцев, отдающих без ограничения (в виде дани) столько золота, серебра, зерна и шёлка, речь всегда была сладка, а драгоценности изнеживающие... Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве!”. Великий каган призывал тюркский народ к ... единству.

Первые переводы китайского и древнетюркского текстов на памятнике Кюль-Тегину были опубликованы В. В. Радловым. Они служат образцом древнетюркской историографии и крупнейшим памятником рунической письменности тюрков, стали эталоном, с которым сопоставляют почти все другие рунические надписи.

На память приходят философско-мудрые, трогательные стихи китайской царевны из династии Чен, которая была пленена и выдана замуж за тюркского хана в XI веке (перевод Л. Н. Гумилёва):

*Предшествуют слава и почесть беде,
Ведь мира законы — трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолг всегда безмятежности час.
Навек опьяняет нас чаша вина,
Звонит и смолкает на лютне струна.*

Когда в конце одной из наших бесед я дал Шоре прочитать законспектированные мною стихи, он был удивлён:

— Сущая правда! Китайка была искренна.

А тут, как снег на голову — декабрьские события в Алма-Ате 1986 года. Жена Шоры Зауре, не дождавшись срока завершения заграникомандировки, вернулась домой. Сын Ерлан закончил военное училище. Женился. Вот-вот должен был родиться ребёнок, которого они с нетерпением ждали. Как-никак первый внук! А внуки слаще детей. Это аксиома!

Зауре добровольно оказалась на площади. Закончив консерваторию, она уже работала в музыкальной редакции телевидения. По возвращению из Монголии ей предоставили прежнюю должность. Трудяга! Профессионалы нужны всегда!

Конечно, по прошествии времени о событиях легко рассуждать. А тогда! Одним словом, Зауре долго таскали, допрашивали. Отделалась тем, что выгнали с работы по идейно-политическим соображениям.

— Зауре — моя декабристка, — шутил Шора.

Везде и всегда политика — дело грязное. Правильно воспитанные на советской идеологии, преданные верой и правдой своей стране, с её негативными явлениями в открытой форме наши семьи впервые столкнулись лицом к лицу в Монголии.

Шила в мешке не утаишь! Обо всём этом я подробно описал в книге “Монголия глазами “кочевника”, не упомянув о магазинно-продуктовой эпопее, когда нам, советским специалистам с монголообразной внешностью, открыто плевали в лицо... Дело доходило до абсурда.

“Учитель-патриот” по истории после декабрьских событий, подняв дочь-семиклассницу Асель с парты, на глазах всего класса задал далёкому от политики ребёнку вопрос:

— Если бы ты была в Алма-Ате, поддержала бы тех подонков, которые вышли на площадь?

Вопрос ошарашил дочь, так как она никогда не задумывалась о таких вещах. Не успела она раскрыть рта, как её подруга Сильвия из Армении вскочила с парты и во весь голос заявила:

— Никакие они не подонки! Они настоящие патриоты своей страны!

Учитель замолчал. Поднялся шум. Мнение класса разделилось. Урок был сорван.

Дочь была отличницей, невзирая на все хитроумные препятствия, хорошо играла в шахматы.

Извращённая национальная политика, проводимая отдельными представителями КПСС, бесконечно разыгрывала эту беспроегрешную карту демагогами, провокаторами с обеих сторон, национал-патриотами. В конце концов, всё это привело к развалу державы под названием Советский Союз.

Алма-атинские события власть, как всегда бывает в таких случаях, подавила силой, вызвав взаимную бурю негодования и вражду. Затем пошла в ход поджигательная, пропагандистская галиматья, вместо вдумчивого анализа и терпимости. Стенка на стенку!

Пострадали многие абсолютно невинные люди, а истинные организаторы остались в стороне. Бог им судья!

А познакомились мы с Шорой с лёгкой руки его дочери Алиюшки. В те годы она училась в третьем классе. Она и привела меня к себе домой, тогда они жили ещё в Дархане. Это потом Шору перевели по работе в Улан-Батор.

В одном из разговоров он как-то буркнул:

— Сын Ерлан учится в Новосибирске. Не пойму никак, кто он: ни мент, ни пехотинец! Какие-то внутренние войска. Ты слышал или знаешь что это за войска?

Я тоже не знал, что это такое и зачем военные нужны внутри страны. Они должны защищать от врага. Но нас в те годы никто в это не посвящал. А оно нам тогда и не нужно было.

Теперь, когда ежедневно по телевидению освещаются многие подробности этнических конфликтов, становится ясно и понятно. Какая тяжёлая и неблагоприятная доля выпала этим войскам. Лучше, как в восточной мудрости: “Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!”. Правда, от этого никому лучше не становится!

В конце заграничных командировок у Шоры родился внук. Радость мы обмыли вдвоём. По такому случаю Шора заварганил хаш. Вкус и аромат этого армянского блюда, приготовленного казахом, которое я впервые отведал в центре Азии — колыбели человечества, до сих пор сохранился у меня во рту. Хотя прошло уже много лет.

После возвращения из Монголии каждый из нас бросился догонять свой уходящий поезд удачи. В жизни никто никого не ждёт! И всё быстро меняется.

У Шоры были постоянные командировки по всему Союзу, но преимущественно в Среднюю Азию.

Когда я вернулся в Казахстан, меня на работе вначале хотели “задвинуть”. Не получилось. Тогда начали “двигать”. Так я очутился в Целинограде, на месте которого ныне растёт Астана.

С Шорой лишь изредка удавалось созваниваться по телефону. Это тебе уже не Монголия с душевными разговорами и обустроенной жизнью советского специалиста за рубежом. Тут надо пахать всюю. Кругом неопределённость. Перестройка! Всё некогда. Дела и нервогрёпка!

Наконец представился случай. Я оказался в командировке в Алматы. Не успели закончить дела. Отложили до понедельника. Звоню. Ура! Застал Шору дома. По его тону понял, что он тоже скучает по мне.

Тогда я впервые про себя выразил огромную благодарность начальству, что нас задержали до понедельника. Как-никак два абсолютно свободных дня. Делай что хочешь. О том, что выходные дни существуют, мы уже забыли давно.

— Давай, старик, приезжай! Посидим у меня дома в семейном кругу, пообщаемся.

“Старик”, — так он постоянно обращался ко мне. Видимо, это осталось у него с юношеских лет, когда наше поколение обращалось подобным образом друг к другу, стараясь выглядеть солиднее, чем мы были на самом деле. Забывая при этом, что сейчас в действительности мы стремительно приближаемся к этой возрастной грани.

— Ты помнишь наш “дембельский” хаш в Улан-Баторе? Он был не совсем натуральный. Отведаем, что ни на есть, настоящий хаш! — и так весело засмеялся в телефонную трубку своим звонким неподражаемым голосом.

По пути я захватил в гастрономе любимые Алиюшкины “Трюфели”, Зауре — цветы и “Казахстанский” коньяк Шоре. Приходить к друзьям не с пустыми руками, а с подарками — традиция моей семьи.

Дарить по праздникам, юбилеям, скажем так, — обязанность. А делать это в будни — совсем другое.

На этом свете мы гости, а поэтому надо вести себя по-праздничному каждый день жизни, как подобает гостям!

Захожу. Шора, волнуясь, встречает у порога. Обнял, от волнения аж взмок. Покраснела его могучая лысина.

— Старик! Еле дождался тебя. Проходи!

Засуетилась, затараторила Зауре:

— Ты знаешь, как Шора услышал твой звонок, так забегал, заволновался, не могу успокоить! По-моему, он тебя больше любит, чем меня! — закончила свою увертюру жена Шоры.

Взяв подаренные “Трюфели”, скрылась в своей комнате Алия. За те несколько лет, что я не видел её, она превратилась в красавицу — стройная, умная, копия папы. Я где-то слышал: “Счастливая дочь похожа на отца”. Не знаю, сколько в этом правды, но что-то есть.

Несмотря на огромный конкурс, Алия поступила на престижный факультет Казахского государственного университета и учится только на отлично! Молодец Алиюшка! Вся в папу. Играет на гитаре, поёт. Помню, как ещё в Улан-Баторе мы пели на два голоса детские песенки.

Когда все успокоились и уgomонились, я обратил внимание на карапуза, который, ползая по полу, взял направление в сторону Шоры.

— Дорогой мой! Иди ко мне! Иди ко мне! — Шора присел на корточки и стал подзывать малыша. — Это мой внук! А ну, поздоровайся с другом деда, он тоже тебе дед! Подай ему руку! — Шора взял ребёнка на руки и приблизил его ко мне.

Малыш оказался на удивление благодушным и коммуникабельным. Абсолютно не испугался. Когда я протянул ему свои руки, спокойно переключевал в мою сторону.

Ну вылитый дед по характеру, а имя полностью соответствует малышу — Байжан!

Пока мы возились с малышом, женщины хлопотали на кухне.

— Дорогие дархан-уланбаторцы, или как там ещё вас назвать, кампаны, дарги, просим вас к дастархану!

“Кампан” — так монголы иногда обращались к нам, советским специалистам. Этого слова в монгольском словаре нет. Это я знаю точно. По всей вероятности, оно возникло от слова “компания”, до которой мы были большими мастерами. “Дарга” — по-монгольски “начальник”.

С весёлым юмором и хорошим настроением Зауре пригласила нас в гостевую комнату. Огромный стол заставлен яствами. Чего только там нет. Чувствовалось — ждали. Столько лет не виделись. Соскучились.

— А это Назгуль — наша любимая сноха, — представил Шора молодую женщину, которая доводила до окончательной кондиции праздничный стол.

Покраснев от смущения, она подала мне руки. Поздоровались. При этом она сделала едва заметное приседание.

— А это почти как я, — представил меня Шора своей снохе.

— Я слышана о Вас, у нас дома все только о Вас и говорят.

— Это всё для тебя приготовила наша Назгуль, — вступила в разговор Зауре. — Проходи. Садись во главе стола. Ты сегодня наш желанный гость. Ерлана, к сожалению, нет. Он на службе, в командировке, тоже слышан о тебе, но никак не может встретиться, познакомиться.

— Дочка, наливай нам хаш, — попросил Шора. — Мой друг так его любит. Помню, как в Улан-Баторе съел две или три порции.

Заглянув в дверь и объявив, что пошла к подруге, Алия покинула нас. Действительно, что ей делать со стариками, какие обсуждать проблемы? У каждого поколения свои интересы и взгляды на жизнь, свой круг общения.

— Ну и молодёжь пошла! Нет бы уважить! Посидеть, послушать. Видишь, пошла к подружкам, которых видит каждый день. А тут через столько лет появился родной нам человек, а у неё, видишь ли, подружки. Ну и время! — сокрушалась Зауре.

За столом хозяйничала Назгуль. Для неё, как я заметил, это было уже обычное дело. Зауре, не утерпев, иногда что-то подсказывала. Что ни говори, а “от болезни можно излечиться, от привычки — никогда!”. Столько лет она распоряжалась за столом, а теперь вот в другой, совершенно незнакомой роли. Бегала, ухаживала, кашеварила. И вдруг лишилась этого. Остался только один Шора, да и тот постоянно в разъездах. Зато всё свободное время стал занимать Байжан.

— Не знаю, что бы без него делала, наверное, с ума сошла бы, дорогой и сладенький мой, — обнимая малыша, ворковала Зауре.

Когда насытились, при этом и выпив, как положено, почувствовали, что в комнате стало душно.

— Выйдите на улицу, подышите свежим воздухом, — посоветовала Зауре.

Мы тут же с облегчением поднялись из-за стола и вышли из квартиры.

— Вот такие дела, старик. Ты, наверное, удивился нашей снохе. Она армянка, из Нагорного Карабаха. Вернее, наполовину армянка, наполовину азербайджанка. А в документах национальность записана по отцу. Ты же знаешь, сейчас кругом не перестройка, а скорее, перестрелка. Слава Богу, у нас тихо-мирно. Даже после известных декабрьских событий. Хотя прошло всего три-четыре года. Вроде как и ничего не было. Добрый, незабываемый наш народ! А всё это благодаря нашим необъятным просторам.

Территория страны влияет на характер её обитателей. Впрочем, это гипотеза, навеянная идеями Льва Николаевича Гумилёва, постоянно обсуждавшимися нами в Монголии.

Шора закурил и, угостив меня сигаретой, предложил:

— Пойдём, старик, в парк. Только подожди, я захвачу с собой шахматы, посидим, поиграем. Надеюсь поставить тебе один-два мата, если не возражаешь, — пошутил Шора.

— Посмотрим, посмотрим! Всё в руках божьих и удаче! — шуткой на шутку ответил я.

Устроились под большим дубом. Расставили шахматные фигуры.

— Старик! Я долго думал, размышлял, а теперь поделюсь с тобой. Это довольно поучительная и в какой-то степени забавная история, — начал мой друг, делая первый ход.

Забегая вперёд, поясню, что я давно собирался перенести на бумагу рассказанное Шорой, но так уж получилось, что всё время что-то мешало осуществить задумку, хотя все, кому я пересказывал эту историю, воспринимали её с большой заинтересованностью.

А тут незаметно “заболел” историей “Героя Садыка”, пока переваривал и осмысливал, рассказ Шоры откладывал на потом. А теперь, когда пишу эти строки, Шоры уже нет на этом свете. Потерял я своего давнего друга. Даже не верится. Когда сообщили о его внезапной кончине, мне

стало плохо. В последний раз, когда мы разговаривали по телефону — это было в начале декабря 2007 года — он предостерегал меня:

— Старик! Береги себя! В нашем возрасте — главное режим и диета!

Милый, обаятельный Шора... Инфаркт, инсульт, кома... Приехав на похороны, я сидел у его изголовья. Плакал и не стыдился слёз. Гладил его холодный лоб, могучую лысину...

Прости, дорогой мой друг! Не успел я изложить твой рассказ вовремя, чтобы ты прочитал его, поправил текст, убрал, что не нравится. Пусть теперь читают другие. Я сохранил его в том виде, в каком слушал его от тебя под дубом прекрасного парка до глубокой ночи.

“... Ты помнишь, как мы вдвоём обмывали рождение моего первого внука с хашем, который я тогда приготовил сам. А теперь хаш приготовила нам моя сноха, она, как я уже говорил, армянка. Хаш — армянское блюдо. Никогда не думал и не ведал, что судьба сведёт меня с этим народом и, более того, породнимся с ним кровно. Одним словом, я дед двух внуков, одному шесть лет, другого ты только что держал на руках. От двух снох: казашки и армянки, и оба внука мне одинаково дороги, они мои кровинушки”.

Я заметил, что Шора разволновался, потому как дрожащими руками прикурил сигарету.

“Я тебе как-то говорил, что мой сын Ерлан учился в Новосибирске. Ни мент, ни пехотинец! Так вот, он от первой жены. Она умерла, когда ему было всего два годика. Его воспитывали мы вдвоём с мамой. Когда привёл домой Зауре, ему было уже девять лет.

Мудрая бабушка по-своему всё ему объяснила, и он хорошо принял Зауре. Называл её “ана”, так в стародавние времена в казахских аулах дети называли своих матерей, а не как сейчас “мама”.

В общем, благодаря доброте и мудрости Зауре у нас в семье не было больших проблем. Потом появилась Алиюшка. Как её любил нянчить Ерлан, как возился с ней. И так выросли они рядом, как родные брат и сестра, родные по отцу. Верно говорят в народе: “Женщина одной рукой успокаивает детей и свою семью, а другой народ”.

В тот год, когда меня командировали в Монголию, Ерлан поступил в военное училище в Новосибирске. Собрал тайно документы и с друзьями махнул в Сибирь.

Пока я работал в Монголии, он закончил училище. На последнем курсе женился. Невесту выбрал из здешних мест. Ты знаешь, девчата, особенно городские, любят ребят в военной форме. Как в таких деликатных случаях советовать? Всё равно сделают по-своему.

После училища Ерлана распределили куда-то на Дальний Восток. Что молодым! Сели и поехали. Рожать нашего первого внука сноха приехала домой к своим родителям. В это время из Монголии досрочно домой вернулась и моя Зауре. Но что-то не срослось между снохой и свекровью.

Сноха наотрез отказалась жить у нас. В этом поддержали её родители — наши сваты. Все эти события разворачивались, пока я завершал свою заграничную командировку.

Когда возвратился из Монголии, мы с Зауре, как положено в таких ситуациях, нанесли визит своим сватам. С подарками. Слава Богу, обошлись даже при страшном дефиците тех лет. Подарки купили в “Берёзке”. Ты хорошо знаешь, были тогда такие элитные магазины, где всё продавалось за валюту.

Не пойму я своих казахов, чёрт побери! И так и не так, и так и не так! Дети сошлись, сами живут. У них появились свои дети. Что ещё надо? Живи и радуйся! Нам то что, родителям?

Оказывается, я ошибался, и серьёзно.

Когда мы с Зауре появились с охапкой цветов и с подарками, оказывается, нас там никто не ждал и не встречал. Даже сноха перед нашим приходом, забрав внука, ушла с ним гулять. Тем не менее, я нахально поднялся на третий этаж, позвонил, зашёл в квартиру свата. Тот смотрел телевизор, как ни в чём не бывало. Я представился. Он что-то буркнул под нос, ушёл в туалет. Одним словом, дал понять и послал меня туда, где Макара телят не пас.

Я, потоптавшись в прихожей, направился в зал, положил всё на стол — не забирать же всё с собой, тем более подарки, которые имели своё назначение и адрес. Сват всё ещё не выходил из туалета.

Вот при таких странных обстоятельствах состоялось наше “знакомство”. Первая встреча оказалась и последней. Прошло два года. Мы ждали, надеялись, что невестка покажет нам внука. Не дождалось. А тут начались сплошные межнациональные конфликты. Ерлана с Дальнего Востока кидали по всему Советскому Союзу. Потом перебросили в Фергану, Ош. Это уже ближе к дому, а потом — в Карабах. За службу ему досрочно добавили одну звёздочку на погоны и дали краткосрочный отпуск домой. Это случилось перед командировкой в Карабах.

Я был в отъезде, когда Ерлан с нашей невесткой и внуком пришли к нам. Зауре, как обычно, засуетилась, захлопотала. Напрасно. Они как неожиданно нагрянули, так быстро и ушли.

— Не присели, даже чаю не попили. Поздоровались с порога. Я не успела и приласкать внука, — жаловалась мне потом обиженная Зауре. — И ушли к себе, точнее к сватам.

Перед отъездом Ерлан попрощался со мной по телефону. Когда я узнал, что его командировали в Нагорный Карабах, перерыл все энциклопедии. До конфликта между армянами и азербайджанцами я ничего не знал об этой автономной области в составе Азербайджана.

Потом увеличил и повесил у себя на стене карту Нагорного Карабаха, на которой узкая полоса азербайджанской территории отделяет его от Армении. Именно здесь, на горном перевале недалеко от городка Лачин, служил Ерлан.

На перевале было примерно полтора десятка военнослужащих, включая командира группы — капитана по званию, моего сына — старшего лейтенанта и прапорщика Сашу — бывшего воина-“афганца” из Смоленской области. Остальные — рядовые солдаты внутренних войск со всего Союза. Основная их задача: не допустить вооружённого конфликта между армянами и азербайджанцами.

Как потом делился сын, командира часто вызывали на различные совещания в штаб, откуда он возвращался злым и подавленным. Но злости своей никак не проявлял. Видимо, знал, что тут все вооружены и всякое может произойти. Об этом предупреждали всех офицеров, кого направляли на подобные операции.

Прапорщик Саша днём иногда исчезал, искал в селениях анашу, к которой привык в Афганистане. Однако в Карабахе его многочисленные вылазки успеха не приносили, но он не сдавался, не терял

надежды. Зато каждый раз возвращался навеселе, иногда даже угощал сослуживцев вином.

Не знаю, где как, однако на перевале, где размещалось подразделение, за все четыре месяца службы, слава Богу, не было ни одного, даже маломальского конфликта. Несколько раз с обеих сторон приходили гонцы с настойчивыми просьбами — продать патроны. Получив отказ, уходили. Правда, беззлбно. И больше не появлялись.

Зато два раза солдаты группы останавливали и конфисковывали боеприпасы. Это когда азербайджанские дельцы-бизнесмены пытались провезти оружие своим врагам — армянской стороне. Тогда Ерлана это поразило. Воистину: “Деньги не пахнут!”.

До Ерлана и ребят доходили слухи, что, несмотря на запреты и принимаемые меры, торговля оружием в Карабахе процветала вовсю. Причём этим занимались высокие чины. Оружие продавалось обеим воюющим сторонам. А то, что вылавливалось, было ничто по сравнению с тем, что творилось на самом деле.

Только тогда до сына дошло: война — очень выгодный бизнес. Для кого-то война — страшное бедствие и трагедия, для кого-то — большая прибыль. Впрочем, так было во все времена! Однако доблестные политработники-демагоги, как настоящие “фокусники”, пытались представить всё в другом виде, как в кривом зеркале: чёрное — белым и наоборот. Парни молча слушали, кивали: “Мели, Емеля — твоя неделя!”. А что делать прикажете?

Нагорный Карабах, как я выяснил, — это около пяти процентов территории Азербайджана, где проживает три процента населения республики, или около двухсот тысяч человек, из которых 80 % армяне. Половина населения живёт в двух городах. Степанакерт (Ханкенды) — областной центр, недалеко от которого находится Шуша. Армяне жили преимущественно в городах, азербайджанцы — в сельской местности.

Недалеко от того перевала, где размещалось подразделение, была открыта одна из древнейших стоянок первобытного человека, а также выявлены многочисленные памятники эпохи бронзы, раннего железа, могильники, курганы. Уже в первом веке новой эры современная территория, как провинция Арцах, входила в состав Кавказской Албании.

В III-V веках здесь начало распространяться христианство. В начале VII столетия Арцах был завоёван арабами, которые внедрили ислам. В IX-X веках Арцах входил в состав Албанского царства.

В середине XI века здесь по пути следования из Центральной в Малую Азию огнём и мечом прошли тюрки-сельджуки, которых в XII столетии сменили монголы. Тогда эта территория стала называться Карабах.

В последующие века Карабах попал в зону экономических интересов и стал ареной непрерывных войн между Ираном и Турцией (Османской империей).

В середине XIII века основано Карабахское ханство, для защиты которого была сооружена крепость Панахабад. В дальнейшем она получила название Шуша, по имени близлежащего селения.

На основании Пюлистанского мирного договора 1813 года Карабах перешёл под власть Российской империи.

7 июля 1923 года из нагорной части Карабаха образована Нагорно-Карабахская автономная область в составе Азербайджанской ССР с административным центром в селении Ханкенды (город Степанакерт).

Так вкратце излагаются исторические факты в третьем издании Большой Советской Энциклопедии 1973 года.

Как мне кажется, для Советского Союза все республики, входившие в его состав, были равны. А потому для него ни к чему были какие-то недомолвки. Всё было так, как оно было на самом деле!

Ерлан потом рассказывал, что их высадили с вертолётa, как десант, на перевале. Днём ребята изнывали от жары, а ночью зубы стучали от холода. Перевал находился на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря, изредка их посещали животноводы, которые пасли на горных лугах стада коз и овец.

Из вооружения у солдат было только стрелковое оружие, крупнокалиберный пулемёт, из которого при необходимости можно было обстреливать всю проезжую часть дороги. Гранатомёт весь период командировки так и пролежал в масле, даже не расчехлённый.

Экипировка: каска, бронежилет, ботинки. У каждого солдата свой пост, с которого велось круглосуточное наблюдение за перевалом и за всем, что происходило вокруг.

Осматривая местность в бинокль, ниже перевала ребята обнаружили селенье. Стада коз и пастухи, видимо, были оттуда.

Примерно недели через две, как рассказывал сын, у них появился первый гость — старый жилистый бородастый армянин Мартирос, опиравшийся на посох. Лет эдак под восемьдесят. Среди десанта Ерлан был единственным казахом, остальные парни из Калуги, Калининграда, Саратова, из других городов. Мартироса ребята окрестили на свой лад — дядей Мишей.

Старик поведал о своём житье-бытье. Поблагодарил за охрану его села. Хотя до спокойной жизни, которая была совсем недавно, далеко.

“Её мы давно забыли, — горестно сокрушался дядя Миша, затянувшись самокруткой. — Наше село наполовину армянское, наполовину азербайджанское. Жили тихо-мирно, особенно простые люди. Многие даже породнились — стали сватами. Теперь всё. Конеч!.. Стали врагами!”.

Вообще-то перед высадкой десанта командование строго предупреждало солдат: “Никаких контактов с местным населением!”. Но что поделаешь со стариком! Не прогонишь ведь. Тем более, он такой миролюбивый, беззащитный!

Немного посидев, дядя Миша по горной, только ему известной тропинке, опираясь на посох, спустился в долину, в своё село.

Спустя несколько дней на посту появился новый гость — пастух козьей отары азербайджанец Мариф. Он был немного моложе дяди Миши.

Мариф оказал ребятам великую услугу. Следуя за отарой десятки лет, он хорошо знал все водные источники округи и показал один из них с ледяной хрустальной и чистой водой, протекавший недалеко от поста. До этого приходилось расходовать воду экономно. Готовили пищу, разливая её по капелке из пластмассовых канистр, от которых за версту несло соляной.

Воду доставляли раз в неделю водовозом и аккуратно разливали по канистрам. Теперь же благодаря Марифу проблема воды была решена. Можно умыться с мылом, почистить зубы пастой. Какое блаженство!

За весь период пребывания в Нагорном Карабахе, говорил Ерлан, у ребят не было возможности просто помыться в тёплой воде, не говоря уже о душе, тем более о бане. И ничего. Оказывается, привыкаешь к такому состоянию. А вот к резким контрастам климата — холода и жары — нет.

Спасибо дяде Мише и Марифу. Они натаскали солдатам всяких матрасов, одеял, что, к сожалению, забыли сделать соответствующие войсковые службы, обязанные заниматься подобными делами.

Не всем хватало даже бушлатов. Особенно жалко было тех ребят, кто стоял на ночном боевом посту. Снимали и отдавали свои, сами кутались в одеяла карабахцев.

На перевале быстро темнело. Там не бывает сумерек. В девять вечера сплошная тьма и холод.

Как-то незаметно эти два старика-карабахца стали своими. Поняв, что на боевом посту пребывать им не положено, они приспособились. Нашли себе немного ниже площадку, которая хорошо просматривалась сверху, туда и спускались солдаты, чтобы потолковать со стариками.

Кто-то сказал: “Весь мир театр, а мы актёры”. Я думаю, это правдивое изречение надо уточнить во второй части. Мы не актёры, а марионетки. Нас дёргают за руки, за ноги, заставляют делать против нашей воли.

К такому заключению пришёл Ерлан, когда слушал неторопливую душевную беседу Марифа и дяди Миши. Что интересно, общались они на плохом, но русском языке. Иногда каждый переводил на свой родной. Они вспоминали друзей, знакомых, родственников, горевали: кто-то убит, кто-то пропал без вести. Разговаривали попросту, как добрые соседи, без какой-либо враждебности.

Организаторы межнациональной вражды приезжали из столиц и крупных городов обеих республик. Это были хорошо подготовленные речистые люди, носители страшной и ненавистной идеологии: “Кто не с нами, тот против нас!”.

Если кто-то пытался оспорить, возразить, усомниться, таким тут же вешали ярлык — предатель своего народа. Хуже того, могли пристрелить! Попробуй, успокой разъярённую наэлектризованную ораторами-демагогами толпу!

В то время в Нагорный Карабах действительно, как на пожар, присылали воинские контингенты со всех республик Союза. Когда прибыли солдаты из Казахстана, как рассказывал Ерлану дядя Миша, среди армянского населения распустили провокационный слух: “Специально против нас прислали мусульман. Они будут воевать на стороне азербайджанцев”. В то же время среди азербайджанцев пустили противоположный слух: “Приехали узбеки. Они мастера на расправу. У себя в Фергане устроили кровавую резню туркам-месхетинцам, а теперь вместе с армянами будут убивать азербайджанцев”.

Азербайджанский язык практически одинаков с турецким, но азербайджанцы — мусульмане-шииты, а турки — сунниты. У них между собой и без того многовековые внутренние религиозные противоречия, довольно часто сопровождавшиеся кровавыми разборками.

При этнических конфликтах все средства хороши, если оставляют после себя пепел и кровь!

Мариф приносил иногда ребятам мясо, дядя Миша угощал домашним вином и сушёными фруктами. На посту постоянно не хватало дров. Так вот, старики и стали добровольно приносить топливо. Иногда они просили помочь соляркой, бензином, мылом. У Ерлана были специалисты по ремонту техники. Под командой прапорщика эти солдаты, днём отдыхавшие от боевого дежурства, отправлялись в село на ремонт сельхозтехники.

Всё это делалось в глубокой тайне. Если узнают командиры рангом повыше — не одобровать. Мало не покажется!

Мариф и дядя Миша проживали в соседних селениях. Раньше всех детей на автобусе возили в школу на центральную усадьбу хозяйства. А когда начался вооружённый конфликт, школу закрыли. Но, судя по разговорам карабахцев, с осени занятия в школе должны были возобновиться.

Шло время. Иногда по команде из штаба солдаты отправлялись вниз проверить паспортный режим в селениях, а проще говоря, провести “зачистку”. Работа грязная, неблагодарная. Но приказы надо выполнять. К великому счастью, всё обходилось мирно, без единого выстрела.

Простой, мирный, забытый и забытый сельский люд. Если у кого и находили оружие — это был допотопный дробовик, которым чабан охранял свою отару от серых разбойников-волков. О боевом стрелковом оружии люди в те годы не имели понятия. Оно появилось позже.

Как-то дядя Миша, месяца через два, ни с того ни с сего завёл разговор о Казахстане.

Мол, был в гостях у родственников в Армении. Там встретился с армянином, который много лет укладывает асфальт в Казахстане. Там постоянно живёт его семья. Жена у него тоже армянка. На зиму каждый год приезжает к родителям. Это очень богатый человек. У него большой дом.

А в Армении, хоть убей, нет работы. Чтобы устроиться, надо платить бакшиш. В общем, давать большие деньги начальству. Не знаю, дескать, как у вас, но у нас в Карабахе и в Армении хорошо живёт только начальство. Но этим людям всё мало, всё не хватает.

И этот человек рассказывал всем, что в Казахстане живёт много армян, среди них даже есть большие начальники, герои, депутаты. Когда наступает весна, он собирает родственников, и все едут в Казахстан. Говорит: “Без асфальта жить не могу!”. Это правда, сынок? Я у вас никогда не был, говорю, что слышал.

Ну Ерлан подтвердил: “Да, всё правильно. Все асфальтировщики у нас армяне. Даже ходит анекдот: “Профессия — армянин, национальность — асфальтировщик”. Анекдот придумали в шутку сами армяне, а не казахи”.

Однажды дядя Миша привёл с собой внучку, худенькую девчущку лет шестнадцати-семнадцати. Ерлан спустился на поляну на традиционное место их встреч. Она не очень хорошо, но разговаривала по-русски, постоянно уточняя слова у дедушки.

“Вот, сынок! Осталась одна моя кровинушка, — начал рассказывать старик. — Родители её — мой сын был женат на азербайджанке, — погибли. Убили их свои. Наши карабахцы. Глубокой ночью. Так она и осиротела. Если вдруг я умру или меня убьют, она тоже погибнет. Даже не знаю, что делать с моей внучкой. Какое страшное время — война. Тем более среди родственников”.

Дядя Миша заплакал. Назик — так звали его внучку, начала его успокаивать. Видимо, это ей приходилось делать довольно часто.

И тут как раз на перевал поднялся “УАЗик” с каким-то начальником из вышестоящего штаба. Дежурный известил об этом Ерлана:

— Срочно на пост!

Ерлан тут же поднялся в расположение отряда, строевым шагом подошёл к незнакомому подполковнику, отдал честь, представился. Подполковник был казахом, заведовал кафедрой Карагандинской высшей школы

милиции. В Нагорный Карабах его направили, чтобы он на месте ознакомился с боевой обстановкой в войсках МВД при разрешении межэтнических конфликтов. Может быть, ему нужны были конкретные материалы для докторской диссертации, кто его знает. Не для теории, а для практики. На войне, войне, по сути, гражданской, жестокой, кровавой, бесконечной. Войне на полное уничтожение одной нации другой!

Естественно, Ерлан подумал: “Вот сейчас устроит разгон — в военной обстановке покинул пост! Беседуешь с неизвестными гражданскими лицами. Нарушаешь приказ командования! И так далее со всеми вытекающими отсюда выводами!”.

Однако подполковник не обратил на это никакого внимания. Как Ерлану показалось, ему даже импонировало то, что боевой офицер в сложной обстановке находит время и желание вступать в контакт с местным населением.

Оказывается, когда неожиданно на посту появился “УАЗик” с подполковником, и тот представился, предъявив капитану свои документы, командир поста немного забеспокоился — как отнесётся проверяющий к тому, что один из офицеров у всех на виду свободно общается с гражданскими, словно где-то на черноморском курорте, а не в зоне конфликта. Но подполковник, обойдя с капитаном наблюдательные посты, остался доволен увиденным. Затем спросил у него, что делает офицер на полянке внизу.

“Извините, товарищ подполковник. Это старший лейтенант Байгожаев постоянно беседует то с чабаном, азербайджанцем Марифом, то со старым армянином дядей Мишей. Теперь вот появилась девчушка, вроде как его внучка, — ответил капитан. И добавил: — Я вначале хотел запретить, а потом передумал. Люди эти простые, очень славные, миролюбивые. К тому же скоро наша командировка закончится, всё станет на свои места. Конечно, это нарушение приказа, но ведь иногда обстоятельства вносят свои поправки и с этим надо считаться. А Байгожаев не только хороший офицер, но и глубоко порядочный человек. Где здесь ещё можно отвести душу, кроме как в беседе с простыми, далёкими от политики людьми, которые не хотят враждовать друг с другом”.

По всей вероятности, откровенный и честный ответ капитана пришёлся подполковнику по душе. И он распорядился позвать Ерлана к нему.

Вот так и встретились совершенно случайно два казаха на неприветливой чужой земле — в Нагорном Карабахе. Только на чужбине и ощущаешь, что такое родство по крови. Но взаимоотношения людей в погонах чётко регулируются уставными требованиями. Ерлан называл мне фамилию подполковника, но я её забыл, а вот его знаменитое имя — Кобланды — конечно же, запомнил. Он тут же, как старший по возрасту, перешёл на казахский язык, которым Ерлан, выросший в городе, владел неважно. Всё понимал, но не мог отвечать правильно и уверенно. Это подполковник уловил сразу. Успокоил: “Не стесняйся, никто в этом не виноват. Время такое. Поэтому говори, не стесняйся никого, общайся. Думай по-казахски. Говорят, что все революции начинались в уме. Ничего страшного. Ты ещё молод. Знание языков — великое дело!”.

Ерлан рассказал ему о своих встречах со стариками: “Карабахцы — абсолютный миролюбивый простой народ. Но кому-то чего-то не хватает. Я где-то читал, что армяне занимают второе место после евреев по рассеянию по всему миру. Не знаю, насколько это верно. Их здесь, в Карабахе, в

четыре или даже в пять раз больше, чем азербайджанцев. Но Карабах — автономия в составе Азербайджанской республики. Они же как были армянами, так ими и остаются, но выросшие в азербайджанскую землю. Это надо понимать всем. Даже человеческая ладонь разная с внутренней и наружной стороны. Убеждён: карабахский армянин и армянин из Еревана, Дилижана, Севана, Раздана — они разные по своей психологии, хотя и говорят на одном языке! Впрочем, это моя точка зрения, версия стороннего наблюдателя. “Чужую беду — руками разведу”, — говорят в народе”.

Подполковник слушал внимательно, не перебивая, а потом заключил: “Правильно рассуждаешь, старший лейтенант. Как тебя звать?”.

Ерлан назвался.

“Но не все так, как ты, Ерлан, образованны и не все, к сожалению, так думают, рассуждают и соответственно поступают”, — добавил Кобланды.

Потом офицеры проводили подполковника к машине. Он попросту, тепло попрощался со всеми: “У меня, ребята, к вашему посту замечаний нет. Так и доложу командованию. Желаю вам возвратиться домой к своим семьям в добром здравии”.

Служба небольшого отряда на перевале близилась к завершению. Однажды Ерлан с верхотуры увидел, что внизу, на полянке, стоят дядя Миша и Назик. И ждут, когда он заметит их. Ерлан тут же спустился к ним.

“Сынок! — обратился к Ерлану дядя Миша. — Я слышал, что скоро вы отсюда уедете. Верно это? Ты предупреди меня заранее. Прошу тебя, сынок”, — и они ушли.

Действительно, вскоре весть о том, что воинской группе предстоит передислокация, привёз капитан после очередного совещания в штабе. Мол, через день прибудет транспорт, всех спустят в долину, затем переместят в пункт “А”, где получают новое назначение. Солдаты с воодушевлением принялись наводить порядок на боевом посту, очищать территорию. Тут Ерлана позвали:

— Товарищ старший лейтенант, к Вам пришли!

Он посмотрел вниз на привычное место — там дядя Миша, Назик. Спустился. Возле них вязанка дров, какое-то одеяло, фрукты. Ерлан сказал: “Всё, дядя Миша! Ничего уже не надо. Завтра за нами придёт машина — и тю-тю. Мы уезжаем! Так что прощайте. Если увидите Марифа, передавайте ему большой привет”.

Однако эта новость сильно опечалила старика. Ерлан даже не предполагал этого. Он неловко попрощался с дядей Мишей и его внучкой, поблагодарил за доброту и человеческую поддержку и поспешил на пост. Надо было всё собрать, подготовиться к отъезду.

Ранним утром подъём, осмотр оружия, боеприпасов, обмундирования. Всё как положено в таких случаях.

Вдруг на территории поста, опираясь на свой посох, появился дядя Миша с Назик. Девчушка приодета, в одной руке маленькая котомка, а другой поддерживает деда. Вот-вот должен прибыть транспорт. Нерво-трёпка, а тут ещё дядя Миша с внучкой.

Прапорщик Саша накинулся на дежурного: “Почему пропустил чужих на режимный объект?”.

Тот виновато ответил: “Не слушается, товарищ прапорщик, не подчиняется команде. Оттолкнул меня. Чуть своей палкой не огрел”.

Старика окружили ребята, стали уговаривать, убеждать, чтобы он шёл к себе в деревню.

И тут дядя Миша неожиданно упал на колени, поднял к небу руки и зарыдал: “Дети мои! Я скоро умру. Где угодно! Я старый человек. Мне всё равно. А вот моё солнышко. Моя единственная кровинушка — внучка. Ей жить да жить. Она ещё ребёнок, возьмите её с собой. У вас мир. У нас война. Её здесь убьют!”.

Обливаясь слезами, он упал на землю лицом в пыль.

Все были ошарашены увиденным. Что делать? Все молчали. Смотрели на Ерлана. В смятении чувств капитан обратился к нему: “Знаешь, теперь всё зависит от того, какое решение примешь ты. Или да, или нет! Я со своей стороны и все мы сделаем всё, что зависит от нас”.

Дядя Миша всё ещё лежал с распростёртыми руками на пыльной карабахской земле. Назик, потупясь, стояла рядом с ним. У Ерлана, как он рассказывал, закружилась голова от всего случившегося. Не с кем даже посоветоваться. А от его решения зависит судьба человека. И он твёрдо сказал: “Хорошо, товарищ капитан. Давайте возьмём с собой внучку дяди Миши. Мне всё понятно!”.

Все облегчённо вздохнули. Кто-то побежал за водой. Тут же помогли встать старику, который был весь в пыли, а на лице грязные потёки от слёз. Принесли воду. Назик вымыла своему дедушке лицо, кто-то щёткой счищал пыль с его одежды. Постепенно дядя Миша пришёл в себя. Что-то сказал по-армянски внучке. Она, видимо, успокоила его, сказав несколько слов.

Вскоре пришла машина. Началась посадка. Дядя Миша, глотая слёзы, обнял внучку, попрощался с ней, благословил и легонько подтолкнул к Ерлану. Он помог ей подняться в кузов машины. Кто-то пошутил, вот, мол, и у нас появилась своя “дочь полка”.

Опечаленная Назик сидела рядом с Ерланом, вцепившись в свою котомку.

Ехать в грузовике под тентом в жару — нелёгкое испытание. Пыль, грохот, выхлопные газы — и так несколько часов. Наконец, добрались до пункта назначения.

И тут возникло непредвиденное обстоятельство. Как быть с Назик? Ведь её могут не пустить в вертолёт. Он только для военных! Кто-то догадался набросить на неё бушлат, но для щупленькой девчушки он оказался великоватым. Решили рискнуть.

Все организовано прошли к вертолёту. Первой туда быстро впахнули Назик, затем стали затаскивать снаряжение и размещаться сами. Всей операцией командовал прапорщик Саша. Добродушный смоленский парень, прошедший “Афган” и не нашедший себя на “гражданке”, всё время рвался в “горячие” точки.

Перед взлётом командир вертолёта, уточняя список военных, обнаружил Назик.

— А это кто такая на нашем борту, товарищ капитан?

— Да это наша “дочь полка”! — подсказал прапорщик.

Командир покачал головой. Больше ничего не сказал. Опытный и понимающий человек. Всего навиделся. А тут на войне как на войне. В общем, пока всё складывалось благополучно для Назик.

Рейс завершился в Баку. Огромный аэропорт. Жара. Раскалённое солнцем аэродромное пространство. Воздух круто перемешан с запахом гудрона и авиационного керосина от бесконечно взлетающих и делающих посадку самолётов.

Душно. Это не Карабах с его горным чистым воздухом — сухим и знойным в дневную жару и ледящим по ночам. Здесь он сырой, влажный от Каспия. Как в бане.

Вертолётчики, выгрузив отряд на краю взлётного поля, отправились за другими мобильными группами. Кругом масса военных. Комплектуются новые команды, идёт проверка документов, сдача оружия.

Небольшой отряд, прилетевший с перевала, полностью расформировывался. Ерлану предстояло вернуться в родной Казахстан. Он попрощался с ребятами, с которыми на несколько месяцев свела его судьба в Карабахе.

Назик — теперь уже в гимнастёрке, подпоясанной солдатским ремнём, из-под которой выглядывало платье, ни на шаг не отставала от Ерлана.

— Ну, “дочь полка”, не забывай нас! — тепло напутствовали её ребята.

Ерлан начал разыскивать “своих” — казахстанскую бригаду. Рядышком семенила Назик. Когда, пробираясь через толпу, они подошли к нужному месту, за ними увязался какой-то майор, явно азербайджанец. Никто из военных не обращал внимания на Назик, а он обратил. Подошёл к Ерлану, потребовал документы.

— А это кто? Армянка? Да?

Ерлан растерялся. Что делать? Неужели отнимут?

Назик обеими руками вцепилась в Ерлана. Вся дрожит от страха. Ерлан погладил её по голове, успокоил, а сам лихорадочно соображает: если этот майор позовёт ещё кого-то из своих, тогда пиши пропало. Казахи говорят: “Двое — властители над одним!”. От этого ещё можно отвязаться. Тем более, из-за шума, поднятого майором, уже начали собираться земляки-казахстанцы. Воинское братство — великое дело. В обиду не дадут.

Майор, вцепившись в Назик, пытается оттащить её от Ерлана. Она упирается, да и Ерлан не отпускает девчущку. В это время мимо проходила команда казахстанской бригады, в том числе там оказался и тот самый подполковник по имени Кобланды. Он сразу смекнул в чём дело. Что-то рявкнул майору. Этого было достаточно, чтобы толпа военных поспешила на выручку. Майор быстро ретировался.

Подполковник спросил Ерлана:

— Это она?

— Да, — ответил мой сын.

— Береги её! Вот наш военно-транспортный самолёт. Летит до Караганды. А я, к сожалению, пока остаюсь здесь. Но ты не беспокойся! Считай, ты дома, среди своих! На всякий случай я переговорю с командиром корабля. Он наш, свой парень! Постоянно летает по этому маршруту.

Судьба! Надо же такому случиться. Как говорится, в нужное время и в нужном месте. Неизвестно, чем бы всё могло закончиться, если бы не этот подполковник.

Огромный транспортный самолёт “Ил-76” спокойно “проглотил” в своё чрево несколько сот человек и, взлетев, начал медленно набирать высоту...

В карагандинском аэропорту шёл дождь. Кого-то из прибывших этим спецрейсом встречали родственники. Курсантов, погрузив в автобусы, увезли в училище. Разъехались и остальные солдаты и офицеры. Кто к месту службы, кто в отпуск. Остались Ерлан и Назик. Сын, надо сказать, немного растерялся. Вот привёз человека, а что дальше делать? Конечно, у нас не Карабах, спокойно. Но как быть?

Позвонил домой. Как сейчас помню, было около четырёх часов утра. Я как раз пару дней назад вернулся из очередной командировки. Взял трубку. Естественно, первым делом поинтересовался:

“Сынок, у тебя всё в порядке? Всякое пишут в газетах, говорят по радио, показывают по телевизору. Ты жив-здоров?”

Ерлан вкратце изложил свою историю, спросил, куда везти эту девушку.

“Как куда? — ответил я. — Вези домой. А там посмотрим, поживём — увидим! Садитесь на первый самолёт или поезд. Не волнуйся и не переживай. Я матери всё объясню. Ждём!”

Ну а дальнейшие события, как мне во всех подробностях рассказывал потом Ерлан, разворачивались следующим образом — детали я опускаю.

Добрались они до вокзала. Сели в поезд, приехали в Алма-Ату, я их встретил. И к нам домой. Ну, с дороги, сам понимаешь, “водные процедуры” — душ, ванна и так далее.

Моя жена позаботилась о Назик. Ерлан предупредил, что девушка из глухого горного села, где нет водопровода, не говоря о душе и ванной. Попросил помочь ей помыться и дать Алиюшенькины платья, может, что-нибудь из её одежды и подойдёт.

После всего этого посидели за дастарханом. Правда, Назик поначалу дичилась нас, стеснялась, но понемножку стала осваиваться. Ерлан переговорил с ней, оставил на наше попечение и помчался к своей семье, которую или не успел, или не догадался предупредить о своём приезде.

Конечно, он страшно соскучился по жене и сынишке. Да, кстати, нашу сноху зовут Зулейха. Но моя Зауре называла её на свой лад по-русски — Злюка. Не могу понять их. Что-то не поделили. А ведь Зулейха была в нашем доме всего, может быть, два-три раза, не больше. И всё равно отношения у них не заладились. Мой сын, разумеется, переживал из-за этого, я же успокаивал его. Мол, семья твоя, будь счастлив! Вы живёте для себя, а не для нас! Только одно могу тебе посоветовать: не будь, как говорят казахи, “зятем-щенок”. То есть, не надо жить вместе с родителями жены. Это не престижно для офицера, тем более казаха. Узнают сослуживцы — засмеют. Я это ещё перетерплю как-нибудь. Хотя знаю, что говорят за моей спиной злые языки. Дескать, за границей кучу денег нагрёб, а сыну квартиру сделать не хочет! Но ведь на каждый роток не накинешь платок... Впрочем, я немного отвлёкся. Как потом поделился со мной сын, он с букетом цветов в руках быстро залетел на третий этаж. Позвонил. Дверь открыл его тесть Амантай Газизович. Доцент-историк. Критик всех и всего. Непризнанный никем и нигде “политический обозреватель”.

“А, наш воин-мироходец! Проходи! Я думал, что ты с армянскими или азербайджанскими коньяками появишься, а ты с цветами”, — такими словами он встретил Ерлана на пороге.

Не успел сын спросить, где Зулейха, как он опередил его: “Наша дочь с друзьями уехала сегодня рано утром в Чарын полюбоваться уникальными каньонами. Вернётся поздно ночью, а то и завтра. А Тамара Аббасовна пошла гулять с внуком в парк Горького. Я один. Проходи!”

Стоит ли говорить, что настроение у Ерлана мигом испортилось. Никто его не ждёт. Никому он не нужен! Да, родители Зулейхи мечтали свою дочь выдать замуж за другого, перспективного жениха, а тут подвернулся какой-то офицер внутренних войск!

В общем, сын ожидал совсем другой встречи. Стремился обнять, поцеловать жену. Развеешь свою тоску. Приласкать сынишку, который, наверное, стал забывать его. Что делать? Позвонил школьным друзьям-одноклассникам. Никого не оказалось дома. Суббота, все разъехались на дачи, в горы, на пляж, словом, кто куда.

Делать нечего, Ерлан прошёл в спальню, прилёг и неожиданно для себя заснул. Привиделся ему Карабах. Пост. Дядя Миша, Мариф со своим добрым отношением к солдатам. Козы, бегающие по крутым склонам. Назик, которая рядом с ним в вертолётке, в аэропорту, в военно-транспортном самолёте, в поезде. Ерлану приснилось, что они с ней в вагоне. И испуганная чем-то Назик толкает его в бок.

Проснулся он от того, что кто-то действительно толкал его в бок. Оказывается, сын. Сна как не бывало. Ерлан вскочил, обнял малыша, а тот начал реветь. На плач ребёнка прибежала тёща и начала охать и ахать. Как всегда!

Неужели своему сыну отец хочет сделать что-то плохое! Постоянно во всём упрекает. Даже не поздоровалась с зятем. Будто чужой человек, а не муж её дочери. Всем известно, Тамара Аббасовна не просто лидер в доме, а диктатор!

Амантай Газизович — подкаблучник, да ещё какой! Вроде учёный, высоко возносивший себя. Но без неё шагу не сделает.

Своими назойливыми “заботами” Тамара Аббасовна любого здорового человека сделает больным, как, например, Амантая Газизовича. Оказывается, если одно и то же твердить много раз, человек начинает верить этому, у него начинает вырабатываться комплекс неполноценности.

И Ерлан с горечью почувствовал, что и в самом деле: “Зять — щенок!”.

Сынишка убежал к деду с бабушкой. Ерлан остался один. Вдруг донёсся голос Амантая Газизовича: “Айда, миротворец, к дастархану!”.

Ерлан отправился на кухню. Сын всю уминает беляши. Тамара Аббасовна расстаралась... Непредсказуемый человек, всё делает по желанию и настроению, а оно не раз меняется в течение часа.

Тем временем Амантай Газизович неожиданно набрался мужества, достал из морозильника заледеневшую бутылку водки. Раскупорил, разлил по рюмкам и торжественно произнёс: “По случаю твоего благополучного возвращения. Как историк, знаю, что такое этнический конфликт. Страшное дело!”.

Чокнулся с Ерланом и тяпнул. Мой сын вообще не пьёт спиртного, он поднял рюмку и поставил её на исходную позицию.

Тем временем Амантай Газизович принялся уплетать беляши с салатом, приговаривая: “Молодец наша мама! Какие вкусные, пальчики оближешь!”.

Снова налил себе.

“Расскажи что-нибудь, боевой офицер-миротворец!”.

А что тут говорить? На душе кошки скребут — жена где-то развлекается... Но пришлось поддержать разговор.

“Вы правильно сказали, Амантай Газизович, что этнический конфликт — страшное дело. Но он кем-то подогревается. Нет, не простыми людьми, а теми, кто повыше, кто у власти с той и другой стороны. Это им нужно: разделяй и властвуй! Слава Богу, у нас в Казахстане мир и согласие!”.

Чокнулись. Амантай Газизович снова выпил с видимым удовольствием. Тамара Аббасовна молчит — значит можно. И он взбодрился, под воздействием спиртного почувствовал себя хозяином дома.

“Мамочка! Скажи что-нибудь нашему зятю. Он так редко бывает здесь. Ни жены, ни сына не видит месяцами. Такая вот опасная служба...”

“В общем, так! Тебе, папочка, достаточно. Это тебе не кафедра. Видишь, наш зять даже глотка не выпил, а тебе, учёный-историк-философ Амантай Газизович, хватит!” — Поставила на место своего осмелевшего супруга Тамара Аббасовна. Взяв бутылку, спрятала её в холодильник, а нетронутую рюмку Ерлана выплеснула в раковину.

Амантай Газизович попытался было отстоять свои права, но ничего не вышло. Властная Тамара Аббасовна так рывкнула на него, что с перепуга он вмиг стал кротким и послушным.

На кухне духота. Ерлан поднялся из-за стола и сказал, что пойдёт во двор подышать свежим воздухом. Хотел было взять сына, но Тамара Аббасовна решительно воспротивилась: “У нас режим! Через некоторое время почитаю ему сказку и уложу спать!”

Выйдя из подъезда, Ерлан вежливо поздоровался с восседавшими на лавочках жителями многоэтажного панельного дома, высыпавшими из своих душных квартир немного освежиться, благо, что с заснеженных вершин Алатау на город опускалась желанная вечерняя прохлада. Хотя никого из соседей по дому он не знал. И тут же до его слуха донеслось:

— Да это же зятёк Тамары Аббасовны! Смотри, какой воспитанный!

— Ничего! Скоро она перевоспитает и его, — усмехнулся кто-то.

Вот так, дотошные жильцы-пенсионеры всё о нём знают. Поразительная осведомлённость!

Самое удивительное, что вслед за Ерланом во двор вышел Амантай Газизович. Опять шушуканье:

— Доцент вышел. Раньше с ним такого не бывало. Интересно!

Амантай Газизович окликнул Ерлана, и они направились в ближайший парк.

Тогда только начали появляться первые продовольственные киоски, работавшие круглосуточно. Их сразу же метко назвали “комками”. Подошли к одному из таких киосков у входа в парк, где Ерлан купил маленькую плоскую бутылочку армянского коньяка, бутылочку пепси и попросил пару стаканчиков. Амантай Газизович не стал возражать и отнекиваться, хотя и был по натуре капризным.

Сели на лавочку, Ерлан налил коньяку Амантаю Газизовичу, протянул ему стаканчик, себе плеснул пепси-колы. Признался: “Всё о Зулейхе думаю. Пока посидим, может, подъедет!”

Выпили. Помолчали. Потом снова выпили.

В народе говорят: “Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке!”

“Ты славный парень! — вдруг ни с того ни с сего разоткровенничался Амантай Газизович, проглотив очередную порцию возбуждающего напитка. — И родители у тебя хорошие люди. Они сделали благородный шаг в нашу сторону, но ты же знаешь Тамару Аббасовну. Она упёрлась и ни в какую: “Нормальные люди, как положено, делают всё до женитьбы, а не после того, как появился внук. Подумаешь, находились за рубежом. А всё потому, что он им не родной!”. И пошло-поехало. Не ругаться же мне с ней постоянно, — продолжал Амантай Газизович. — В первые годы семейной жизни я пытался её убеждать, уговаривать. Напрасно. У неё своя точка зрения на всё, от которой никогда не отступит. Да, кстати, она подобным образом вела себя по отношению и к моим родителям. И всё потому, что по своей

простоте, неопытности и неосмотрительности я как-то забыл и оставил у себя в кармане письмо из дома, где мама резко высказалась в адрес своей снохи. Это злосчастное письмо обнаружила Тамара Аббасовна, когда выворачивала карманы перед сдачей одежды в химчистку. Ой, что она тогда мне закатила! Не выдержав истерики, я даже ударил её. “Она мне мать и имеет право высказывать всё, что ей угодно. Делает это она без всякого умысла, сегодня сказала, завтра забудет. В конце концов, она с нами не живёт. Она дала мне жизнь, а не ты. И не тебе судить о матери!”

Это письмо я сохранил до самой смерти и брошу вслед за ней в её могилу, — изливал душу Амантай Газизович. — Об этом злосчастном письме она напоминала мне всегда, когда хотела оскорбить мои сыновние чувства к матери, — заключил Амантай Газизович, пропустив очередной глоток. — Просто не знаю, что ей надо! В народе справедливо говорят: “От плохого коня можно избавиться, продав его, а как избавиться от подобной жены?”

Амантай Газизович ещё долго что-то болтал о кафедре, о какой-то его статье, которой не дают хода, о заведующем кафедрой, которого вот-вот должны снять, но не снимают. А он самый подходящий кандидат на это место. Об учёном совете. В общем, о скандальном научном мире, где большинство, по его мнению, бездельники. В конце концов терпение у Ерлана лопнуло, и он предложил отправиться домой, втайне надеясь, что, может, Зулейха уже вернулась!

Когда они были уже у подъезда, в него как раз входила Зулейха. Ерлан, возбуждённый от встречи, окликнул её и кинулся к ней. Она удивлённо уставилась на него, но, однако, не сдвинулась с места.

— Вся в мать! — прошипел Амантай Газизович.

— Отстань! Алкаш несчастный! — последовал резкий ответ Зулейхи.

Приподнятое настроение Ерлана мгновенно испортилось. Вот это встреча! Лучше бы он не приходил туда, где его никто не ждёт.

Ерлан прошёл в комнату, Зулейха направилась в ванную, где пробыла почти час. Всё было не так, как он мечтал и фантазировал о встрече с любимой женой после долгой разлуки. Ерлану даже показалось, что она вовсе не соскучилась по нему, вела себя как чужая.

Утром Ерлан проснулся первым, осторожно, чтобы не разбудить, встал, умылся. Вышел на улицу. Прошёл к парку. Когда вернулся, все ещё спали. Прошёл в спальню, обнял жену, хотел поцеловать.

— Отстань! Дай поспать!

Взял книгу. Начал листать. Ничего не лезло в голову, настроение было подавленным.

Во время завтрака зазвонил телефон. Пригласили Зулейху. Разговор длился минут десять, если не больше. О чём можно говорить, тем более с громким смехом и восклицаниями! У Ерлана начали сдавать нервы. Он еле сдерживал себя. Кто он, в конце концов? Муж? Или вообще никто?! Оказалось, звонили друзья по работе, приглашали куда-то в горы.

Тут Ерлан окончательно не выдержал:

— Слушай, то Чарын, то горы. А семья, муж, ребёнок? Кто они для тебя?

— А когда ты уезжаешь куда-то, ты отпрашиваешься у меня? — возразила Зулейха.

— У меня военная служба. Я сам себе не хозяин. Я только исполняю команды, — возразил он.

— Ну уж нет! Вон сколько твоих сослуживцев сидят в городе, возле своих жён. Получили квартиры, купили машины. Все смеются над тобой.

Тобой одним закрывают все “горячие точки”. Хорошо, что ещё не калека. Дождёшься, будешь им! — выплеснула накопившуюся злобу Зулейха. — В общем, как хочешь. Молодость и жизнь не вечны! Можем поехать вдвоём. Сынишка останется с бабушкой, он к ней уже привык. Решай. У нас с тобой равные права и ты мне не указ! — отрубилa Зулейха.

Ерлан вначале подумал, что её родители встанут на его сторону. Амантай Газизович после вечерней дозы сидел с помятым лицом, опустив голову. Тамара Аббасовна сделала вид, что её это не касается.

— Хорошо, тогда в горы отправимся вместе, — согласился Ерлан.

Приехала подруга Зулейхи, то ли с мужем, то ли с парнем, Ерлан не стал интересоваться. Двинули на Медео. На канатной дороге поднялись на Чимбулак. Опустившись, на катке покатались на коньках. Полакомились шашлыком. Ерлан так соскучился по такому деликатесу, что съел четыре палочки. Все разные: из говядины, баранины, свинины, окорочков, но все одинаково вкусные.

Следующим утром вышел на службу. Командир части перед строем объявил ему благодарность за добросовестное выполнение боевого задания и предложил пойти в отпуск.

Но Ерлан от отдыха отказался. Какой тут отпуск, когда в семье нелады. Лучше уж служба. Тут хоть какая-то определённость.

Вскоре Ерлану предоставили служебную квартиру. Конечно, ободранную, обшарпанную, но он и этой был рад. Позвонил мне. Я нанял штукатуров, маляров, сделали приличный ремонт. Наконец-то у него появился свой угол, о чём он мечтал. Ерлан надеялся, что теперь-то отношения с Зулейхой наладятся, но не тут-то было — они по-прежнему оставались натянутыми. А тут ещё начались сокращения, и Зулейху уволили с прежнего места работы. Правда, Ерлану удалось устроить её у себя в воинской части. Но это в семейных делах ничего не изменило. Жизнь продолжала ухудшаться повсюду при дефиците всего и вся. Денег ни на что не хватало. Зулейха злилась. Постоянные упрёки. Хоть беги из дома. Воистину: “Женщина без стыда, всё равно что пицца без соли”.

Однажды, когда Ерлан вернулся из командировки — ездил он в одну из областей Казахстана, Зулейха накинулась на него: “Обманщик! Всё скрывал от меня. Теперь я всё знаю. Выкрал в Карабахе армянку. Недавно случайно встретила твою сестру, по отцу. Да, по отцу, — подчеркнула Зулейха. — И она мне всё рассказала. Армянка эта ни слова по-казахски, немного по-русски. Сидит, караулит дом, записывает слова и учит казахский. Вот, значит, ты какой!”.

Ерлан, конечно, поступил неправильно. Закрутился, и с тех пор как оставил Назик в нашем доме, ни разу у нас не объявился, а надо бы навесить. Ну да что говорить, дело прошлое.

Алиюшка! Совсем простофиля! По своей наивности всё выложила Зулейхе! Хотя в этом не было никакой тайны.

Вскоре после этого в один из воскресных дней Ерлан объявился у нас, а Зулейха пошла к своим родителям. Прямо у порога Зауре обняла сына, расцеловала. Подскочила Алиюшка, кинулась ему на шею, подошёл я.

А Назик застенчиво стояла в дверях своей комнаты.

“А ты что стоишь? Иди, поздоровайся, дочка, с моим сыном. Ты же всё время спрашивала, где Ерик. Вот он и пришёл”, — подбодрил я.

Назик как будто ждала этих слов. Подбежала и тоже повисла у него на шее.

За время отсутствия Ерлана Назик преобразилась, вроде даже подросла. Она стала своей в абсолютно чужом для неё доме, среди чужих и незнакомых ей людей. Мы с Зауре относились к ней ласково, заботливо, и она привыкла к нам, полностью доверилась Зауре, а с нашей Алиюшкой подружилась. С моей лёгкой руки и Зауре, и Алия стали называть её по-казахски Назгуль. Правда, из дома одна не выходила. Только вместе с нашей дочуркой прогуляться. В общем, вполне у нас освоилась. Но частенько грустила. Конечно, по родному и теперь далёкому дому, по бабушке, ну и, видимо, по Ерлану тоже соскучилась. А увидела его — обрадовалась, засияла... Все наскоро перекусили, почаёвничали, а потом, пока Зауре готовила бешбармак, молодёжь отправилась на прогулку. Потом, когда Ерлан, Алия и Назгуль вернулись, нагуляв аппетит, все мы уселись за дастархан, в хорошем расположении духа пообедали. После этого Зауре прилегла отдохнуть, а непоседливые молодые снова пошли в парк. На этот раз и я с ними отправился. К тому же надо было поговорить с сыном.

В парке мы с Ерланом расположились на скамейке, чтобы потолковать, а Назик и Алия тоже уединились, у них свои девичьи секреты. Я достал сигареты, закурил. Ты же знаешь, как я курю. Пачки хватает на несколько дней, а то и на неделю. Дома вообще курево в рот не беру и другим не позволяю. В общем, к сигаретам прибегаю в крайнем случае, особенно когда волнуясь, переживаю... Расспросил сына о службе. Я, конечно, догадывался, что в семье у него нелады. Но не думал, что до такой степени. Короче, Ерлан рассказал обо всём, в том числе и о командировке в Нагорный Карабах, о судьбе Назик. О ней-то я и хотел с ним поговорить. Кстати, она доверила мне свои документы — хорошо, что они у девушки оказались: справка, выданная Назик Варданян сельским советом и скреплённая его печатью, а самое главное — свидетельство о рождении и паспорт.

Я сказал Ерлану: “Сынок, тебе лучше меня известно, что творится там, в Карабахе. Назад у неё все пути отрезаны. Она теперь круглая сирота. И теперь надо узаконить её пребывание у нас, прописать и так далее. Ты же сам привёл её к нам в дом! Я тебя ни в чём не упрекаю, просто хочу напомнить, что надо нести ответственность за её дальнейшую судьбу. И потом, сынок, имей в виду, мы с мамой к ней привыкли. Добрая, отзывчивая, старательная, аккуратная, во всём помогает маме. И та в ней души не чаёт. Жить Назгуль будет по-прежнему у нас, но ты не забывай о ней, по возможности навещай. Она тянется к тебе”.

А вскоре Ерлана и ещё несколько офицеров внезапно отправили в столицу Грузии — Тбилиси. Внутренние войска бросили на площадь у Дома правительства, где бушевал нескончаемый митинг. Подступы к площади были забаррикадированы большегрузными машинами, заполненными щебёнкой, завезённой с окрестных гор.

Или не подумали, а может, специально такую баррикаду сделали, зная, что “Булыжник — оружие пролетариата”, а в данном случае митингующих. Именно это изобразил знаменитый скульптор Иван Шадр.

Страсти на площади, искусно подогреваемые невидимыми дирижёрами, продолжали накаляться. Кого там только не было: женщины, дети, подростки, старики, старухи. На газоне перед Домом правительства лежали протестующие, объявившие голодовку. Все они громко скандировали:

“Свобода! Независимость! Суверенитет! Оккупанты! Сволочи! Ублюдки! Убирайтесь!”.

Военные, находившиеся в оцеплении, ждали, стиснув зубы. Кому-то было очень невыгодно иметь перед глазами терпеливых, мужественных людей в погонах.

Всякая революция или, наоборот, контрреволюция не обходится без жертв вольных или невольных. Это, можно сказать, необходимая атрибутика, которую организаторы потом используют в своих целях. Впоследствии же сама революция, мятеж, переворот — рано или поздно пожирают своих организаторов. Это аксиома.

Жертвы своей кровью окропляют революцию, чтобы освятить её, обретают мученический ореол. Кому всё это надо — те всё рассчитали до мелочей. Провокационные подробности и детали вскоре забудутся или наоборот будут фальсифицированы идеологами и выставятся совсем в ином свете. В зависимости от того, кому это выгодно. А жертвы останутся. Как символ, как знамя, как призыв к борьбе, к мести.

... В цепи военных полетела отборная щепёнка, куски арматуры. Солдаты и офицеры прикрылись щитами. Появились первые раненые. Со стороны разъярённой толпы поток брани, угроз и град камней усиливался. Воинские шеренги, охранявшие подступы к Дому правительства, попытались оттеснить напиравшие людские толпы, чем воспользовались организаторы митинга, объявившие в мегафоны, что войска проявляют насилие по отношению к народным массам. Началась паника среди митингующих. Площадь, взвинченная яростью и гневом, пришла в неуправляемое стихийное движение, в нараставшем столпотворении давя и калеча наиболее слабых.

Вот в такой кошмарной переделке оказались Ерлан и его сослуживцы, как люди военные, обязанные выполнять приказы командования.

Через неделю сын вернулся домой.

А вскоре после этого его перевели по службе в Караганду. Зулейха устроила по этому поводу грандиозный скандал не только ему, но и в штабе воинской части, откуда её быстренько уволили. Ехать с Ерланом в Караганду Зулейха категорически отказалась. Их совместная жизнь, можно сказать, закончилась, семья распалась. Сын отбыл к новому месту службы. Через некоторое время Ерлан и Зулейха официально развелись.

А потом его снова вернули в Алма-Ату. И как-то так само собой получилось, что спустя какой-то период Ерлан и Назик поженились. То, что она безоглядно влюбилась в Ерика, мы с Зауре чувствовали и видели — такое не скроешь. А со временем и Ерлан полюбил её. В общем, судьба распорядилась очень мудро. Назик-Назгуль стала по сути хозяйкой в нашем доме. И причём замечательной. Кстати, освоила казахский язык. И русским владеет сносно. Жаль только, что по вине амбициозных политиканов она лишилась своей родины. Порой, конечно, тоскует по своему Карабаху. А что сделаешь? Ведь даже не выяснишь, жив ли её дедушка, или уже ушёл в мир иной. Так что для нашей милой Назгуль домом на всю жизнь стал Казахстан”, — закончил свой взволнованный рассказ мой славный друг Шора Байгожаев.

Окончание в следующем номере.

Юлия БОЧАРОВА

На солнечной стороне жизни

Многие художники предпочитают работать ночами. Вера Гаврилко пишет только по утрам. Ей нравится приходиться в мастерскую ещё затемно, чтобы распахнуть окно, не спеша сварить себе кофе, приготовить колера и палитру и без суеты встретить рассвет. Она берётся за работу, едва солнце начинает золотить своими лучами крыши окрестных домов. «Это магическое время, — убеждена художница. — На мой взгляд, оно лучше всего подходит для творчества».

И зрителя не покидает ответное отчётливое чувство, что ликующими лучами многочисленных утр, встреченных в мастерской, залиты все картины Веры. Художница предпочитает работать в тёплой охристо-золотистой гамме, выделяя смысловые акценты сочными мазками чистого — локального, как говорят живописцы, — цвета. «Говоря о творчестве Веры Гаврилко, я бы отметил, в первую очередь, её главное качество — она, безусловно, сильный колорист, — отмечает старейший художник Северного Казахстана, преподаватель живописи Валерий Савельев. — Для Веры цвет — не проклятие, а благословение. Она чувствует себя в колористике как рыба в воде, не боится работать на контрастах, не боится сочетать, казалось бы, не сочетаемое. Да, она далека от канонов академизма. Ну и что с того? Ведь победителей, как известно, не судят...».

Журналист, фотограф, писатель, автор многочисленных эссе, Вера пришла в живопись абсолютно не традиционным путём — через увлечение компьютерной графикой. В 2002-2003 году в Петропавловске прошли две её персональные «цифровые» выставки — «Лики весны» и «Другие берега», которые стали настоящим открытием для зрителей. В графических листах Веры Гаврилко не было и намёка на кислотные цвета и космические сюжеты, характерные для «компьютерного искусства» в целом. Напротив, эти выставки рождали ассоциации с миром нежной акварели, построенной на полутонах, игре света и тени. «Нет ничего удивительного, — смеётся Вера. — Ведь я начинала как акварелист, работала в технике «а-ля прима». До сих пор испытываю сильное ностальгическое чувство к акварели, хотя сейчас мне больше нравится самовыражаться при помощи живописной техники».

Пришло признание и на международном уровне. Прошлый год был для художницы плодотворным. Она стала участницей Первого международного культурного симпозиума в Астане и другого большого проекта — международной выставки «WomenArt 2», которая состоялась в галерее «CONTRASTE» (Германия). Среди своих коллег — художниц из Италии, Германии, Турции, Франции, Грузии, стран Балтии — нашей землячке выпала честь единственной представлять женское искусство Казахстана. И она прошла это испытание достойно. По отзывам немецкой прессы, живопись Веры Гаврилко отличается динамикой, хорошим чувством ритма и композиции и вдобавок по-женски очень изящная и стильная. Зрители выражали свои восторги более непосредственно: «Я увидела работы художницы из Казахстана и сразу поняла, что куплю парочку её холстов для своей гостиной, — написала одна посетительница в книгу отзывов. — Они такие радостные, что будут повышать наше настроение даже в пасмурный день!».

Художница признаётся, что для неё очень важно её ближайшее окружение: «Творческий и семейный союз с известным казахстанским живописцем Валерием Крестниковым стимулирует наше с ним развитие, не даёт застаиваться. Валера — мой самый первый читатель и зритель. И, кстати сказать, очень жёсткий критик. Если ему что-то не нравится, он не будет подыскивать щадящие для моего самолюбия выражения — скажет всё, что думает. Такая искренность дорогого стоит».

Быть искренней, открытой и доброжелательной к людям и ко всем существам на земле — этому правилу «солнечная художница» старается следовать и в творчестве, и в повседневной жизни...

г. Петропавловск.

Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Еркегали по прозвищу “Кошмарик”

Повесть

Часть первая

Каникулы

Вот и закончился ещё один учебный год. Я стал семиклассником. В этом году уроки литературы у нас вела Татьяна Ивановна — выпускница университета, или просто красивая девушка, в которую влюблены все ученики нашей школы. Она заразила наш класс журналистикой. Расставаясь с нами на каникулы, предложила нам завести дневник, который дисциплинирует будущего журналиста, а в дальнейшем может оказать неоценимую услугу при написании мемуаров.

— Я знаю, каждый из вас талантлив! Ваш класс лучше всех в школе пишет сочинения. Пишите, не стесняйтесь излагать на бумаге свои впечатления, мысли, рассказывайте о любых событиях, важных или смешных. Пишите о детстве, пока свежи воспоминания. Можете попробовать написать книгу, пусть это стимулирует вас! Я уверена, что среди вас появится писатель. И даже если он не отличник, а троечник, я гарантирую ему пятёрку за весь учебный год. Я не тороплю вас, дерзайте! Лучший автор сможет опубликовать свою книгу. Она может стать гордостью школы. Пусть это вдохновит вас, у некоторых учеников появится шанс исправить свои оценки! — заинтриговала нас учительница. — Я понимаю, не каждый из вас может стать писателем, но попробовать дано каждому.

Дария Тукеновна ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

родилась в 1951 году в Темиртау. По специальности экономист, работала в торговле, занималась предпринимательством. Ныне на пенсии, живёт в Караганде.

Автор книг “Мужчины умеют ценить умных женщин (2005), “Еркегали по прозвищу “Кошмарик” (2007). Победитель конкурсов “Легенды Казахстана” (2007), “Золотая табуретка” (Бишкек, 2007), “Моя родина Казахстан” (2007), номинант премии “Исламский прорыв” (Москва, 2005).

Много пишет для юного поколения. Неоднократно публиковалась в российских детских изданиях: в журнале “До шестнадцати и старше” печатались её юмористические рассказы, в других — стихи для детей. В “Ниве” произведения Дарии Джумагельдиновой впервые были представлены в февральском номере 2008 года.

Предлагаем читательскому вниманию журнальный вариант её повести “Еркегали по прозвищу “Кошмарик”, адресованный как детям, так и взрослым.

— Еркегали! — обратилась она ко мне. — У тебя есть литературный дар, если ты займёшься грамматикой и попробуешь свои силы, то в дальнейшем, может, станешь писателем!

Из школы я пришёл в хорошем настроении, не удержался и похвастался маме. Она обрадовалась и предложила:

— А почему бы тебе не попробовать? Писателем ты не станешь, зато от троек по русскому языку избавишься!

Я любил литературу, за сочинения у меня стояли пятёрки, а вот за орфографию — сплошные тройки. Склонность к точным наукам была от отца. Втихаря я писал стихи, прятал их от мамы. В детстве она тоже мечтала стать журналистом. Моя мама обрадовалась возможности на время летних каникул привязать меня к дому и избавиться от головной боли где меня искать.

Однако я с утра до вечера играл с друзьями в футбол. Однажды мама не выдержала:

— Хватит без толку гонять мяч! Тебе дали шанс избавиться от троек, избавляйся.

Я решил, что мама шутит, но она и не собиралась шутить. Закрывая мою дверь на ключ, заявила:

— Садись и пиши! Мы создали для тебя все условия! Купили новый компьютер. Уважь нас! Ты должен стать дипломатом, как я мечтала. Трочникам в МГИМО* делать нечего.

— А ты меня спросила, — ругался я из своей комнаты, — хочу я стать дипломатом или нет?

Я ругал себя за свой язык: “Пропали мои каникулы! Отношение родителей ко мне изменилось, с годами они стали строже”. Их мечтой было дать мне хорошее образование. У моих родителей было много друзей, при встрече они хвастались успехами своих детей. Особенно много говорили об образовании и признавались, что не осуществили свои мечты, но верили, что их дети покорят недоступные им вершины. А в беседах они жаловались, что их дети не хотят быть юристами и экономистами.

Все родители гордятся детьми. Одна наша знакомая оказалась в неловком положении. Её сын получил престижную премию по музыке. Его поздравляли, желали и в дальнейшем покорять музыкальные вершины, стать известным музыкантом. А он с досадой воскликнул: “Я не хочу быть музыкантом, я хочу стать художником!”. Все были поражены, а мать, краснея от злости или от стыда, пояснила, что в детстве, обнаружив у сына абсолютный слух, она отдала его в музыкальную школу. Мальчик оказался талантливым, но до конца не понял своё предназначение и не хотел посвящать свою жизнь музыке. Он страшно огорчил всех своим признанием. А мой отец поддержал его: зачем заставляешь ребёнка делать то, что ему не по душе?

Та же участь ожидала меня — моя мама хотела видеть меня дипломатом. Сколько раз я подлизывался к ней и говорил: с такими ушами меня не возьмут. Внешность дипломата — лицо государства. В Европе будут думать, что все казахи такие ушастые, но её нельзя было переубедить.

— Весь мир признаёт, что казахи — хорошие музыканты. Много молодых казахстанцев работает по контракту в Европе. Среди них есть признанные таланты. Взять Марата Бисенгалиева — величайшего скрипача мира,

*МГИМО — Московский государственный институт международных отношений.

который не забывает своих корней, свою Родину. Он создал в Западном Казахстане музыкальный оркестр, которым сам руководит, часто приезжает туда с ведущими скрипачами мира и проводит мастер-классы. А Майру Мухамет-кызы впервые в музыкальной истории Казахстана пригласили во Францию по долгосрочному контракту парижского театра “Гранд-Опера”.

Примеров у неё было много.

Оказывается, насчёт меня у мамы были наполеоновские планы! Мне жаль было расставаться с улицей и с друзьями, и я пригрозил маме:

— Я всю правду напишу о нашей семье! Потом не обижайся!

Она ответила:

— Пиши, обижаться не буду: устами младенца глаголет истина!

Она издевалась надо мной.

Мой новый компьютер не подозревал, чем придётся нам с ним заняться летом. Кроме компьютерных игр, перекачки чужих сочинений да папиного преферанса он серьёзным ничем не загружался. Я обратился к нему: “Дружок, помоги мне!”.

Синий экран включился любимой мелодией “Танец с саблями” Арама Хачатуряна. Услышав воинственную музыку, я почувствовал прилив сил и готовность воевать против диктата семьи.

Своими испорченными каникулами я обязан любимой учительнице и маме. Я опишу не самые лучшие годы моего детства. Напишу всю правду о нашей семье. О разногласиях между отцом и бабушкой. О своих переживаниях, взлётах и падениях. Чего было больше в моей жизни, я оценю сам. Может, моё повествование изменит отношения между моими родными. И отец задумается над своим поведением, станет уважать маминых родственников. Почему-то взрослые считают детей глупыми, я же чувствовал, что в нашей семье не всё нормально, и очень переживал.

Я решил зашифровать будущую книгу. И только закончив последнюю страницу, я дам маме её прочесть, думаю, после этого у неё пропадёт желание приучать меня к писательскому труду.

О, я устрою ужасную месть своим домашним! Я никого не буду жалеть, в том числе и себя.

Родители, трепещите! Я хорошо помню и люблю своё раннее детство, когда был счастливым ребёнком, пока не пошёл в детский сад! С этого и начну.

Еркегали — мальчик-озорник

Здравствуйте! Меня зовут Еркегали. Так звали отца моей бабушки. Говорят, он был добрым и хорошим человеком. У казахов принято уважительно уменьшать имена взрослых. Но не из уважения к моей персоне зовут меня Ерке, что в переводе означает “озорник, баловник”. Моя старшая сестра утверждает, что я родился хулиганом. Моему отцу не нравится, что моё имя сокращают.

— Что можно ждать от ребёнка, которого называют озорником? — обижается он, когда соседки жалуются на меня.

— Я уверен, что оно моему сыну, кроме неприятностей, ничего не даст и может предопределить его судьбу. Все относятся к нему как к озорнику, и в этом вина твоей матери! — обвиняет он маму. — Ты хотела, чтобы твоя мать дала имя нашему ребёнку! Кто такой твой дедушка Еркегали? Кем он был? Никем! Ничего в своей жизни не добился, ни к чему не стремился!

Всю жизнь проработал табунщиком. Зачем обрекать ребёнка на серость? Я хочу, чтобы у моего сына было хорошее, звучное имя знаменитого человека и чтоб он равнялся на него!

Мама задавала ему один и тот же вопрос:

— Где ты был раньше? Почему тебе разонравилось его имя? Чем мой дедушка не угодил тебе? Я знаю многих людей, названных в честь знаменитостей: Чингисхан, Спартак, Рафаэль, но от этого они не стали ни знаменитыми, ни великими. Многие из них спились, стали бомжами. Ты думаешь, если бы мой дед был генералом, то и наш сын бы им стал? Главное — воспитать из него хорошего человека!

Как назло, я помню, в тот день по телевизору шла передача “Что в имени твоём?”. Известный педагог рекомендовал родителям давать детям красивые, звучные имена:

— Правильно поступают те родители, которые дают своему ребёнку имя знаменитого человека! В дальнейшем это повлияет на его характер. У детей, названных в честь великих полководцев, появляются отвага, храбрость, удаля — характерные черты этих людей. У детей, названных в честь людей искусства — композиторов, писателей и художников, проявляется склонность к музыке, поэзии и живописи. И наоборот, если у ребёнка имя родственника-неудачника, то аура над ним будет мрачная. Он может стать пессимистом.

Отец обрадовался: “Что я говорил! Учёные подтвердили, что я прав! Давай поменяем имя ребёнку, пока не поздно!”.

Мама заплакала: “Что я скажу своим родителям, знакомым? Какой позор будет! Не в имени дело!”.

Когда наша бабушка приходит к нам в гости, она целует меня и говорит: “Как я завидую тебе, малыш! У тебя нет проблем!”.

Ах, если бы знала моя бабушка, что она и создала проблему нашей семье! Я считаю, отец прав, и с удовольствием поменял бы своё имя! Но никому в этом не признаюсь! Все считают его моим прозвищем. Если я скажу об этом вслух, обижу бабушку и создам проблему маме. Мои родители начнут ссориться и долго не будут разговаривать. В такие дни в квартире становится неуютно: мама плачет, а папа сидит в своём кабинете и ни с кем не разговаривает, даже со мной, со своим наследником.

Почему бабушка не догадалась дать мне имя другого родственника? Или в её семье нет знаменитых людей? Возможно, я стал бы другим человеком!

Вообще я “незапланированный” ребёнок. Моя мама поздно поступила в аспирантуру. До этого занималась воспитанием моей сестры. Когда она готовилась к защите диссертации, врачи объявили ей: “Ждите малыша!”. Папа обрадовался и сказал: “Для нас ребёнок — главнее!”. А я главным себя в нашей семье не считаю!

Моя старшая сестра говорит, что я не вовремя родился.

— Это ты виноват, что мама не стала кандидатом наук, загубила свою карьеру! — обвиняет меня сестра.

А мама возражает ей и говорит всем: “Я родила Ерке и стала счастливой женщиной!”.

А сестра ей не верит и заявляет мне: “С твоим рождением жизнь в нашей семье превратилась в ад, а моя стала кошмаром! Целыми днями ты пищал, требовал внимания к себе, мешал мне готовиться к урокам”.

Недавно по телевизору шла передача о новорождённых детях. Оказывается, это происходит со всеми новорождёнными! И называется

физиологией человека! Врач пояснила, что это нормальный процесс. А сестра уверяет, что она была здоровее и родители с ней не мучились.

Я родился слабеньким, потому что моя мама целыми днями работала над диссертацией, ездила часто в командировки и не уделяла внимания своему здоровью. Поэтому я переболел всеми детскими болезнями.

— Никогда не думала, что через одиннадцать лет судьба подарит мне сына! — признаётся она своим подружкам.

— Зачем ты родился? Без тебя мне так хорошо жилось в нашей семье! Ты украл любовь моих родителей! С твоим рождением закончилось моё детство! — ругается сестра.

Она не понимает, что все мужчины мечтают иметь наследника. Мой папа счастлив: я — продолжатель его рода. Моей сестре наплевать на наш род, она только о своём благополучии думает! Поэтому она меня ненавидит — я ей мешаю! Она постоянно за это мне мстит. В спальне бросается то подушками, то одеялами, потом зовёт маму и жалуется, что я ей мешаю заниматься, она как будто нечаянно роняет на меня ножницы, книги, тяжёлые предметы. И всё это получается у неё как несчастный случай. И виновным всегда оказываюсь я!

Чебурашка

Скоро я пойду в школу. У меня некрасивые большие уши. При виде меня малыши радостно кричат: “Чебурашка!”. Я не разделяю их восторга, постоянно хожу в фуражке, которая не скрывает мой недостаток. Можно считать, что мне не повезло ни с именем, ни с внешностью!

Я с детства маленький и худой, и от этого уши смотрятся ещё больше.

Соседки во дворе сочувствуют маме: “Он у вас такой худой — одни уши торчат!”.

Моя сестра Жанна ехидно спрашивает меня: “В кого уродился ты ушастым? У нашей родни ни у кого нет таких ушей! Может, в больнице нам заменили тебя, Чебурашка?”.

Моя бабушка застывает за меня и возмущается: “Кто придумал эту игрушку! Ни зверь, ни человек! Почему из-за неё должен страдать мой внук?”.

“Как тебе не стыдно? — обращается она к моей сестре. — Вместо того чтобы жалеть своего брата, ты со всеми дразнишь его! Разве не видишь, как страдает ребёнок?”.

А Жанна отвечает: “Этого ребёнка так любят, что не мешало бы ему немного пострадать!”.

А бабушка сочувственно признаётся: “Я точно знаю, в нашей родне таких ушастиков нет!”.

Как-то она поинтересовалась у отца: “Может, в вашей родне были такие?”.

Он грубо ей ответил: “Ищите у себя!”.

Бабушка обиделась. А мама отругала: “Вечно ты задаёшь моему мужу глупые вопросы!”.

Дедушка добавил: “Оттого, что ты узнаешь, ничего не изменится. Уши Ерке не станут другими”.

“Дорогие родители! Пора признать, что ваш сын родился хулиганом! — ехидничает моя сестра. — С самого раннего возраста он страдает комплексом неполноценности, в каждом ребёнке видит своего врага. Я писала курсовую по этой теме и на примере брата провела эксперимент. И получила

пятёрку!». Мама возражает ей: «Откуда в его возрасте комплекс неполноценности? Он умный и симпатичный малыш. Мы все его любим. Какие у него красивые круглые глаза, а какая улыбка!».

А сестра, как всегда, ехидничает: «А какие у него уши? Как посмотришь фильм про Чебурашку, так и хочется спросить у братика: «А где твой друг крокодил Гена?»».

Мои родители переключают телевизор, когда показывают этот мультфильм. Они не хотят, чтобы я его смотрел. Он им не нравится!

Я считаю, что герои этого фильма здесь ни при чём! Чебурашка — хороший персонаж, добрый и неконфликтный, не то что я. Возможно, Жанна права — я родился хулиганом! Я чувствую, где могу командовать. От рождения я храбрый и нахальный.

По лицам некоторых мальчишек вижу: не все любят ссориться. В нашем дворе соседки называют меня хулиганом. Моё бедное тело всегда в ссадинах и синяках. Мне приходилось обманывать своих родителей, говорить, что я споткнулся или упал. Даже маме я не разрешаю входить в ванную. Она гордится мной и считает, что я вырос. А я не хочу, чтобы она видела мои синяки, искала моих обидчиков и устраивала им разборки.

Отец понимал: из-за ушей у меня возникнут проблемы в жизни. Он с самого раннего детства обучил меня некоторым приёмам, при помощи которых я смог бы защитить себя. Когда он стал тренировать меня, то был поражён, с какой яростью я боролся, и решил отдать меня в секцию борьбы. А мама и сестра отговорили его. Они были правы! Во время тренировок мои соперники будут хватать меня за уязвимые места, ими окажутся уши. А позже отец признался, что в моём возрасте он был другим, не таким злым и напористым.

«Мой сын многого в жизни добьётся!» — сделал он вывод и теперь гордится моими успехами.

На кого я похож?

В последнее время меня стал мучить этот вопрос. Возможно, права моя сестра. Во всех семьях обычно дети похожи на родителей или родственников. А я получается — ничейный. Когда я об этом сказал бабушке, она страшно обиделась и сказала:

— Ты — копия своего отца!

— А почему я ушастый?

Она ответила: «Чтобы знать, на кого ты похож, надо знать предков до седьмого колена. Мы с дедом знаем до пяти. А твой отец вообще ничего не знает о своих корнях. В старые времена, когда не было врачей, казахи хорошо знали свою родословную. Поэтому родители сами женили своих сыновей и выдавали замуж дочерей. Они договаривались со своими знакомыми или друзьями, чтобы не испортить свой род. От здоровья молодожёнов зависело их потомство. Сейчас наступили другие времена. Даже мы с дедом не знаем свою родословную, а твоё поколение и подавно знать не будет! Твоя сестра никогда не выйдет замуж за нашего избранника. Молодёжь не слушается старших, поэтому их браки распадаются».

Я предложил бабушке: «Ты сама выберешь мне невесту!».

«Нет, внучок, выбирать будешь сам! Я понимаю, ты комплексуешь из-за своих ушей. Боишься, что никто за тебя замуж не пойдёт. Там, на небесах, расписана жизнь каждого человека. Ты не останешься без своей

половинки. Жаль, что я ничем не смогу тебе помочь! Не могу даже тебе сказать, от кого ты их унаследовал! Ты должен знать — неспроста у тебя такие уши! Возможно, ты станешь знаменитым композитором или артистом! Подожди немного, когда вырастешь, тебе сделают операцию, и ты навсегда избавишься от этого прозвища”.

А ждать мне придётся очень долго! Потому что маленьким детям такие операции не делают. Дедушка тоже решил меня поддержать: “Каждый день в мире происходит чудеса, и в медицине тоже! К тому времени придумаю другой способ уши уменьшить, как в сказке “Про маленького Мука”. Проглотишь таблетку, и они уменьшатся!

Секрет

Однажды сестра сказала: “Хочешь, я открою тебе секрет? Ты никогда не узнаешь, в кого родился ушастиком! Потому что родители тебя усыновили и ты нам неродной. Может, кто-то из твоих родителей имел такие уши! Но об этом никто не знает и не скажет тебе!”.

После её откровений я не мог уснуть, всю ночь ворочался и только под утро заснул. Утром мама не могла меня добудиться. Я ходил расстроенный и казался больным, потому она решила положить меня в больницу на обследование.

Я не хотел оказаться в больнице и признался ей, что всё знаю!

“А что именно?” — удивлённо спросила она. Я решил не выдавать Жанну и обратился к маме с такими словами: “Вы с папой — прекрасные родители! Я благодарен вам, что вы меня усыновили”. Мама остолбенела: “Кто тебе сказал такую чушь?”.

В тот день был выходной, Жанна была дома. Она расхохоталась и призналась маме: “Я придумала, а сыночек твой поверил!”.

Хорошо что папа был в отъезде. Мама отругала сестру и сказала: “Считай, тебе повезло, что нет отца дома! Если бы он услышал об этом, ты бы сильно пожалела, что издеваешься над своим братом! Какой позор, тебе не жаль было его! Бедный Ерке, как он страдал из-за твоей глупости и подлости! Как ты можешь ненавидеть его, такого доброго, доверчивого и беззащитного? Он и сейчас тебя защищал! Как ты могла, взрослая девушка, додуматься до такого?”.

Сестра ответила: “Это дома он добрый и доверчивый! Ты бы видела, как он обижает детей и как с ними дерётся. Про него ты говоришь — беззащитный. А на улице что он вытворяет — просто кошмар!”.

Жанна поняла, что переборщила, и попросила у меня прощения. Я сказал: “Несмотря на то что ты взрослая, ты продолжаешь мне мстить. Не можешь простить, что я появился на свет и лишил тебя детства”.

Плупышка сестра обняла меня: “Я люблю доводить тебя. Но рада, что у меня есть младший братишка!”. Она показала мне фотографии, где мама была с большим круглым животом, и там была надпись: “Как ждём мы тебя, малыш!”. Впервые в жизни Жанна так ласково со мной разговаривала.

Иногда я лежу и думаю: если бы я родился раньше своей сестры, возможно, и внешность у меня была бы другой! Жанна — красавица, она всю красоту себе забрала. А если бы я родился раньше, то страдала бы она? Пусть лучше красивой будет сестра, девчонкам это нужнее! Ей нельзя быть Чебурашкой! Она не смогла бы защищаться. Когда сестра видит, что я смотрю в зеркало, возмущается: “Мог бы, Чебурашка, ты красивее родиться!”.

Она прекрасно знает, что от меня это не зависит! Просто ей нравится меня унижать.

Однажды я случайно услышал разговор моей мамы с подругой. Мама жаловалась, что Жанна не даёт мне покоя. Оказывается, когда я родился, сестра хотела выкинуть меня с балкона. Её подруга призналась, что в их семье произошёл похожий случай. Их старший сын вынес младшую сестрёнку в коридор.

— В тот день мы ждали гостей, — рассказывала она, — и думали, что малышка наша спит. В нашем особняке не бывает чужих, но иногда забегают бродячие собаки. Страшно представить, что могло случиться! А старший сын подходил к гостям и говорил, что хочет отдать сестрёнку в хорошие руки. У гостей это вызывало смех. Эти слова обычно говорит моя мама, раздаривая новорождённых котят.

— Такое поведение у детей называется детской ревностью, — пояснила она маме.

Мама ей призналась: “Я так боюсь, что Ерке узнает об этом и возненавидит свою сестру. Во всём виновата я! Родственники моего мужа хотели нас развести. Они настраивали Аскара против меня, говорили, что у него нет наследника. После рождения Ерке я была счастлива и считала, что он сохранил наш брак. Я полностью посвятила себя сыну. А Жанну считала взрослой девочкой и не замечала, что дочь страдает и ревнует нас к малышу. Она возненавидела брата, считая себя обделённой. Наш сын помог выжить моим родителям после несчастья с моим братом. Рождение Ерке было для нашей семьи счастьем. Я так хочу, чтоб Жанна полюбила Ерке! А она продолжает плохо к нему относиться. Вечно оскорбляет и унижает его. Он не показывает вида, не жалуется. Странно, он любит свою сестру!”

Бедная Жанна, я не знал, как она страдала! Я тоже знаю, что такое ревность. Я испытал это чувство, когда нам подарили котёнка. Он был маленький, едва открывал глаза, испуганно мяукал и постоянно мёрз. Мои родители испытывали к нему нежность, как к маленькому ребёнку. Они носились с ним, кормили из бутылочки и словно забыли о моём существовании. Я испугался, что котёнка они полюбят больше, чем меня.

Я специально к нему не подходил, старался его унижить и говорил, что не люблю котят. Но никто меня не слушал, взрослые не замечали, как я страдаю.

И только Жанна понимала моё состояние, она знала, что я ревную родителей к котёнку. И в отместку мне зацеловывала его, восхищалась им и называла умницей. Я устал от ревности и вечером притворился, что заболел. Как всегда, мама испугалась, мне жаль было её.

Я понимал, что поступаю нечестно, но решил навсегда избавиться от соперника и предложил маме компромисс: “Если не выбросите котёнка, я умру!”

Она страшно рассердилась: “Как тебе не стыдно? Ты злоупотребляешь моей любовью! Как я могу выбросить котёнка, которого подарили твоей сестре? Если обманом ты решил от него избавиться, я всерьёз могу тебя разлюбить”.

Иногда Жанна хитро улыбается и спрашивает родителей: “Почему вы Ерке не родили раньше? Он стал бы моим старшим братом и защищал бы меня от хулиганов! А так растёт и никакой пользы от него нет!”

А в ответ мама целует меня и говорит: “Вот какая выгода! Поцелуешь и обо всём забываешь! У него такой хороший запах!”.

А сестра морщится: “Мама, не говори глупости! Ничем хорошим пахнуть не может твой избалованный сыночек!”.

О бабушке и дедушке

До трёх лет меня воспитывала бабушка. Я был самым счастливым ребёнком на планете! Она начиталась книг о Японии и решила воспитывать меня по-японски, старалась никогда не ругать и не наказывать меня. Знакомые удивлялись её терпению и моей невоспитанности.

— Зачем воспитывать казахского ребёнка по-японски? — ругались они. — Возьми ремень и объясни ему по-нашему!

Если она стирала, я рядом пристраивался и стирал в маленьком тазу, если она пекла, я тоже возился с тестом.

— Ты должен вырасти хорошим человеком! — бесконечно повторяла бабушка. — Хорошо учись, будь послушным!

Эти слова я слышал каждый день. Японское воспитание меня не изменило. Я купался в её любви и не воспринимал её слова. Вдобавок я был непоседой и везде лез. В результате постоянно падал, разбивал коленки, пачкал одежду. Я скрывал под злостью свою боль, не хотел показывать своих слёз и поэтому кричал на неё от бессилия:

— Это ты виновата, что я упал и испачкал одежду. Ты плохо смотрела за мной!

Соседки возмущались моим поведением, а бабушка оправдывалась: — Мой внук станет прокурором! Виновных ищет!

А соседки отвечали: “Не надо нашему государству таких прокуроров!”.

Моя бабушка после моего рождения вдруг стала сочинять стихи. Знакомые смеялись над ней, а я полюбил её стихи больше привычных сказок. Однажды, когда я порезал пальчик, она перевязала его и мгновенно сочинила:

*Я сегодня порезал пальчик,
Стало больно и грустно мне,
А в квартире солнечный зайчик
Кувыркнулся на нашем ковре.*

*Он со мною весь день игрался,
Позабыл про свою я боль,
Хорошо, что солнечный зайчик
Прибежал поиграть со мной!*

Мне понравился её новый стих. Она прочитала мне много стихов, пока я уснул. А во сне я увидел солнечного зайчика и подружился с ним. Проснувшись, я не мог вспомнить, что произошло, про палец я даже не вспомнил.

Моя бабушка любит смотреть индийские фильмы. Она закрывается в зале, усаживается у телевизора, переносит туда телефон и не любит, чтобы её отвлекали. В детстве мне приходилось составлять ей компанию. В их фильмах добро побеждало зло. Преступник всегда наказан. Над бабушкой все смеялись, говорили, что эти фильмы наивные и глупые.

А бабушка защищала: “Я знаю, что сюжеты в этих фильмах из жизни простых людей. Правительство Индии каждый год объявляет конкурсы на лучший житейский сюжет, не мешало бы и нашему правительству

выделить денег казахстанским режиссёрам. Я с удовольствием бы посмотрела и наши фильмы”.

А дедушка после окончания сочувствовал бабушке: “Наплакалась?”. А мне он не советовал их смотреть, объяснял: несерьёзные, не для мужчин. Дедушка любит смотреть советские фильмы и современные детективы.

Я хожу с ним на стадион. Мы болеем за нашу футбольную команду. Но не всегда победа достается ей. В таких случаях дедушка возвращается домой понурый, ни с кем не разговаривает. Если выигрывает наша команда, у дедушки блестят глаза, он всю дорогу рассказывает про свою молодость. Я очень люблю дедушку и бабушку, и в выходные спешу к ним в гости. Отцу не нравится, что я там часто пропадаю.

Недавно к бабушке приходила корреспондент из городской газеты. Ей сообщили, что бабушка пишет стихи. Она всё время удивлялась и восклицала: “Только наши женщины могут так любить внуков! В шестьдесят лет сочинять такие замечательные стихи!”.

А мне, прощаясь, сказала: “Береги бабушку! Скоро мы о ней напишем!”.

Когда я возвратился домой, то рассказал всем, что приходила корреспондент из газеты. И что скоро о бабушке напишут в газете, и она станет знаменитой, Жанна обрадовалась и похвасталась: “Между прочим, первые стихи она посвятила мне. В то время никто не интересовался её стихами! Я не любила мыться с мылом. Однажды бабушка, купая меня, сочинила стихотворение, после которого мне понравилось купаться, и я полюбила воду”.

О моей мести

Этот случай любит вспоминать моя семья, мне это неприятно, но я решил рассказать всё, не жалея себя. Однажды, когда наша семья лепила пельмени, я по привычке взял со стола кусочек теста и стал помогать. Моей сестре не понравилось, как я их леплю. Она выгнала меня из кухни. Я пошёл в ванную, нашёл старый горшок, помочился в него и вернулся на кухню. Наша семья удивлённо посмотрела на меня и продолжила свою работу. Я улучил момент, когда все отвлеклись, быстро опрокинул содержимое горшка на готовые пельмени и закрылся в ванной. Мои родные были в ужасе. Отец обвинил мою бабушку во всех грехах.

“Твоя мать ненавидит меня, она не хотела, чтобы я на тебе женился. Она специально разбаловала нашего сына, чтобы отомстить мне!” — кричал разъярённый мой отец.

“Тебя не будут уважать люди!” — передразнивал он бабушку. — Ей наплевать, что над нами смеются знакомые. Она вырастила хама, который не уважает родителей!

— Что в следующий раз принесёт мой братец в горшочке, нетрудно догадаться! — возмущалась сестра.

Когда бабушка узнала, что я выкинул в очередной раз, обиделась на меня.

— Так не поступали даже варвары! Я хотела сделать из тебя настоящего мужчину! А ты поступил как неразумная девчонка! — возмущалась она. — Я понимаю, это был протест с твоей стороны! Что, им жаль было для тебя кусочек теста? Сам сделал, сам съел! Твой отец объявит мне войну! —

печально произнесла бабушка. — Всё равно я буду общаться с внуками! Он не имеет права запрещать мне видеться с вами!

Я понимал, что подвёл бабушку, не её вина, что она сильно меня любила. А я, неблагодарный, подставил её. После этого случая отец решил немедленно отдать меня в детский сад. О моей невоспитанности ходили анекдоты. На одной площадке с бабушкой жила тётя Наташа. Она помнила моего отца маленьким и любила сравнивать меня с ним. Однажды она решила угостить меня конфетой и предложила: “Ерке, какую конфету тебе дать — большую или маленькую?”. Я бойко ответил: “Что вы жадничаете, тётя Наташа? Отдайте мне обе!”.

Соседка отдала мне конфеты и, обидевшись, заявила: “Я не знала, что у Аскара растёт такой невоспитанный сын!”. При встрече с отцом она передала ему наш разговор. Отец возмутился: “Какой позор! Что из него вырастет?”.

В переполненном автобусе сердобольная женщина предложила взять меня на руки. Она поинтересовалась, как меня зовут, а потом предложила: “Расскажи мне стих, я угощу тебя конфетой!”.

Я спросил у неё: “А у вас много конфет?”. — “А зачем тебе, мальчик?” — удивилась женщина. Я важно ответил: “Я знаю много стихов!”.

Я с бабушкой смотрел её любимые передачи. Знал всех артистов “мыльных опер”, бабушка часто забывала и путала сюжеты, я помогал ей в них разобраться. Головной болью моей семьи оказалась моя хорошая память. Я легко запоминал все рекламы. Возвращаясь с прогулки, подходил к соседям, которые играли в домино или в шахматы, увидев недопитую бутылку пива, предлагал им попробовать новое, которое рекламировало телевидение.

Помню, как мы с отцом отправились за машинкой в ЦУМ. Встретив там однокурсницу, отец остановился поговорить с ней. Она держала в руках пакет, где чётко проступили контуры новой упаковки “Тампак”.

Я как знаток стал интересоваться, какие прокладки она купила, этим привёл в бешенство отца и довёл до краски женщину. Отец был разъярён и возмутился, что я отбился от рук, позорю его перед людьми. Несколько дней он не выходил на улицу. А ЦУМ перестал вовсе посещать. Я ему испортил выходной.

Я был избалован родными, многочисленными тётями и дядями со стороны отца и был у них вроде игрушки. Моя бабушка была опытным педагогом и понимала, что со временем мне надоест эта роль, я пойму, что взрослые играют со мной в детские игры. Мои родные любили, по-своему баловали меня, не задумываясь о последствиях. В их семьях не было маленьких детей.

В молодости моя бабушка мечтала стать оперной певицей. В их квартире стоял старый проигрыватель, она включала его и ставила пластинки. Она любила классическую музыку. Эта любовь передалась мне. Я запоминал имена великих композиторов, произведения которых с детства бабушка заставляла меня слушать. Они стали моими любимыми композиторами: Штраус, Моцарт, Бетховен, Рахманинов и Чайковский. Однажды мы смотрели мультфильм “Щелкунчик”. Я заявил, что музыку к ней написал Чайковский.

Отец удивился и спросил у мамы: “Откуда у него любовь к классике?”.

— Ты что, забыл? Я же рассказывала тебе, как моя мама хотела стать певицей, — ответила она.

Когда дедушка возвращался и звонил в дверь, бабушка почему-то поспешно выключала проигрыватель и прятала пластинки. У неё была тайна, о которой я не знал. Однажды дедушка ей сказал: “Ты сидишь, радуешься, слушаешь музыку, а наш сын никогда не вернётся”. Я хотел спросить у бабушки, про какого сына говорит дедушка. Она обняла его, и они вместе заплакали.

Ерке в садике

Когда я пришёл в садик, воспитательница объявила: “У нас есть мальчик по имени Еркегали, он является родственником композитора Еркегали Рахмадиева”. Оказывается, мой папа неправ, это имя не серой личности, а знаменитого композитора!

— Тебя мы будем звать Ерке!

В садике предсказания моего отца стали сбываться. Никто всерьёз не относился ко мне, считали все меня озорником. И относились ко мне как к хулигану. В жаркие дни мальчишки в садик приносили водяные пистолеты и обстреливали девчонок. Я оказывался виноватым. Потому что воспитательницы спрашивали у девочек: “Кай ерке сумен ойнады?” (Какой озорник игрался с водой?). Все девчонки дружно показывали на меня. Они знали только одного Ерке! Многие дети не знали родного языка.

Перед тем как пойти в садик, я дал родителям слово: ни с кем в детском саду не буду ссориться. С первых же дней дети стали дразнить меня Чебурашкой, я не мог с этим смириться. Я добился их уважения, как у себя во дворе, предварительно продемонстрировав своё умение драться. Родители побитых детей ходили к заведующей с требованием выгнать меня из садика. Заведующая была умной и справедливой женщиной. А летом её окно в кабинете было распахнуто, она не раз слышала, как дети оскорбляли меня первыми. Она приходила к нам на площадку и беседовала с детьми. Иногда угрожала мальчишкам пожаловаться их родителям.

Скоро наступит лето, я распрощаюсь с садиком и пойду в школу. Неужели всю жизнь мне придётся выслушивать оскорбления в свой адрес? Даже любимой бабушке я не признался, что боюсь идти в школу. Недобрая слава будет преследовать меня, отец боится моего будущего. Все считают меня озорником. Дети провоцируют меня, но они менее заметны, чем я.

Я редко встречаюсь с Андреем, мы живём далеко друг от друга. Он — сосед моей бабушки. Когда я прихожу к ней в гости, мы играем с ним и никогда не дерёмся, он никогда меня не обзывал. Сочувствует мне и знает о моих страданиях.

— Давай мыть машины, — однажды предложил он мне. — Я помогу тебе заработать деньги на операцию.

Я поблагодарил друга и рассказал ему, что детям моего возраста запрещено делать пластические операции. А Андрей не поверил:

— Враки, сейчас наступили другие времена, если врачам предложить деньги, они любую запретную операцию сделают.

А мама ответила мне: “Андрей неправильно рассуждает. Это взрослые разговоры. Возможно, он услышал их от взрослых, а может, кто-то в обиде на врачей и распространяет про них всякие гадости”.

Я воспитанник средней группы, в прошлом году старшую группу посещал мальчик по фамилии Сериков. У него не было проблем, как у меня,

с внешностью, его никто не обижал и не оскорблял. Он был хулиганом, дёргал девочек за косички, у мальчиков отбирал игрушки. Особенно он невзлюбил меня и не мог спокойно пройти мимо.

Он снимал фуражку, оттопыривал свои уши и кричал детям:

— Хотите увидеть настоящего Чебурашку, бегите ко мне!

Я долго думал, как отомстить ему. Наши площадки находились рядом, ему было скучно, он убегал из группы, не давал детям покоя. Я был младше его, и силы у нас были неравные. Но я придумал, как с ним расчитаться.

Три дня, не прекращаясь, лил дождь. Мы возвращались с прогулки, на улице было грязно, я поставил ему подножку, он упал. Я, насмотревшись боевиков, сел на него верхом, схватил его за уши, он хотел встать, я споткнулся, и мой резиновый сапог отпечатался на его лице. Весь персонал был в шоке. Наконец в детском саду нашёлся храбрец, который дал ему сдачи! Я заработал уважение к себе в садике. Сериков до вечера ходил с отпечатком сапога. Все радовались. На следующий день прибежала его мать и устроила скандал. Воспитательница объяснила ей, что с моей стороны это была защита.

Она кричала: “Если бы мой ребёнок был сыном директора института, как Ерке, тогда он был бы прав!”. А Сериков после этого ушёл из сада.

Обо мне

Когда я был совсем маленьким, моей сестре приходилось иногда присматривать за мной. Она называла меня вонючкой, потому что некоторые хозяйки по вечерам выгуливают своих собак возле детской песочницы, где они и справляют свою нужду. А другие хозяйки неаккуратно берут песок для своих кошек. Поэтому, когда я приходил с песочницы, меня начинали сразу купать. Мой отец пробовал несколько раз менять песок, но толку от этого не было никакого.

— Не может же Аскар поставить туда сторожей, — ругалась мама.

Жанна возмущалась, что мальчишки такие бестолковые. Где попало играют, постоянно пачкают одежду.

— Если бы ты был девочкой, у мамы меньше было бы проблем. Все мальчишки — неряхи, — делает она вывод, когда я возвращаюсь с прогулки.

Если бы моя мама родила ещё одного ребёнка, я бы его любил, заботился о нём. И не проявлял бы никакой ревности. Мне всё равно, кто родится: мальчик или девочка. Конечно, мне хотелось бы иметь брата — мы с ним играли бы в футбол. Однажды я попросил маму: “Роди мне напарника!”.

Вся семья смеялась надо мной, а отец прокомментировал: “Как влияют рыночные отношения на нашу жизнь. Все помешались на экономике. Рыночные отношения перешли в родственные. Дети вместо слов “братишка”, “сестра” говорят “напарник”. На улице дети играют в киллеров и крутых бизнесменов”.

Как я научился кататься на велосипеде

Ходить и говорить я стал поздно, в два с половиной года. В сравнении с сестрой очень поздно. Однажды мы с родителями поехали в гости к маминной подруге в Темиртау. За столом все веселились, а я не мог дождаться конца застолья. Никто не обращал на меня внимания. После обильной

пищи гости решили попить чаю. Хозяйка занесла самовар, он был не такой, как у бабушки, а современный, разрисованный. Проходя мимо него, я обжёгся. Я был очень сообразительным. Возвращаясь на своё место, я предварительно накрылся полотенцем. Гости это заметили, и каждый стремился обнять и поцеловать меня. Их поразила моя находчивость.

Как-то проведать нас приехала мамина знакомая с сыном. Моя сестра угостила их чаем и попросила немного подождать, родители должны были вернуться. Алёша, сын маминой подруги, увидев разбитую гитару, поинтересовался, кто на ней играет.

Я похвастался, что она принадлежит мне. Он попросил меня сыграть что-нибудь. Гитара была большой, я пристраивался к ней. Со временем я её раскурочил, струны жалобно дребезжали, а я умудрялся извлекать нужные мне звуки и сливался с ними в одном вопле. Позже я пел джаз, подражая американцам. Почувствовав, что моё выступление понравилось гостям, я около часа их развлекал.

Они не заметили, как вернулись мои родители. Алексей восхищался: — Было что-то вроде джаза, исполнял малыш талантливо.

Мои родители, вспоминая мои выступления, жалеют, что не сняли их на видео. С годами я разбил гитару, перестал петь, а может, в дальнейшем я мог бы стать известным музыкантом. А виновны были мои родные, они долго не могли решить, на каком инструменте я буду играть. Мама мечтала, чтобы я стал пианистом, отец хотел, чтобы я играл на скрипке, а сестра — гитаристом.

Отец решил научить меня кататься на велосипеде, соседи из окна с любопытством наблюдали за мной и моим отцом. Каждый день он выносил велосипед, сажал меня. Долгое время мне не удавалось его обуздать, я постоянно падал и разбивал коленки. Отец был терпеливее меня. Не знаю почему, но я самостоятельно не мог на него залезть. Он подо мной падал, а я, увидев улыбающиеся лица соседей, пинал его и уходил домой. Отец виновато поднимал велосипед, приводил в порядок и относил его домой. Соседи поражались терпению отца, жалели его и осуждали меня: “Этот хулиган не жалеет отца, постоянно устраивает истерики”. “Надо чаще его бить”, — поучали они маму.

Через год я всё-таки научился ездить на велосипеде, у родителей появилась новая головная боль — я старался на нём умчаться куда-нибудь подальше от дома. В придачу я был лентяем и не любил заносить его в дом. Если во дворе встречались знакомые или родственники, я приглашал их к нам в гости и заодно просил занести велосипед. Однажды я пригласил в гости незнакомого мужчину, при виде которого мама испугалась. В тот день отец вернулся с друзьями и выпроводил нежеланного гостя. А вечером по телевизору показывали портрет моего знакомого, который сбежал из следственного изолятора.

О поцелуях

Когда я прихожу из садика домой, мама целует меня и нюхает. Моя сестра презирает меня за это, она считает, что поцелуи позорны для мальчика:

— Что, соскучился, лизунчик? Тебе не противно, что тебя, как цветок, постоянно нюхают? Не разрешай никому себя целовать, ты не девочка!

Как я могу отказать своей маме, если она говорит: “Я тебя родила, чтобы целовать и нюхать!”. А как я могу запретить бабушке, если она меня вынянчила и вырастила! Это каким надо быть бессердечным! Отцу тоже не нравится, что я постоянно целуюсь с мамой.

— Еркегали, прекрати целоваться как девочка! — делает мне замечание отец. — Скоро ты пойдёшь в школу. Придут в гости к тебе одноклассники. А ты у всех на глазах будешь целоваться с матерью. Какой они сделают вывод? Они пойдут и всем расскажут. И вся школа над тобой будет смеяться!

А мама отвечает: “Что я совсем глупая, чтобы позорить своего сына?”.

Однажды мама с бабушкой решили при сестре и отце не проявлять никаких нежностей ко мне и заявили им: “Ерке вырос, и мы не хотим делать из него посмешище”. Вы думаете, им поверили?

Когда я остаюсь наедине с ними, то говорю им: “Идите и целуйте меня сколько хотите! Наверное, уже соскучились! Я как будущий мужчина не против поцелуев”. Если бы видели глаза моей мамы, то поняли бы: она без моих поцелуев не выживет! Это моя сестра не разрешала им себя целовать. В детском саду кто-то из девочек напугал её, сказав, что растянутся щёчки, и она быстро состарится.

Кем быть?

Я родился в воде, так захотел мой папа. С рождения хорошо плаваю. Папа хочет, чтобы я стал пловцом, сестра мечтает видеть меня боксёром. А дедушка видит меня футболистом, как Зидан или Пеле. Он говорит, что среди казахов нет знаменитостей в футболе, и уверен, что я закрою эту брешь. А бабушка ругается: “Что за амбиции в нашей семье? Вы столько хотите от маленького ребёнка, замучили его своими глупостями. Все мы должны думать, как воспитать из него хорошего человека! Мне всё равно, кем он будет! Главное — чтобы он был жив и здоров!”.

Однажды моя сестра призналась мне: “Хорошо, что ты родился! Мама и меня мучила: водила то на прослушивание, то на балет. Мне повезло, я оказалась бесталанной! Может, ты станешь знаменитым и прославишь нашу семью”. Кто-то посоветовал отвести меня на танцы, маме сказали, что из меня получится хороший танцор! “Он у вас лёгкий, пластичный, там станет уравновешенным”.

Я терпеть не могу танцы и считаю, что ими должны заниматься девочки. С моей мамой спорить бесполезно. В зале было много танцующих детей. Мне велели за ними понаблюдать, если получится, в такт повторять их движения. Среди танцующих пар были и мальчики. А некоторые стояли, как я, и не хотели танцевать. Мы все были жертвами родительских амбиций. Я вначале скучал, а потом стал передразнивать танцующих. У меня недурно получалось. При этом я корчил рожи, дети стали плохо танцевать. Я отвлек их внимание. На следующий день, когда мы снова пришли туда, мою маму попросили больше меня не приводить:

— Из-за вашего сына один мальчик описался. Отведите сына в цирк, из него получится замечательный клоун. Он очень хорошо смешит детей. Танцора из него не получится!

Я решил стать защитником Родины! Когда мы с отцом прогуливаемся по городу, в небе в одно и то же время появляется реактивный самолёт.

Он оставляет за собой белую полосу. Папа говорит, что это истребитель, он охраняет границы нашего Казахстана. Я хочу стать лётчиком! Чтобы и обо мне уважительно родители говорили своим сыновьям: “Этот лётчик охраняет нашу страну!”.

Когда мы с мамой возвращались из садика, к нам подошёл незнакомый мужчина и сказал: “У вашего ребёнка озорное мальчишеское лицо! Приведите его к нам. Он будет рекламировать детские игрушки, со временем может стать знаменитостью. У него хорошие природные данные”.

Мы решили с мамой об этом никому не рассказывать, сделать сюрприз родным. На другой день мы пошли в салон, мужчина этот начал меня фотографировать. Он попросил снять фуражку и долго меня снимал. Когда я отказался фотографироваться без фуражки, он изрёк: “Мальчик, твои уши — твой талант!”. На фотографии я получился смешным: с большими оттопыренными ушами и глазами-пуговками. Стало сразу понятно, на кого я похож. Мама развесила мои фотографии по стенам квартиры.

Вечером с работы вернулся отец, он был не в духе и, увидев мои фотографии, разозлился: “Я не позволю каждому бездарю делать посмешищем моего ребёнка. Мой сын не Чарли Чаплин!”. И обратился к маме: “Завтра вместе заедем к фотографу, и пусть он уничтожит плёнки”. Она долго его успокаивала: “Разве плохо, что наш сын станет знаменитостью?”. В конце концов они поссорились. Ура, я не буду артистом!

О моих неприятностях

Летом перед школой я вновь стал посещать бассейн. Отец решил, это спасёт меня от болезней, которым я подвержен. Мы, дошкольники, плаваем в маленьком бассейне, который называется лягушатником. Дети постарше плавают во взрослом бассейне. Они смеются над нами и называют нас лягушатами.

Мама обычно называет меня зайчиком, бабушка — беркутом. А сестра, если разозлится, — обезьянкой. А сосед всё время ругается и зовёт щенком, потому что я часто дерусь с его внуком. Никто из них не считает, что их прозвища для меня оскорбительны. И это в семье, где взрослые — образованные люди!

Я всегда попадаю в неприятные истории. На день рождения мне подарили полицейский набор — пистолет и наручники. Утром я прихватил их с собой в садик, мальчишки с удовольствием играли в преступников, я чувствовал себя комфортно в роли полицейского, арестовал Ержана и защелкнул на его руках наручники. Ключи от них, я, оказалось, забыл дома, чем вызвал большой скандал в садике. Мальчишке надоели мои наручники, а я не мог их снять. Воспитательница и заведующая звонили к нам домой, но дома никого не было. Среди детей началась паника, Ержан рыдал, требовал освободить его руки, воспитатели пробовали их отстегнуть. Как вы знаете, мужчин в садике нет. Пришлось заведующей вызывать с работы отца. Отец привёз ключи и был страшно зол. Дома меня ждали крупные неприятности. После этого случая заведующая строго запретила детям принести с собой игрушки. Родители умоляли детей не играть со мной. Молва о моих хулиганствах дошла и до них. А дети, как назло, тянулись ко мне, я был большим выдумщиком, даже в пасмурные дни в нашей группе было весело.

Побывав на даче у родственников, я заметил, что их соседи держат кроликов в тесной клетке. Мне их стало жаль — я их выпустил. Моим родным пришлось заплатить большую сумму, потому что кролики — не коты и назад не возвращаются. У знакомых моей бабушки я передавил цыплят, потому что впервые в жизни сел на большой велосипед. А так как я рулить не умею, не смог вовремя остановиться. И тут пришлось моим родителям раскошелиться.

Моя сестра утверждает, что кроме вреда и материального ущерба я нашей семье ничего не приношу. Я был совсем маленьким, когда мы ездили на отдых в Манкент, я убежал от них. Оказывается, поскользнулся и упал во взрослый бассейн. Меня спас подросток, и мама заплатила ему большую сумму. Он оказался нахальным и каждый день требовал у мамы на мороженое.

Когда мы возвращались из Алматы, с нами в купе ехал мрачный мужчина. Он ни с кем не разговаривал, а я, насмотревшись детективов, приставал к нему с расспросами. Он был весь в наколках.

Я спросил его: “У вас не было альбома или вы любите рисовать на себе?”. Он промолчал. Тогда я снова спросил: “А может, вы уголовник?”.

Он закричал: “Чтобы нарисовать на теле рисунки, не обязательно быть уголовником!”. А маму предупредил: “Заткните ребёнка, а то я заткну!”. Мама испугалась и запретила мне с ним разговаривать. Дома меня ругали и требовали, чтобы я никогда не лез к взрослым с глупыми разговорами.

А сестра добавила: “Хорошо, что он вас не зарезал!”.

Мои родители работают в институте. Почему-то ни папа, ни мама не хотят, чтобы я стал учёным. Как я понял, работа в институте не делает людей знаменитыми.

О женитьбе

Как только я вырасту, я сразу женюсь, потому что мне жаль мою бабушку. Она очень переживает, что умрёт и не увидит мою жену.

Моя бабушка говорит: “Как я хочу дожить до того дня, когда Ерке приведёт невесту в дом!”. Мне жена не нужна, она нужна моей бабушке. Я скажу невесте: “Живи с бабушкой! Она так мечтала тебя увидеть! Она будет твоей помощницей. От сестры нет никакой пользы. Она поздно приходит из института”.

А ещё я хочу рано жениться, чтобы мне, как моему отцу, не говорили: “Какой молодец дедушка! Как он любит своего внука!”. А он гордо заявляет всем:

— Я являюсь отцом, а не дедушкой!

Я хочу быть молодым отцом! В садике дети называют моего отца дедушкой. Я злюсь и дерусь с ними. Наша воспитательница поняла, что это мне не нравится. Она объяснила детям, что мой отец — профессор. Он очень умный, и поэтому у него выпали на голове волосы. После этого дети с уважением относятся к нему и кричат мне: “Ерке за тобой пришёл твой отец-профессор!”.

Моя мама называет отца “Мой тигр!”. Он совсем не похож на тигра. Однажды я сказал маме, что отец не похож на тигра, он высокий и худой. Она засмеялась и сказала: “Тогда он настоящий лев”. И на льва он не тянет! В зоопарке у льва красивая грива, а мой папа лысый. Мама сказала: “Ты ничего не понимаешь. Он — настоящий тигр!”.

Я сказал ей, что наш папа больше похож на жирафа. Она обиделась. Мне стало жаль её, и я спросил: “Интересно, как львица называет своего мужа? Тигром или человеком?”. Мама подыграла мне: “Я знаю — уж точно не зайцем. Возможно, на их языке тоже есть слова: “мой повелитель или царь”. А сестра добавила: “Мой мужчина!”. Мы все дружно рассмеялись. Какая у нас добрая семья!

Мои родители говорят, что все девочки должны быть капризными. Мою сестру можно назвать королевной по капризам. Отец выполняет любое её желание. Каждый месяц ей покупают новые наряды. В её комнате стоит шкаф, он скоро лопнет от её одежды. Моя сестра любит, когда отец дарит ей подарки. Она садится к нему на колени, целует его. А мне показывает язык. Я понимаю, что это провокация, и стараюсь не обращать на неё внимание. Отец никогда меня не целует.

Мужчины — не женщины! В такие минуты мама ссорится с отцом.

— Мог бы и сына приласкать! — возмущается она.

А он отвечает:

— Хватит ему ваших лобзаний! Целый день, как телёнка, с двух сторон облизываете!

Это он про маму с бабушкой говорит. Моей бабушке не нравится, что он так сурово обращается со мной.

А мама защищает отца: “У них так заведено!”. Это про его родственников.

Моей бабушке обидно за внука, она грозит как-нибудь забрать меня к себе насовсем: “Раз этот ребёнок никому не нужен!”.

Я считаю, отец прав! Наследника надо по-мужски воспитывать. В семье только отец зовёт меня Еркегали. Он требует, чтобы все так меня величали. Иногда отец говорит: “Еркегали — настоящий батыр!”. Значит, он мной доволен. Это высшая похвала, жаль, что редко меня он хвалит. Я часто огорчаю родителей и каждый раз клянусь им, что стану другим, но у меня не получается.

Мама обвиняет отца: “Ты научил его драться. Ты был хулиганом, но не сознаёшься”. Мне смешно представить отца хулиганом-мальчишкой. Я решил их рассмешить и сказал: “Мальчишка без драки, что девчонка без куклы”. Они рассмеялись, я их помирил.

О моих бедах

В прошлом году нашей семье выделили большую квартиру. Теперь мы встаём с мамой пораньше, нам дольше приходится добираться до садика. Автобусы всё время перегруженные. Я не люблю ездить на автобусе. Мне иногда кажется, что я умру в нём без воздуха. Взрослые в автобусе ведут себя плохо. Они ругаются между собой, толкаются, как дети. Когда мне становится трудно дышать, я обращаюсь к ним:

— Уважаемые взрослые! Среди вас едут дети, вы можете их раздавить!

Взрослые улыбаются, начинают смеяться, и в автобусе становится просторнее и веселее. А зимой взрослые меня не слушают, они очень злые, потому что замёрзли и долго ждали автобус.

Мне жаль моих родителей. Всю жизнь они торопятся то на работу, то боятся опоздать в садик. Однажды мы проспали и опаздывали в садик. Мама торопилась, я за ней не успевал бежать. Когда мы вышли с ней на улицу, я стал часто падать. Она начала меня ругать.

Я обиделся и заплакал: “Как я не буду падать, если я не успел переодеть тапочки!”. Во дворе лежал снег. Мама рассмеялась, и мы вернулись домой. Я не хочу так жить!

Я очень люблю зиму! Мы с отцом выходим вечерами на прогулку. На улице падает снег, снежинки, как балерины, кружатся в танце. Я ловлю их и рассматриваю: каждая снежинка — как цветок. Возле нашего дома горят разноцветные фонари, и снежинки тоже кажутся разноцветными. Вначале они похожи на мотыльков, одиноко кружатся в танце, с усилением ветра они сливаются в длинную полосу и похожи на бесконечную фату невесты-зимы.

Как-то во время прогулки я решил попробовать снег на вкус. Я лизнул свою лопатку, мой язык прилип. Из рта пошла кровь, я заплакал, наши соседи, услышав мой плач, прибежали и облили лопатку водой, и мой язык отлип. Когда приехали врачи, кровь продолжала наполнять мой рот. Я лежал на кровати бледный и испуганный. Врач приехал весёлый и всё время шутил со мной.

Как только мама вышла из комнаты, я спросил у него: “Скажите честно, не жилец я на этом свете?”. Врач расхохотался и стал расспрашивать, понравился ли мне снег. Я покачал головой. Он успокоил: “Не переживай, такое происходит со всеми детьми. Потому что все вы любопытные. От этого никто не умер, я надеюсь, что такое больше с тобой не повторится. Почему соседи оказали тебе правильную помощь? Возможно, это произошло и с их детьми”. Мне понравился этот мужчина. Я решил: когда вырасту, буду врачом и стану весело разговаривать с больными. Но отец отсоветовал: “Не очень приятная профессия!”. А мне снова не повезло, я упал с турника и разбил себе голову.

Когда меня привезли в больницу, я хотел встретиться с тем врачом. Оказалось, что эта другая больница и называется травматологическим отделением. Здесь много было детей с различными травмами и ушибами. После меня привезли мальчика, у которого была сломана нога. Ко мне подошёл врач и предложил пойти с ним. А маме велел посидеть, подождать. Мама попросила его проверить, нет ли у меня сотрясения мозга.

— А как вы узнаете, получил я сотрясение мозга или нет? — спросил я врача.

— А это будет зависеть, как ты будешь отвечать на мои вопросы, — ответил он.

— Как тебя зовут, молодой человек?

— Еркегали Аскарлович.

— Молодец! Ты любишь себя, малыш?

— Каждый человек должен себя любить, — парировал я его вопрос.

— Молодец! А жениться ты не собираешься?

— Я не знал, что вы будете задавать мне глупые вопросы.

После того как мне сделали перевязку, он привёл меня обратно. Мама, заикаясь, спросила:

— Как там он? Нет у него сотрясения?

— Не бойтесь, у таких детей его не бывает! — обрадовал её врач.

Дума я несколько раз пересказывал родным свой диалог с врачом.

Все восхищались мной, а отец поцеловал меня и торопливо ушёл к себе в кабинет. На глазах у него были слёзы, но я сделал вид, что их не заметил.

Об отце

Однажды отец похвастался своим знакомым, как научил меня читать. Оказывается, после родов мама начала сильно полнеть, ей предложили записаться на арабские танцы. Я с отцом оставался один и изнывал от скуки. Я без надобности входил в кабинет, отвлекал его и задавал кучу вопросов. Он не мог выставить меня за дверь, понимал, что мне скучно. И когда я порядком ему надоел, он взял со стола газету, показал мне в заголовке букву “о” и сказал: “Запомни её”.

А потом предложил: “Давай поиграем в такую игру. Попробуй отыскать эту букву в своих книжках”. Игра мне понравилась. Я старательно отыскивал всё новые и новые буквы. И незаметно выучил алфавит на радость маме.

Впоследствии она делилась с подругами и, восхищаясь, призналась: — Аскар — настоящий педагог! Я даже не заметила, как он, не прилагая особых усилий, научил алфавиту Ерке.

А рано читать я научился по методике мамы. Она по стенкам квартиры развесила слоги, а потом слова. Играя на ковре с любимым конструктором “Лего”, я запоминал их и быстро научился читать. После этого мама возомнила себя великим педагогом. Она делилась своим опытом, хвасталась моими успехами перед знакомыми. Они толпами приходили к нам, шумно пили чай, а я им читал книжки. Пока Жанна не сказала мне: “Хватит тебе работать на публику, перестань, как дрессированная обезьянка, развлекать людей. Отцу не нравится, что к нам постоянно приходят люди, а ты с мамой перед ними разыгрываешь спектакли”.

Как-то мы с бабушкой встретили её знакомую. Они долго болтали, а мне скучно было рядом с ними стоять. Поблизости находился цветочный магазин. Я подошёл и прочитал: “Ромашка”. А потом спросил у бабушки:

— Бабушка, а что в этом магазине одни ромашки продаются?

Её знакомая удивилась и переспросила, правда ли, что я умею читать. Я предупредил, что читать люблю большие буквы. Она вытащила свою газету и попросила её прочесть. Я прочитал ей все заголовки. Она сказала: “Слышала, что зять у тебя учёный, у него и сынок академиком растёт!”.

Однажды, когда дедушка ушёл получать пенсию, мы с бабушкой остались одни и решили попить чаю. Она включила газовую печь, раздался хлопок, и над баллоном вспыхнуло пламя. Я не испугался, подбежал к нему и завинтил баллон, как это делал дедушка. Бабушка восхищалась мной и всем рассказывала, какой я молодец. Когда отец услышал об этом, он побледнел и велел мне собираться домой.

А дома он заявил: “Я запрещаю нашему сыну ходить к твоим родителям”.

Мама ответила: “Хорошо, тогда разведёмся. Я устала от твоих капризов и глупостей”. А потом отругала бабушку: “Ты что при Аскаре рассказываешь такие вещи? Он так трясётся над нашим сыном!”.

А дедушка, узнав, восхищался: “Я горжусь тобой, внук! Молодец, не растерялся, увидел, как сделал дедушка, и повторил”.

Я люблю нашу семью, и мне не нравится, что папа не уважает мою бабушку, а дедушка редко бывает у нас дома.

Сестра говорит, что во всём виноват я. Долго не мог родиться! Отец ревнует меня к ним. Я не понимаю сестру: то она ругается, зачем ты родился, то зачем поздно родился? Разве это от меня зависело? Моя сестра вечно издевается надо мной!

Отец не любит, когда меня забирает бабушка.

Когда он приходит с работы, его первые слова: “Еркегали дома?”. Я не девушка, чтобы меня ревновали. Я люблю ходить в гости к своим родным.

Однажды я слышал, как мама жаловалась бабушке:

— Если Аскар будет так себя и дальше вести, я с ним разведусь. Мне родители дороже!

Бабушка отругала её:

— И думать об этом перестань. Мы скоро умрём, кому ты нужна будешь? Ерке нужен отец! Он озорной, а если отца не будет, он станет хулиганом.

Жанна возмущается:

— Что за ценность представляет собой этот ушастик? Из-за него прямо война между предками!

Вот каким может быть бесценным ребёнок, если поздно родился!

Я одинаково люблю родителей, а также бабушку с дедушкой. И хочу их помирить с отцом! Когда мои родители состарятся, я буду их кормить и за ними ухаживать. Это — обязанность всех сыновей! Моя глупая сестра не понимает, что сын — наследник и главнее дочери. Некоторые взрослые, когда стареют, становятся похожими на маленьких детей. Наша соседка по даче жалуется на своих старых родителей и возится с ними, как с маленькими детьми.

Она говорит старенькому дедушке:

— Папа, не ешь зелёные яблоки. Будет болеть живот!

Мама утверждает, что они с отцом не впадут в детство, потому что у грамотных людей мозги долго и хорошо работают.

— У меня, — говорит она, — хорошая наследственность.

Мой папа часто уезжает в командировки. Мне хочется сказать ему: “Папа, не уезжай, я без тебя скучаю!”. — Но я настоящий мужчина и не позволю себе говорить такие слова.

Иногда он забирает меня из садика, и мы пешком возвращаемся домой. Это самые счастливые дни в моей жизни, потому что папа много знает и умеет интересно рассказывать. От него я узнал, как появилась вселенная, что звёзды находятся далеко, до них лететь несколько тысяч лет. Что скоро в космос сможет полететь любой человек. Когда мама забирает меня из садика, она всё время торопится. Однажды я попросил её погулять со мной. Она ответила, что ей некогда. Тогда я предложил ей рассказать про космос.

Она сказала: “Зачем тебе рассказывать про дурацкие звёзды? Ты всё равно ничего не поймёшь!”.

Я разозлился и сказал:

— В садик за мной не приходи! Я хотел тебя проверить: ты такая же умная, как папа. У тебя нет времени поговорить со мной, ты всё время торопишься! Зачем родила меня, если я тебе не нужен!

Мама заплакала:

— Ты мне нужен, ты прав. Я совсем тебе не уделяю времени. Прости меня! У нас завтра комиссия. Я всю ночь буду готовиться к ней.

Мне стало жаль маму, и я попросил у неё прощения. Когда отец приехал из командировки, она пожаловалась ему.

Он разозлился:

— Наша мама — умная женщина! Вы должны любить свою маму! Гордиться ею! Благодаря вашей маме я стал доктором, учился в Москве. Ваша мама — хороший человек! Преданный друг!

Он потребовал, чтобы я извинился, и предупредил:

— Если ещё раз ты оскорбишь нашу маму, будешь жалеть!

Я никогда отца таким рассерженным не видел.

Родственница моей мамы возмущается:

— Твой муж, наверное, больной? Он разве не понимает, что ребёнку шесть лет? Общается с ним, как со студентом, ведёт с ним заумные разговоры. Зачем ребёнка перегружать? У него должно быть беззаботное детство! Твой сын рассказывает друзьям про инопланетян, как будто с ними общался. Твой муж хочет сделать из него гения. А как бы не получилось наоборот.

Про кота

Наш котёнок вырос, его назвали Барсиком. Я в детстве его не любил. Если в квартире наступала тишина, моя семья с ужасом искала нас. Он был маленький и не мог за себя постоять. Как-то я засунул его в супницу и ушёл. Вечером папа, читая газету, заметил, что в серванте у супницы поднимается крышка. Котёнок за день так проголодался и устал, что у него не было сил мяукать. Однажды семью разбудил страшный кошачий вопль — я никак не мог затолкать его в отверстие гитары. Коты растут быстрее, чем дети, и вскоре Барсик стал понемногу мне мстить. Он поджидал меня у дивана или у кресла и, убедившись, что рядом никого нет, бил меня лапкой, спрятав когти. Улик он не оставлял. Он был очень сообразительный, приносил всем членам семьи тапочки, кроме меня. А вечером, когда вся семья была в сборе, он приносил мячик и требовал уделить ему внимание как члену нашей семьи.

Когда он подрос, мы с ним подружились. Но приносить мою обувь он категорически отказался, мотивируя тем, что у нас небольшая разница в возрасте. А свои игрушки он охотно приносил мне и требовал в отсутствие других членов семьи его развлекать.

Случилось так, что я сильно заболел, кот взобрался на мою грудь и сутки пролежал, изредка меняя положение. Когда под утро он встал и ушёл, температура у меня спала, а кот два дня не вставал. Бабушка сказала, что он забрал мою болезнь. С тех пор мы стали настоящими друзьями. Он ночью приходит и ложится рядом со мной.

Мы жили на первом этаже, обычно из окна кухни мама присматривала за мной. Вдруг большая собака, бродившая без поводка, бросилась на меня, я закричал, кот выпрыгнул из окна и вцепился собаке в нос. Пёс заскулил, прибежал хозяин, кота не могли от него оторвать. Хозяину пришлось отвезти собаку в больницу, где ей зашили нос. Когда этот пёс проходит со своим хозяином мимо нашего дома, он с опаской смотрит на наше окно.

Про садик

Интересно, кто придумал детский сад? Этот человек, наверное, был злым колдуном или гномом. За что он возненавидел детей? Я люблю и не люблю ходить в садик. Особенно обожаю выходные дни или праздники.

По привычке просыпаюсь рано, притворяюсь, что сплю, жду, когда откроется дверь, войдёт мама и разбудит меня поцелуем, а я засмеюсь и кинусь в её объятия.

После ухода зимы деревья остаются некрасивыми, костлявыми. Большие жирные сосульки свисают с крыш. Возле таких домов опасно проходить. В прошлом году такая сосулька убила молодого мужчину.

Пришла долгожданная весна. Под окном звенит капель, а по квартире прыгают солнечные зайчики, приглашают поиграть, повеселиться.

Вокруг всё тает, ручьи превращаются в большие лужи, бегут, как маленькие дети, пуская пузыри, и исчезают, кружась в канализации. Небо становится торжественно-голубым, как наше знамя. Весь мир радуется весне, из нор выходят детёныши зверей, они, как мы, резвятся и радуются солнцу. На ветках набухают почки, вначале они мерцают слабыми зелёными огоньками. И вскоре появляются мелкие, как бисер, листочки. Дерево на глазах преображается, оно из дерева-подростка превращается в девушку-красавицу.

Родители рано укладывают меня спать, после просмотра передачи “Спокойной ночи, малыши!”. В садике мы спим после обеда, получается, что лучшее время своей жизни я должен проспять. В одной из взрослых передач говорилось, что вредно ложиться спать с полным желудком. А детей насильно после обеда укладывают спать. Потому что взрослые беспокоятся только о своём здоровье. А про детей говорят: “Они молодые, у них всё впереди!”.

Скоро я пойду в школу, и у меня не останется времени на игры. Как-то я предложил отцу:

— Можно с тобой поговорить по-мужски? Скажи честно, как мужчина мужчине: когда ты ходил в садик, тоже не хотел спать?

Ему стало неудобно, мама стала ему подмигивать, но победила мужская солидарность. Он честно признался, что тоже считал несправедливым спать после обеда.

Вначале я тоже страдал, а потом решил закрывать глаза и делать вид, что сплю. У меня богатая фантазия, иногда я закрывался одеялом и представлял себя в подводной лодке, а чаще чувствовал себя космонавтом или лётчиком.

Я не могу так делать, потому что у нас переполненная группа, кровати стоят близко друг к другу. Как только я закрываю глаза, мой друг Арман начинает мне щекотать пятки. Мы начинаем смеяться, и нас выгоняют в туалет. Там холодно и неприятно, туда приходит нянечка и требует, чтобы мы не мешали. Нас отовсюду гонят, мы возвращаемся в спальню, ложимся на свои кровати и засыпаем. Потом долго нас не могут разбудить.

У нас в группе две воспитательницы. Молодая — красивая и весёлая Дина Маратовна. Другая постарше — Сара Ахметовна, вредная и злая. Когда работает молодая, она знает, что мы не любим спать. Она даёт нам чистые листы, просит хорошо себя вести, мы сидим и рисуем.

А Сара Ахметовна заставляет нас убираться. Моя бабушка говорит: “Уборка — не мужское дело. Обязанность мужчины — работать, содержать семью”.

— Я настоящий мужчина, буду кормильцем семьи, а не домохозяйкой, и убираться в группе не буду! — заявил я своей воспитательнице.

— Тогда, — предложила она, — иди на детскую площадку и собери там бумажки.

Я вновь отказался, возмущившись, что я не побирушка. Она пригрозила мне, что выгонит из садика. А потом стала кричать, что я плохо воспитан, и обязательно об этом сообщит заведующей детским садиком, и меня не примут в школу.

Я испугался, потому что знаю: каждый ребёнок обязан учиться, окончить школу и поступить в институт. Я хорошо читаю, считаю до тысячи и могу писать. Когда бабушка узнала, что в школу берут только подготовленных детей, то страшно рассердилась:

— Если ребёнок умеет читать и писать, зачем ему школа? Вот теперь я понимаю, почему современные дети не любят учиться. Неужели министерство образования не понимает, что ребёнок должен всему научиться в школе? В классе вместе с учениками он должен знакомиться с буквами, складывать их в слоги, читать. Только там должен закладываться фундамент знаний. Как строитель по кирпичику он должен построить своё здание — знаний. И то, каким оно будет, зависит от учителя, от его любви к своей работе. Мне жаль современных учителей. Сколько они теряют от волшебства учебного процесса. В памяти моей и моих учеников навсегда запомнилась их первая учительница. Потому что вместе с ней они открывали таинства чтения.

Моей маме пришлось защищать школу. Она старалась объяснить бабушке, что наступил новый, XXI век. В школе очень сложная программа, дети должны много знать!

— А зачем усложнять для малышей программу? — возмущалась бабушка.

Мама пояснила, что в мире высокий технический прогресс, и это делается в интересах детей! Им легче будет освоить современную технику. Во многих семьях дети играют на компьютерах в игры, пользуются сотовыми телефонами, у родителей появилась возможность общаться с детьми, следить за их передвижением.

Бабушка возразила: “Я понимаю, если бы все семьи Казахстана имели одинаковый доход. Не в каждой семье есть компьютер. В некоторых селениях дети не имеют нормальных условий для обучения, школы ветхие, им дали компьютеры, а обучать их некому! Нельзя делать одинаковую программу для городов и сёл. И спрашивать надо по-разному. Дети стали другими, нет в их глазах озорства, они лишены свободы! Их лишили детства, у них компьютерные игрушки, сотовые телефоны. Ни дети, а сплошные роботы! Пусть ребёнок поиграет, зачем ускорять его развитие, технический процесс от него не убежит. А детство закончится, его не вернёшь.

Мама устала спорить с бабушкой и сказала: “Ты посмотри, как изменился мир! Это не наше с тобой время. Это время других детей. Ты слышала, появились дети индиго! Они предсказывают будущее, знают компьютеры, сочиняют серьёзные музыкальные и литературные произведения. С каждым годом их становится больше. Разговаривают с родителями по сотовому телефону, легко усваивают новую аппаратуру, не то что вы с отцом — не можете научиться пользоваться видеомагнитофоном. Всё время он у вас не работает. Американцы обучают своих детей с пятилетнего возраста. Ты же знаешь, какой высокий технический прогресс в их стране!”.

— Правильно, теперь решили делить детей на простых и индиго. Я проработала в школе сорок лет. С какими только детьми ни встречалась. Были среди них и гении, и, может, индиго. Они выросли и менялись, и не каждый из них оправдал надежды учителей и родителей.

— Ерке тоже развитый не по годам мальчик. Он много знает, читает, любит смотреть научно-познавательные программы. Разве плохо, что у современных детей высокий интеллект! Мы должны гордиться, что в мире такой высокий прогресс!

— Да, — сказала бабушка. — Я горжусь своим внуком! Он смотрит по телевизору рекламу и уже знает, какое пиво надо пить, какие курить сигареты! Часто смотрит взрослые передачи, воспитатели жалуются, что он много времени проводит у телевизора. Ведёт себя вызывающе, делает им замечания. Кроме этого, он смотрит жестокие боевики, поэтому он такой агрессивный. А Жанна не смогла ничего лучшего придумать, как написать курсовую о своём брате и опозорить его. А наши депутаты, которых мы выбирали, забыли о своих гражданах и принимают законы против своего народа. Посмотри, какая серость вокруг! На улице всё реже гуляют дети, всё реже слышен их смех. Их вечно пугают радиоактивными осадками, холодами. Ребёнок должен играть на улице и зимой и летом, бегать по лужам и ничего не бояться.

Я внука учила хорошему. Он знает, какие деревья растут в нашем городе, какие цветут цветы, какие птицы прилетают к нам весной. У него великолепная память, он всё схватывает на лету. Они с дедом сделали несколько скворечников и подкармливают птиц. Ерке — разносторонне развитый ребенок. Твой муж болен. Его постоянно преследует страх, он необоснованно придирается к нам. Летом я заберу внука в аул. Пусть общается с детьми, научится родному языку, полюбит красоту родной земли. Пусть почувствует себя настоящим мальчишкой. А мужа твоего я спрашивать не буду. Он мой единственный внук, я имею все права с ним общаться. Подготовь мужа, пусть он мне не перечит! Какой позор — мой зять не доверяет мне внука! Нам повезло, мы жили в другой стране, где уделялось внимание новому поколению. Мы не боялись ни морозов, ни дождей, не посещали детские сады. И выросли здоровыми и умными. Нас воспитывали на лучших традициях Советского Союза, на подвигах наших героев. Героям посвящали стихи, о них писали книги, быть героем было почётно, не то что в теперешние дни. Каждый из нас мечтал стать героем, принести пользу Родине. Не в каждой семье был приёмник, а про телевизоры мы даже не слышали. Люди сейчас меркантильные, ничем не интересуются. Ничего не читают. Героем сейчас быть стыдно. Им нет места ни в прессе, ни на телевидении. Все газеты пишут об убийствах и грабежах. Того требует наше деградировавшее общество! И виновны в этом люди, которые ленятся читать книги, готовы просиживать сутками у телевизора, глотая всю мерзость, которую им дают.

Окончание в следующем номере.

Асемгуль БАКЫТОВА,
корреспондент павлодарской областной
газеты “Звезда Прииртышья”

Соседи по планете

Филадельфийская хроника

“Попробуйте открыть свою Америку”, — такими словами напутствовал меня редактор перед дальней зарубежной поездкой. После Колумба и Америго эту великую страну открывали ещё миллионы и миллионы людей, теперь среди них и я. Современным первооткрывателям мачтовую вышку корабля заменило окошечко иллюминатора в самолёте, которое открывает прекрасные дали. Самым коротким полётом в путешествии оказался последний — из Вашингтона в Филадельфию.

Моей соседкой оказалась женщина лет 50-ти, которая глазом опытного путешественника, как оказалось позже, сразу раскусила, что я не из этих краёв. Жительницу Атлантического побережья во время всего полёта не покидал интерес к нашей стране, культуре, людям. Ожидая, что она первым делом спросит, где же находится наша страна, я показала на карте — вот, мол, мы здесь живём. На второй вопрос “Неужели в этом самолёте десять казахстанцев, и все они — журналисты?” мы друженько закивали головами. Да-да, все мы — журналисты из Казахстана.

Три недели провели казахстанские журналисты в Филадельфии (штат Пенсильвания, США) — в рамках профессиональной программы “Развитие медийных неправительственных организаций Казахстана”. Увидеть то, чем живёт Америка за границами полос газет, экранов телевизоров и радиоэфира, довелось десяти журналистам из Алматы, Караганды, Петропавловска и Павлодара. Не раз мы слышали от наших филадельфийских коллег о последнем крупном социологическом исследовании. У тысяч американцев спрашивали о том, какие профессии более всего пользуются уважением в народе, результаты, мягко говоря, расстроили: профессия журналиста заняла последнюю строчку, предпоследняя — за юристами. Причина этого, по мнению многих наших собеседников, — в существовании поддельной журналистики, которая пытается заменить собой стандарт традиционного качественного предоставления информации. А потерять доверие своей аудитории для каждого журналиста и средства массовой информации сродни самоубийству — говорят наши коллеги за океаном.

Кто платит деньги, тот заказывает музыку...

Публичному телевидению в США перевалило за тридцать лет, со времени выхода специального закона, но ситуация остаётся такой же — шаткое финансирование и преданность своему зрителю или наоборот — преданность зрителя своему каналу или радиостанции. Эти слова — кто платит деньги, тот заказывает музыку — полностью себя оправдывают по отношению к публичным средствам массовой информации. Об этом мы узнали на встрече с Биллом Симерингом, который был в числе основателей публичного радио в Филадельфии. “Если вы хотите, чтобы программа вышла в следующий раз в эфир, заплатите, пожалуйста”, — примерно с такими

заявлениями несколько раз в год выходят в эфир репортёры публичного телевидения. И люди поддерживают, и дают — кто по 40, кто по 60 долларов. Публичные СМИ в Америке имеют несколько источников финансирования: гранты Корпорации публичных СМИ, подписку и спонсорство. В США особенно востребовано из всех публичных СМИ — радио, а телевидение во многом потеряло зрителя из-за появления кабельного телевидения, которое идею создания тематических каналов заимствовало из публичного телевидения. С другой стороны, подпирает второй конкурент — коммерческое телевидение, от которого в последнее время всё-таки отошла более серьёзная часть аудитории: в публичном телевидении есть возможность поднимать проблемные нравственные темы.

Публичное телевидение берётся за проекты, от которого коммерческое просто отказывается в силу нерентабельности: к примеру, детские передачи. Именно из публичного телевидения вышла популярная программа “Улица Сезам”. Билл Симеринг привёл такую статистику: восемь из десяти знакомых редакторов слушают публичное радио. И другая статистика — в США существует двенадцать тысяч коммерческих и менее 500 публичных радиостанций. В неделю в США передачи публичных радиостанций слушают 27 миллионов человек. Восемь лет назад еженедельная аудитория публичного радио составляла более 22 миллионов человек, к 2006 году она увеличилась на пять миллионов слушателей.

Темы валяются под ногами

Третья старейшая в США газета “The Philadelphia Daily News”, основанная ещё в 1829 году, занимает восьмое место, опять же в США, по своему еженедельному тиражу. На счету коллектива редакции 18 престижных Пулитцеровских премий. Сегодняшний еженедельный тираж составляет около 335 тысяч экземпляров, около 700 тысяч экземпляров выходит в выходной день. Впечатляют другие факты — здесь работают около 300 журналистов, фотокорреспондентов, редакторов, дизайнеров и других технических сотрудников.

Местному читателю интересен комментарий редакторов по поводу всего: об истории борьбы за запрет строительства в городе казино, о церемонии избрания Гражданина года, о несвоевременной уборке мусора. В первые дни нашего пребывания в Филадельфии на слуху была история о современных “Бонни и Клайд”, молодой состоятельной паре, которая обманным путём получала доступ к финансовым накоплениям людей, просто воруя деньги с их кредитных карт, проникая в электронные базы данных. “Сладкую парочку” поймали с поличным — обнаружили более 20 тысяч долларов. Эта история обнародована на первых полосах нескольких газет. В этом же здании находится редакция другой, дочерней газеты этой же медиа-группы “The Philadelphia Daily News”. Аудитория у обеих газет отличается, но конкуренция между ними сохраняется от номера к номеру. Первым человеком, удивившим нас в редакции “The Philadelphia Daily News”, стал Майкл Шеффер, редактор отдела писем. Еженедельно в редакцию приходят сотни писем, преимущественно по электронной почте, около 60 процентов из них — жалобы по поводу преступности: кого-то обокрали, убили, засудили. Очень много писем в последнее время приходит из тюрем...

Какие здесь популярные темы? Один из материалов посвящался урокам хорошего воспитания: журналист ходил по школам, раздавал галстуки

и учил, как вести себя во время приёма на работу. Другой — французской кухне. Но две темы, которые волнуют почти всегда рядового американца, а значит имеют право появляться на первой полосе, — это погода и спорт. Средств массовой информации в США, свободных от этих двух “зол”, просто не существует: и если в газете появляется обычная информация о положении дел в “небесной канцелярии” и на дорогах, то на телевидении метеосводки даются чуть ли не через каждые полчаса. На редакционном совете в “The Philadelphia Daily News” обсуждались темы для очередного выпуска: будет ли это погода — в те дни на Филадельфию надвигалась снежная буря (по нашим меркам — тревоги не стоят выеденного яйца!) или всё-таки спорт: в хоккейной команде появился новый игрок. Тогда так и не пришли к согласию. Уже потом мы случайно увидели первую полосу газеты: спортсмен-новичок бредёт на фоне снежных хлопьев — журналисты всё-таки сумели объединить две популярные в Америке темы.

“Мы шли за своей мечтой”

В один из дней мы познакомились с сопрезидентами филиладельфийского отделения Азиатско-Американской ассоциации журналистики. Молодые девушки — Салика Хан и Шрути Л. Мазур — обе родились в Америке, бегло говорят на английском языке, при этом почти в один голос признаются, что чувствуют на себе недоверие своей читательской или зрительской аудитории, которое объясняется стереотипным мышлением. Здесь есть ещё люди, которые считают так: если английский не твой родной язык, то ты не сможешь объективно донести информацию. Поэтому они в разное время решили присоединиться к ассоциации.

— Если честно, мы не находим себе места и в родной стране, потому что давно считаем себя американцами, и в Америке ещё не стали своими. Как будто нет места в этом мире... — говорит Шрути Л. Мазур. — С другой стороны, я считаю Америку не плавильным котлом, а скорее салатом, приправленным разными национальными характерами. Есть возможность сохранять свою культуру, язык, обычаи.

— Почему я выбрала своей профессией журналистику? — продолжает Салика. — Я просто шла за своей мечтой, для американских иммигрантов она существует, а для детей иммигрантов в особенности. Я постоянно должна доказывать кому-то, что способна на большее, потому что я не “белая”.

Мысли девушек потом, уже на одной из последующих встреч, повторил журналист из местного телевидения:

— Моя раса написана на моём лице. Я до сих пор помню, как какой-то человек сказал мне, что с таким цветом кожи (он афроамериканец) следует продавать обувь, но я не продаю — и этим всё сказано. Я добился успехов в телевизионной журналистике.

Вашингтонская высота

Порог Национального пресс-клуба США мы переступили накануне его столетнего юбилея. Журналисты увидели почти все уголки пресс-клуба: это несколько залов для проведения пресс-конференций, а также баров; это огромный коридор с несколькими десятками фотографий известных американских журналистов; это и знаменитый бар. Он, кстати, когда-то первым в округе Колумбия получил лицензию на продажу алкогольных

напитков, а среди журналистов был знаменит своим шутливым титулом “самого правдивого источника новостей”. Интересна история одного из залов: до 1972 года женщинам Америки запрещалось быть членами клуба и разрешалось лишь присутствовать на совещаниях, но только сидя на балконе. Сейчас балкона в этом зале нет, а эта история имела своё продолжение: в ответ на запрет женщины-журналисты организовали в Вашингтоне собственный клуб. Кумиром тех лет была первая леди Америки Элеонора Рузвельт: она создавала новости — так о ней говорили. Она в 1940-х годах инициировала еженедельные пресс-конференции, на которые запретила появляться мужчинам-журналистам — любопытная информация для интересующихся гендерной политикой. И газеты Вашингтона вынуждены были тогда нанимать женщин-журналистов, чтобы получить доступ к информации. Она лично вела колонку в одной из газет. За сто лет пост президента Национального клуба занимали шесть женщин, главный кандидат на очередных выборах президента клуба в этом году — также женщина, как и главный кандидат на пост президента США.

Особый угол отведён символу Национального клуба — сове: золотых птах раздают членам клуба с 50-летним стажем, а серебряных — с 25-летним стажем. Сейчас в клубе состоит 3400 членов, около ста из них — владельцы золотых сов.

Следующий пункт в Вашингтоне — международная служба вещания “Голос Америки” — встретил казахстанцев надписью на дверях “добро пожаловать” более чем на 40 языках. Как известно, первая радиопрограмма вышла в 1942 году, сейчас радиослужба “Голоса Америки” вещает на 45 языках, а телевидение — на 23 языках. И ещё немного цифр: нынешняя еженедельная аудитория во всём мире составляет около 120 миллионов человек, а в 1969 году информацию о том, как на Луну высадился человек, одновременно прослушали 615 миллионов человек. За 65 лет “Голос Америки” завоевал авторитет надёжного и объективного источника информации: здесь говорят, что новости могут быть хорошими, новости могут быть плохими, но мы будем говорить только правду. На сегодняшний день “Голос Америки” не имеет казахстанской службы, из Центрально-Азиатского региона — только Узбекистанское отделение.

Фабрика новостей по-американски

Почти главный человек на американском телевидении — это метеоролог, тогда как у нас эта фигура не выделяется ничем примечательным, а там присуждается даже национальная премия в номинации “Лучший синоптик”. Вот и на совещание по подготовке выпуска утренних новостей обычно заглядывает диктор метеоностей, чтобы сказать о том, какая погода будет, что ожидается на дорогах. Как говорилось ранее, если надвигается шторм, информация о погоде появляется почти каждые 25 минут, даются отдельные включения с места событий и из студии.

На совещании под руководством вице-президента компании новостей NBC Криса Блэкмана обсуждают вчерашний выпуск новостей и называют лучшие сюжеты. Участвуют около 20 человек. Крис рассказал нам о приоритетах новостных тем. На первом месте — погода, которая обеспечивает рейтинг, на втором — преступления (в Филадельфии в год происходит более 300 убийств, и каждый горожанин заботится о личной безопасности), к сожалению, практически не освещается международная жизнь. Он неожиданно признался, что большинство того, что они освещают, это чушь:

— Главная работа новостной службы заключается в том, чтобы у человека после просмотра не опустились руки от депрессивности. Я порой дома сама стараюсь выключать телевизор, когда начинаются новости, чтобы их не увидели мои дети. В моих силах изменить понемногу — я стараюсь давать больше позитивных новостей, давать людям надежду.

Этот баланс равновесия, о котором говорил Крис, наблюдается, к примеру, в двух сюжетах, следовавших один за другим и отмеченных как лучшие. Первая информация — о том, как в доме, куда должны были переехать афроамериканцы, неизвестные разбили стёкла и оставили надписи расистского толка. Вторая информация — о боссе, который, несмотря на то, что его небольшая компания пережила пожар, сохранил все рабочие места и не уволил сотрудников.

Филадельфия — четвёртый по величине телевизионный рынок в США после Нью-Йорка, Чикаго, Лос-Анджелеса. На совете каждый день приводят данные о посещаемости собственного информационного сайта: вчера просмотрели 998 тысяч человек, а на день раньше было более миллиона гостей.

Made in USA

В Филадельфии во время нашего пребывания бытовала одна, почти анекдотичная история. Участник первой казахстанской делегации, принимаемой организацией IVC, совершенно искренне спрашивал, гуляя по улицам и глядя на окружающих людей: “Ну где же американцы, где?..”. Вспомнив нашего соотечественника, попавшего за океан ещё в начале 1990-х годов, руководитель делегации Энн Стаффер с улыбкой отметила:

— Да вы и сами не отличаетесь от американцев — одеты так же, выйдете на улицу, никто и не догадается, что вы из Казахстана!.. Здесь всё меньше становится типичных американских лиц, потому что люди приехали сюда из разных уголков мира. Вы выглядите как американцы, и уверена, вы можете найти американцев, похожих на вас...

В наблюдательности нашему соотечественнику не откажешь: ведь и вправду нет такой единой национальности, как американская, “прописанной” на лицах людей, выраженной в языке. Есть такой народ, есть гражданство, есть дух, есть ощущение. Одну важную вещь я открыла для себя в США: американцем может почувствовать себя любой человек, проживший здесь сравнительно короткое время, — это ощущение ни с чем не спутаешь.

Очень трудно найти в Америке что-нибудь с таким лейблом — “Сделано в США”. Почти на всём, начиная от сувениров на Wall street до трикотажа известных дизайнеров, выведены три знакомых слова — Made in China. Что “сделано” в США, так это — люди. До поездки на одной из встреч в Казахстане, а потом уже в Филадельфии организаторы несколько часов посвятили знакомству с американским стилем жизни, о котором мы и так знали очень много — источников было предостаточно.

И всё-таки мы разные. Спотыкаешься о разницу между нами даже в такой мелочи, когда проставляешь дату: американцы вначале пишут месяц, потом день и год. Дальше — больше: в карманах звенят трудно различимые казахстанцами медные центовые монеты, температура измеряется в градусах по Фаренгейту, вместо килограммов — фунты, да и солнце встаёт позже нашего — на одиннадцать часов. Чтобы так называемый “культурный шок” (который так и не случился!) прошёл безболезненно, организаторы программы даже разработали специальный путеводитель

по нравам американского общества — трудно представить что-нибудь подобное о казахстанцах! Вот лишь некоторые мои наблюдения из жизни соседей по планете.

Американцы дорожат собственным правом на мнение, выбор и даже на личное пространство: в общественном транспорте, в магазине, на улице редко встретишь человека, который не извинится перед тобой за то, что собирает тебя ... обойти.

Американцы придерживаются активной жизненной позиции: общество не списывает со счетов людей, которым за 50, 60 и даже под 70 лет. Для наших знакомых американцев, находящихся в этом возрасте, мир не ограничивается просмотром телевизора. Они продолжают практиковать, учреждают некоммерческие организации, занимаются благотворительностью — вносят свой вклад в развитие гражданского общества. И их возраст — это не проблема.

Люди здесь — большие индивидуалисты. Они во всём полагаются только на собственные силы, не терпят помощи от посторонних. В качестве доказательства всего один пример: американские мужчины никогда не спрашивают дороги, если заблудились, судя по моим наблюдениям, тоже самое можно отнести и к женщинам. Главный девиз американцев “help yourself”, что значит “помоги себе сам” — этими словами они вооружают всех, кто попадает к ним в дом или офис.

Американцы открыты к критике и сами открыто обсуждают собственные ошибки — закрытых тем не существует. С большой долей пессимизма и иронии они относятся к жизни в “ящике” — к очередной сенсации о “звездах” или политике Белого дома. Правда и другое: большая часть жителей США мало интересуется тем, что происходит за пределами их родного штата — об этом говорили сами американцы. Главное для них — собственное спокойствие.

И, что странно, американцы — очень суеверны. Они не боятся чёрной кошки, не стучат по дереву, но остерегаются цифры “13”: в отеле Marriott в Филадельфии нет 13-го этажа — за 12-м сразу же следует 14-й. Причина — многие просто боятся селиться на этом этаже, нет такого этажа и во многих многоквартирных домах. Одна знакомая в Филадельфии живёт в таком доме, а в Вашингтоне Национальный пресс-клуб занимает два этажа — 13-й и 14-й, и здесь к подобным суевериям отнеслись с иронией.

Самоиронию вообще можно отнести к достоинствам американцев, выражается она и в парковой архитектуре. К примеру, в центре Филадельфии высится восьми- или девятиметровая прищепка. Памятник — посвящение всем домохозяйкам. Рядом с ним, в нескольких кварталах — парк имени Жаклин и Джона Кеннеди. В их честь здесь поставили четыре огромные алые буквы, знакомые всему миру — LOVE. В этой стране ценят личную историю своих героев, но не все президенты США вписаны в историю героями.

Семья — ячейка общества?

Институт семьи в США переживает не лучшие времена — здесь давно поговаривают об его упадке. Дети рано уходят из родительского дома, рано становятся независимыми, рано обзаводятся собственными планами. В семье реже собираются за столом, а ведь это, оказывается, очень важно для нас, казахстанцев. В один из первых рабочих дней во время обеденного перерыва мы со своими “коробами”, одноразовой посудой, в которую

складываются съестные припасы, пытались группой примоститься за каким-нибудь столиком и натолкнулись на удивлённые глаза наших переводчиц. Здесь люди привыкли есть на ходу, в одиночку, запивать кофе на бегу, а нам нужно посидеть за столом, чтобы поговорить, обсудить — здесь остро понимаешь, что принятие пищи — это не просто процесс, а наша культурная традиция.

Наверное, неслучайно и то, что на основе института семьи появилось новое понятие, как “хост-семья”. Здесь семья как настоящая ячейка общества исполняет свой гражданский долг. Для американцев это обычное явление, для нас — редкость. Главным пунктом программы было проживание в американских семьях. Нам с коллегой повезло вдвойне — жили в двух семьях, именно здесь мы узнали о явлении, которое можно назвать не столько американским характером, а стилем жизни.

У Джеффи Эбботт мы провели только два выходных дня, а оставшееся время жили в семье Толивер — у Дженни и Дэвида. Он — программист, она — учитель английского языка. Есть взрослая дочь Рэйчел, живёт отдельно, преподаёт в университете, занимается литературным редактированием в одном из филаделфийских изданий. Опыт Толиверов как хост-семьи перешагнул за 20-летний. В их доме есть специальная книга, в которой рассказывается о каждом посетителе, — это фотографии, записки и письма.

Дженни:

— Мы любим знакомиться с людьми из разных стран мира. Любим путешествовать. Но главная причина, на мой взгляд, почему мы принимаем гостей, — это международная дипломатия: не с высоких трибун, а в домашней обстановке, в разговорах на кухне. Это дипломатия двух людей, из разных стран, из различных культур. Мы верим в формулу “make peace” — вносить свой вклад, пусть небольшой, в дело мира.

Дэвид:

— О хост-семьях мы узнали в церкви, совершенно случайно, для нас знакомство началось просто с психологического, житейского эксперимента, а продолжилось крепкими дружескими связями: мы переписываемся почти со всеми нашими гостями. За 23 года их было немало, в год почти по два-три человека. У нас гостили люди разных профессий и возраста — из Нижнего Новгорода, Екатеринбург, Томска, Оренбурга, Сараево, был один алматинец. О Казахстане мы впервые узнали от него. Но информации тогда было очень мало: заинтересовали национальные традиции, национальные конные игры, национальная одежда.

Первой, кто заговорил с казахстанцами на русском языке, в день прилёта в Филадельфию, была Ханна Калкштейн. Ей 55 лет. Её история заслуживает отдельной главы. Она — коренная филаделфийка, русский язык начала изучать в 1970-е годы в частной школе, параллельно с французским языком. Год ходила к учительнице-волонтеру Ирине Анисимовне, от которой, признаётся Ханна, восприняла неплохое произношение и любовь к языку. Сейчас во многих американских университетах обучают русскому языку, а тогда это было редкостью. Русский язык пригодился только через 20 лет, когда Ханна стала работать коком на русском судне.

А началось всё с неправительственного движения, в котором моя героиня уже более 20 лет. Как-то искала работу и устроилась менеджером в экологическое общественное движение, которое возглавило борьбу за очищение Гудзона от промышленных отходов. В 1992 году Ханна участвовала

в экологической конференции в Санкт-Петербурге, тогда в первый раз побывала в России. Позже на фестивале деревянных парусных кораблей в Финляндии решила не расставаться с водой и на три года осталась на судне, которое называли плавающим музеем русской морской культуры. Ханна была там за десятерых: и за связь с общественностью отвечала, и радистом работала, и коком, и штурманом. Она с улыбкой вспоминает, как в портах к ним много зарубежных русскоговорящих приходило, чай попить и поговорить на родном языке: “А ведь это ирония судьбы, что чаем на русском судне их угощала американка!..”. Сама она в России была пять-шесть раз, в последний свой приезд была в Калининграде в 1999 году. Сейчас о русском прошлом ей напоминают десятки сувениров и гости — всего за последние годы у Ханны, как у хост-мамы, побывали около 40 человек из стран СНГ.

— Члены моей семьи — типичные американцы, — рассказывает Ханна. — Отец был инженером, мама — администратором в школе. Жили мы в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Северной Каролине, пять лет в Израиле, около 30 лет живу в Филадельфии. В душе себя считаю русским моряком.

Я попросила ответить на несколько вопросов вице-президента IVC of Philadelphia Энн Стаффер, которая лично знает каждого члена хост-семей, с большим уважением относится к их миссии.

— Почему эти люди соглашаются принимать совершенно незнакомых людей?

— Для американского общества хост-семьи — обычное явление. В основном это люди в возрасте, которые к концу жизни хотят сделать что-то приятное, а многие некоммерческие организации просто не смогут существовать без подобных помощников, волонтеров. Мы называем их послами доброй воли, именно от них у гостя складывается мнение о том, какие на самом деле американцы, какой у них быт, какие нравы. Они ведут себя совершенно искренне, ведь домашняя атмосфера располагает к тому, чтобы в неформальной обстановке узнать то, чем живёт человек. Быть волонтером — это давно стало обязанностью каждого в американском обществе.

— Какие общие черты характерны для всех членов хост-семей?

— Многие из них выезжали за рубеж, говорят на нескольких языках. Они искренне верят в свою миссию — служению гражданским идеям.

— Получают ли они какое-то материальное поощрение за это?

— Нет, единственную льготу они получают — первый год бесплатного членства в IVC, около 60 долларов, ну и пожалуй, всё. Всего у нас около 300 таких человек.

О личной безопасности

Во время нашего пребывания в Филадельфии случилась трагедия. В одном из огромных магазинов молодой человек произвёл автоматные выстрелы в толпу, погибли люди. Дома он оставил записку примерно такого содержания: “Я уйду из жизни красиво”. Люди здесь привыкли к таким сумасшедшим выходкам. Проблема доступа к ношению огнестрельного оружия здесь пересекается с вопросами личной безопасности людей. На одной из встреч филадельфийский юрист признался, что дело в законодательстве доходит до абсурда, законы смогли ужесточить таким образом, что человеку разрешается приобретать по одному оружию в месяц. Раньше можно было больше.

О чувстве безопасности в американских городах можно судить по таксистам. В Филадельфии салон известной ярко-жёлтой автомашины просто разделён на две части: для водителя и пассажиров. Можно его видеть, свободно получить чек, в некоторых машинах — имеется лишь окошечко. А в Нью-Йорке, к примеру, или Чикаго водитель вынужден обезопасить себя сплошной металлической перегородкой.

Казахстан? А-а-а, Борат!

О нашей стране я услышала на третий день пребывания в США — от американца. В окрестностях Филадельфии на огромной территории раскинут парк, в котором представлена флора практически всех климатических поясов мира. Здесь, в Лонгвудском парке, мы встретили Джона Бертрана, местного работника, который никогда не был в Казахстане, но слышал о нём как о родине тюльпанов. Его словам особенно обрадовалась моя коллега из Алматы, продюсер образовательных программ “Интерньюс Казахстан” Маржан Ельшибаева. О Казахстане здесь кое-что знают, особенно среди журналистов. Большую ясность, несмотря на скандальность, внёс фильм Бората Согдиева. У многих при упоминании названия нашей страны на лице появлялась улыбка, а из уст невольно летело: “А-а-а-а, Борат!..”. Борат наделал много шума задолго до нашего приезда, но отголоски его фильма ещё были на слуху среди американцев, хотя большинство из наших собеседников честно признались, что фильм не захотели смотреть принципиально. Члены нашей делегации яростно пытались опровергнуть содержание фильма, что только подогрело интерес американцев к Казахстану: несколько человек захотели приехать к нам во время отпусков. Так что Борат оказал нам не медвежью услугу, а громкую рекламу.

Наши — за рубежом

Русскую речь мы слышали почти каждый день. Нам повезло с переводчицами. Людмила Аннабле и Наталья Петрова когда-то учились в одном Новосибирском институте, даже в одном потоке на инязе и совершенно случайно встретились в Америке лет пять назад, хотя каждая выехала туда в разные годы. Они давно чувствуют себя американцами, имеют гражданство США. В Филадельфии я выбралась самостоятельно в так называемый русский район, где живут русскоговорящие. Надписи выполнены на русском языке, в торговом центре объявления по радио звучат на русском языке, лежат газеты на русском языке. Но сами русскоговорящие, выходцы из СНГ, о себе рассказывали неохотно, вот и Энн в нашем разговоре упомянула о том, что они не могут найти хост-семьи среди русскоговорящих.

Если мы за границей всё пытались пробраться туда, где живут наши бывшие соотечественники, то наши знакомые, в настоящем американцы, а в недалёком прошлом — выходцы из Советского Союза, сами никогда не стремились к этому. Во время поездки в Нью-Йорк наш гид Дмитрий рассказывал, что сейчас на Брайтон-бич проживает более 300 тысяч человек, выходцев из СССР, которые здесь живут поколениями, не разговаривая на английском языке. Они живут в созданном ими же мире — в советских 1970-1980-х годах — и не пытаются изменить окружение своей жизни, наоборот сохраняют знаки и символы той эпохи.

Самым скученным сообществом в том же Нью-Йорке называют китайское, на втором месте — русское. Этот город уже давно стал настоящим плавильным котлом наций, по словам Дмитрия, ещё в те времена, когда здесь жили 1000 человек, звучала речь на 18 языках. Сейчас в Нью-Йорке есть район Куинс, в котором проживают люди 93 национальностей.

Прогресс — он и в Америке прогресс

В американском стандарте жизни давно прописался Интернет. В Казахстане по неофициальным источникам около восьми процентов населения имеют доступ в Интернет: здесь с электронной почтой умело справляется и 70-летняя леди, и шестилетний ребёнок. Практически в каждом доме есть доступ ко всемирной паутине. Очень оперативная и качественная связь, кстати, ещё и не бьёт по карману.

Филадельфия — один из прогрессивных городов США. Здесь первыми в стране решили объявить себя беспроводным городом: к Интернету можно подключиться в любом месте — в парке, в кафе, в библиотеке, дома. Для сравнения: в Павлодаре подобная технология “вай-фай” действует лишь в двух точках.

Право на право

Каждый исторический период в США сопровождался борьбой за собственную правду, возможность жить и чувствовать себя здесь своим.

— Каждый слой один за другим отвоёвывал своё право, — поделилась в разговоре одна американка. — Также и каждая волна эмигрантов пыталась утвердиться в нашей стране.

Америка — это огромный дом, в котором есть угол каждому, кто по разным причинам попал сюда. Английский язык остаётся главным языком общения, но сейчас всерьёз поговаривают о том, чтобы статус второго государственного получил и испанский язык. В стране очень много испаноговорящих. Лишь один пример: на телефонной карточке первыми следуют инструкции о пользовании на испанском языке, и только потом — на английском.

Каждый человек в этой стране имеет право на своё отношение к жизни, и окружающие люди должны считаться с его выбором. В Филадельфии очень много “бомжей”, лежащих на лавочках, бродящих по улицам. Здесь говорят, что это явление — не социальное, а психологическое: действуют социальные центры с бесплатным горячим питанием и ночлежки, зачастую у этих людей есть семья, дом, деньги, но такой способ существования они считают более подходящим для себя.

Или же другой пример. Лет 15 в Вашингтоне в доме из картонных коробок перед Белым домом живёт пожилая женщина вместе со своей собакой и время от времени выступает с протестами — об этом говорят её транспаранты и объявления. И никто её не трогает.

Американский общепит

Что интересно, в Америке нас не тянуло в “Макдональдс” — этой кухни мы наелись и дома. Некоторые из знакомых американцев воротили носы от этого чисто американского продукта, выбирая здоровое питание, но большинство граждан США питается именно в “Макдональдсах” или

подобных заведений. Первый вопрос, который мне задавали окружающие после возвращения из США, — что вы там ели? Здесь нет проблем с любым сервисом, в том числе и в культуре общепита. Выбор большой: национальная кухня — японская, китайская, мексиканская и даже русская; меню для себя подберёт и сторонник здорового питания — доступны разнообразные салаты и супы, ну а те, кто предпочитает питаться на бегу, может заказать пиццу, картошку фри и хот-доги.

Любимое многими американцами блюдо — грибной суп-пюре. Впервые попробовала я его в компании моей первой хост-мамы Джеффи, она же привела нас в “дайнер” — символ старой Америки. В заведении, которое и просто кафе не назовёшь, собираются разные люди, вне зависимости от социального статуса и образования, чтобы почитать газету в одиночестве или пообщаться с семьёй после утренней или вечерней службы в церкви. Мы видели типичный “дайнер” в фильмах: здесь стоит музыкальный автомат, куда можно бросить монетку и выбрать любимую мелодию.

Ещё одно замечание по поводу американского сервиса. В дни нашего пребывания в Филадельфии в разных местах, в аэропорту, гостинице, кафе, музее проводились интересные исследования: насколько комфортно могут чувствовать себя в этом городе люди, не владеющие английским языком? Так, во время экскурсий мы не раз получали проспекты на русском языке и были только рады таким знакам внимания. Американский стандарт жизни немислим без комфорта.

Свой Лас-Вегас

В трёх часах езды от Филадельфии находится малый Лас-Вегас — Атлантик-сити. Но туда я отправилась не за звонкой монетой, а за океаном. Так много воды и неба я не видела нигде: горизонт делит бесконечную синеву на две половины, а у нас он проходит границей между небом и степью.

Сам город у некоторой части американцев заработал репутацию города-мишуры: владельцы казино здесь стараются перещеголять друг друга в вычурных зданиях, внутренней обстановке. Атлантик-сити — это место, где деньги зарабатываются и тратятся: кроме крупье в казино, продавцов в магазинах, обслуживающего персонала в гостиницах никто в городе не живёт.

Людей на улицах Атлантик-сити практически нет — все играют в казино, причём и старики, и молодые. По деревянной мостовой по-хозяйски разгуливают лишь большие чайки — серые, негостеприимные, крикливые. Время от времени на пустой улице появляются одноместные повозки, на которых за восемь долларов можно проехать от одного конца улицы до другого. Пассажиру стоит лишь скрыться в кабине за полиэтиленовыми занавесами, а водителю — толкать повозку за собой.

Однажды в Нью-Йорке

Один день мы были в Нью-Йорке. На ходу, бегом, из окна автобуса, из объектива фотоаппарата старалась я не упустить настроение города, показавшегося мне самым лучшим другом: так приветливо и уютно было здесь, несмотря на холодное солнце. Маршрут по знаковым точкам города

— Централ-парк, мемориал Джону Леннону, старый порт, Бруклинский мост, Статуя Свободы, Рокфеллер-центр, территория ООН — по пути превращался в ещё одну правду об этом городе. И ещё небоскрёбы, небоскрёбы и небоскрёбы — без них Нью-Йорк не Нью-Йорк.

Впечатлило и здание банка “Американ-экспресс”, со второго этажа открывается панорама места, где раньше высились башни-близнецы. На первом этаже самого банка открыли мемориал — в память об одиннадцати сотрудниках, которые погибли одиннадцатого сентября. Одиннадцать имён и одиннадцать натянутых нитей, с которых постоянно скатываются капли воды, — как слёзы всего американского народа в память об этой трагедии.

Город братской любви

Если шумный Нью-Йорк запомнился мне толпами покупателей, съехавшихся на предрождественские распродажи со всего мира, спокойный Вашингтон — редкими дипломатами и, как ни странно, бегунами, то Филадельфия показалась мне немного провинциальной, соседски отзывчивой, разноцветной. С лёгкой руки её основателя Уильяма Пенна она называется “городом братской любви” и считается самым дружелюбным городом США.

Туриста здесь легко узнать: обычно он останавливается в центре города, запрокидывает голову и пытается угадать, чья фигура венчает здание ратуши и что за документ он держит в руках? Человек этот — Пенн, а свёрнутая в трубку бумага — Хартия Пенсильвании. Как известно, город появился на месте шведского поселения в конце 17 века. Эти земли Пенн получил от короля Англии Карла Второго, который задолжал ему энную сумму денег и в качестве долга отдал эту колонию. В 1776 году именно здесь была подписана Декларация независимости Штатов, в 1787 году принята Конституция США. Сейчас Филадельфия — второй по численности город на Атлантическом побережье США, население составляет около двух миллионов человек.

Главный символ города — знаменитый Колокол Свободы, возвестивший о подписании Декларации независимости, в последний раз он звонил в день рождения Джорджа Вашингтона в 1846 году. Сейчас колокол находится в специальном павильоне, неподалёку от Холла независимости, где он провисел свыше 90 лет. Надпись на колоколе — цитата из Библии “Провозглашай по всей стране свободу для всех живущих в ней”. Вес колокола — 2000 фунтов (907 килограммов). Американцы считают Колокол Свободы более значимым символом государственности и независимости США, нежели Статую Свободы.

Ещё одно примечательное здание — современный Центр независимости, который буквально напичкан техническими новинками. Он открылся всего пять лет назад. Важные вехи становления государственности в США здесь предстали в достаточно привлекательной и доступной форме. К примеру, в одном из помещений находится так называемое “дерево истории”, в котором выбираешь изображение человека и получаешь сведения о нём: здесь собраны данные об исторических деятелях и обычных жителях США. Картотека “дерева” обновляется ежемесячно.

Каждый посетитель может отдать свой голос любимому президенту США. Таких кабинок, оборудованных электронной системой голосования,

около десяти. В декабре прошлого года рейтинг президентов выглядел таким образом: на первом месте — Джордж Вашингтон (485029 посетителей), на втором — Авраам Линкольн — (321 тысяча), на третьем — Рональд Рейган (270153). И что интересно, Джорджа Буша не было ни в пятёрке, ни в семёрке.

Есть здесь ещё одно любопытное помещение, в котором воссоздана историческая обстановка подписания Конституции США: 42 скульптуры участников того памятного события, среди них выделяются три фигуры — они стоят в стороне. Именно эти конкретные личности не согласились тогда с проектом Конституции и не поставили свои подписи.

В комнате выделяется скульптура Бенджамина Франклина. В США его любят, а в Филадельфии особенно — как земляка, как отца-основателя государственности, как дальновидного политика. В этом городе он практически везде был первым: открыл первую страховую компанию, первую пожарную команду, первый госпиталь и многое другое.

Моя Америка

Часть моей Америки уместилась в чемодане. Что я привезла? Из Нью-Йорка — портрет Джона Леннона, который за четверть цены отдал продавец, наш соотечественник: он случайно услышал русскую речь и, можно сказать, подарил портрет на память. В поездке в Нью-Йорк первым местом, куда привезли группу казахстанцев, был Центральный парк, где и находится мемориал известному музыканту.

Нашлось место и двум филадельфийским газетам, которые мало чем отличаются от наших казахстанских: объёмные, напечатанные на такой же бумаге, с первополосными материалами. Газеты во всём мире пахнут одинаково. В память о Вашингтоне осталась салфетка, затерявшаяся в моём блокноте, с символикой легендарного Национального пресс-клуба.

В чемодане ещё была заокеанская сосновая шишка. Это моя слабость, потому как из поездок я привожу домой шишки хвойных деревьев, в этот раз добавились и две ёлочные игрушки, как напоминание о празднике Рождества, которое мы отмечаем в США. Одну игрушку в форме ангелочка мне подарили на благотворительной ярмарке, куда меня привела моя первая хост-мама Джеффи, а вторую, в форме носочка, вручила вторая хост-мама Дженни. В её доме замечательная традиция: каждый год к Рождеству здесь друг другу дарят ёлочные игрушки. В семье Толивер самые старые игрушки датируются чуть ли не началом 18 века — они передавались из поколения в поколение, от матери к дочери.

И ещё в моём чемодане были ракушки: одни — размером с ладонь, другие — скрученные в спираль, с синеватым отливом, и молочные, с дыханием Атлантического океана.

Вернулась я в Павлодар и с небольшой деревянной табличкой с надписью “Home is where your story begins”, что значит “дом — это там, где начинается твоя история”. Меня зацепили простые слова, собранные в такой незамысловатой фразе, а может, просто соскучилась в Филадельфии по родному дому в далёком Прииртышье.

г. Павлодар.

Ольга ГРОМЬКО

Человекопризнаки

*Где-то в далёкой стране,
Неведомой тебе и мне,
Есть город, где ходят призраки,
Призраки — человекопризнаки...*

В городе N война была. Полегли многие. Город вымер, но вымер ли народ? Люди — они же как прищепки — бей их, колоти кулаками, убивай из пистолета, а им всё равно, живучие они. Даже после смерти покою не дают никому...

Вот так и наш Потапыч. Мужик из села. Приехал в город N, думал подработать где на заводике, дровишек потом прикупить на зиму, скота да курей, а тут на тебе, война идёт. И попал он в плен, сразу, на въезде в город. Город-то королевская конница окружала, ну и мужичка нашего прихватила. Мужичок необразованный, тока телевизор смотрел, по телевизору кажут — вот правительство сменилось, тётки полуголые скачут, негры на каждом канале поют, а вот про войну в городе N ничего не говорят. Не знал он, что городка N и на карте-то нет, да и вообще его не существует в природе. А попал Потапыч туда как? Да очень просто. Накануне вечером с мужиками из соседской деревеньки баньку у Михалыча топили, нали-вочку пили, да и посадили мужики пьяного Потапыча в электричку, чтоб тот домой ехал, посадили, а не посмотрели, что вагон отцеплен и поезд не едет никуда, ну а Потапыч уснул, конечно. Проснулся, глядит — деревенька незнакомая, крепости, башенки, ну, думает, точно в Парижск приехал...

Потапыч хоть и необразованный был, а понял — не ходят сейчас люди в таком одеянии, на конях не ездят, а из пушек только салют пущают, но в плен так в плен, ничего тут уже не поделаешь...

Привели Потапыча в тюрьму, заковали в железяки, как преступника какого. А народу-то вокруг тьма, не сосчитать. И женщины, и дети, и мужички, ток какие-то хиленькие, и все в железяки закованные. Мужичок-то наш силёхонький был, хоть и годков много, а силу богатырску имел, он эти железяки руками сгибал, когда печку в баньке клал, ну и тут не сплосшал, кисть поднапряг и дерганул посильней. Тут уж бабий вой подутих и мужички стонать перестали, а Потапыч вторую окову оторвал и, гремя цепями, пошёл остальных подневольных высвобождать. А закончивши, забил он в трубочку махорочки и присел в уголок.

Народ в той темнице всякий был — и совсем в лохмотьях, и в барских одёжах и даже в доспехах были. Язык вот тока Потапыч никак не мог разобрать. Одна дамочка вроде русская была, её-то Потапыч и подозвал к себе:

**Ольга
Евгеньевна
ГРОМЬКО**

родилась в 1986 году, студентка Новосибирского филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. Живёт в Новосибирске. В "Ниве" выступает впервые.

— Девушка, подойди сюда, будем беседу беседовать!

Девушка поднялась. Всё было при ней — коса толстенная, рубаха, сарафан поверх, ну настоящая русская баба, любо-дорого глядеть, нету ж сейчас таких, перевелись все.

— Откуда родом, девушка, с какой деревеньки будешь, расскажи мне, что ж здесь за произвол творят, может, сбор какой военный? Аль языки тут изучать хотят, так сейчас везде им учат, в каждой школе, вот мой внучек Ванюша уже и английский, и французский, и фашистский знает, а теперь ещё и китайский учит.

— Что ты, бабушка, все сюда попадают, у нас тут всегда война, вот посидим здесь до казни, а потом снова все приходим по очереди и каждый уже друг друга знает. Вот смотри — это Эйнштейн, он математику хорошо знает, слагать умеет, понимаешь, а вот эта дивчина Жанна д'Арк, её завтра на костре сожгут, она тебе послезавтра всё о себе расскажет, а то не велит она о себе говорить, а в том крайнем углу, видишь, вот того мужчину с пером — это Александр Пушкин, он стихи пишет, всем потом читать начинает, тут целый литературный кружок собирается по вечерам, после казни. И каждый день казнь за казнью. Вот хорошо, если бы отменили эти казни, мы бы по своим делам пошли, я вот по мамёнке соскучилась, она у меня с Петром в башне живёт.

— А что за Пётр, тож из писак каких, или воевода он?

— Да нет, Пётр — он государем был...

— Это что ж ты мне, дивчина, такое кажешь несерьёзное, али больна ты? Можт, голову где простудила, — и Потапыч постучал кулаком по своему лбу с досады, — Пётр, он ж умер лет двести назад, мой прапрадед ещё при нём служил, что ж ты мне такое говоришь?

— Да ты, бабушка, сам спроси, тебе тут каждый скажет, а коли ругаешься, пойду я от тебя, к Маяковскому пристану, он такие потешки говорит!

Плюнула она в сторону Потапыча и ушла.

Вечерком стража пришла. На стражу тоже можно обратить взор — в шлемах, кольчугах все, в каких-то юбках, с мечами, на шлемах перья у них, ну точно индейцы! Вывели всех, построили, разделили отдельно женщин с детьми и мужчин, каждого получилось через один, как на шахматной доске и в две колонки. Одних повели к виселицам, других к костру, сложенному из сухих веток. Потапыча нашего отправили на костёр. Силушка-то у него хоть и богатырская, а тактики не хватает, ну он одного звезданул, другому, а тут целая конница подоспела и повязала мужичка, тут уж, как говорится, ничего не поделать. Никогда наш мужичок не молился, а тут подумал: "А вдруг в рай попаду, эх, жисть прошла не зря". И ручки на груди сложил, ну точно как будто в гроб его покладали. Костёр был огромным, метров сто в высоту и полста в длину, составили всех и подожгли. Огонь, как зарево на горизонте, далеко видать...

Потапыч открыл сначала один глаз, потом второй. Вокруг ни души, только он сидит возле крепости на скамеечке, а рядом та дивчина стоит, которая ему сказ вела в темнице.

— Очнулси, бабушка? Уже всё, всех отпустили на прогулку. Как луна появится, надо вернуться в темницу, а пока можно воздухом подышать, свободушке порадоваться, только вот к тем башням не ходи, там нет казней, там пыточная, а вот в пыточной всё по-настоящему чувствуешь, туда

беглых ведут и пытаются какими-то зельями и варевами, у них после того язык становится мягкий, без костей, вот наш Пушкин там был, так он говорит, рассказал им всё, что написал за всю жисть свою бедовую. А они, стражники, страшные, сначала сварят свои зелья, а потом поют, поют...

— Что ж за изверги-то тут у вас! Кто ж придумал-то всё это? Разве ж можно так людей мучать-то изо дня в день? Ты народ-то ко мне позови, того, что поумнее, посмышлёнее, будем думу думать, как режим ваш поменять на другой. Так же жить нельзя, так же неправильно!

— Эх, дедушка, пытались всё уже менять, но Самый Главный, он страшен и силен, как тысячи его братьев. И не свалишь его ничем, и не забьёшь никак. Дурная твоя затея, дедушка, дурная.

— Не дури, девка, зови! — Потапыч если что решил, то так оно будет, и спорить тут уже не имело смысла. Не зря и родители фамилию ему такую прописали — Баранов, хотя по батюшке-то он Смирновым был. Достал он свою трубочку и закурил. А народ вокруг — кто хороводы водит, кто бельё стирает, кто чем занимается, вот молодёжь, все в чёрном, собаку какую-то поймали и тащут, что-то выкрикивают, а напротив какие-то дипломаты сидят, все в коже, всё бумажки перебирают, один вроде на нашего бывшего президента похож... Но Потапыч, он жишь необразованный, куда ж ему с президентами здороваться, он потихоньку в уголку посидит, трубочку покурит, поглядит вокруг, глазками постреляет. Сколько ж тут народу, и одёжа у всех странная, кто совсем почти голый в простынях ходит, а кто в пинжаках да брюках...

Засмотрелся наш Потапыч по сторонам, а людишки уже вокруг него подобрались, все подошли, кто в темнице с ним был и силушку его богатырскую почуял.

— Ну, что ж, мужички да бабоньки, будем думу думать о том, как ваш тоталитарный строй на демократический сменить, али будем ручки складывать и дальше о прожитом горевать? Я-то сам прост и безмозгл, а вот ваши головушки смышлёные. Вот как внучек мой говорит: “Тебе бы, дед, институт какой военный закончить да страну защищать, а то развелось в нашей стране всякой нечисти, а ты всё на печи лежишь, сопли на кулак мотаешь”. А у меня насморку-то и отродясь не было...

И стал местный весь народ думу думать да размышлять, как же Самого Главного им победить. Много всяких было версий, вот Менделеев предложил устроить ему атомную войну, но эту версию сразу отклонили — химиков больше не было.

Решили друзья-заговорщики обманом его взять, объявлений со всяческими нехорошестями на него написать да по заборам расклеить, стражу подговорить, да и попасть-таки на светскую беседу к его величеству, а главным собеседником назначили Потапыча, он, если что, и силой своей взять мог, а что ему говорить — Пушкин с Маяковским сочинили. Потом Потапыч эту писанину в народ пустил, десятым томом обозвали всё это дело. Назначили дату беседы на пятницу, тринадцатое число. По плану, Потапыч должен был прийти к Самому Главному в белой простыне (Аристотель свою пожаловал), когда тот уже в своей опочивальне будет ко сну готовиться, стражу поручили Жанне д’Арк, у неё лучше всего получалось зубы заговаривать, а остальные должны были стоять на улице, вооружившись тем кто что найдёт, кто камнями,

кто дубинами на всякий случай. А пока решили возвращаться в темницу, луна была уже на подходе.

Эта ночь выдалась отменной — не было ни воплей, ни стонов, все были заняты делом. Все готовились к свержению Самого Главного, ведь пятница, тринадцатое была уже на подходе, а ещё столько нужно было сделать.

Объявления писали на картоне, его тут тьма-тьмущая по всем углам была, угольками букочки вырисовывали, чернила, говорят, тут только в пыточной водятся, а туда никто не хотел идти. Два дня так и прошли, в подготовке к боевым действиям. После казни все собирались на улице и беседы беседовали. Беседы лучше за столами вести, как те два мужика в коже, но у нас другая история, у нас кто где присядет — там и хорошо. Да и лето на дворе было, вот солнца маловато в этих краях, только жарко всегда и пить хочется, а как попьёшь, тут же как животина до сортиру бежать надо, всё как у утки льётся, а вот голод здесь никого не мучает. И гарью всегда пахнет, мертвечинкой, но к этому уже все привыкли, один Потапыч только перебивал запах махорочкой, оттого и курил так часто да трубочку поглаживал. У него всё просто — есть вопрос, значит, найдём ответ, а то где он находится да как попал в этот городок, ему и знать и думать не нать, не того он поля ягода, ему везде хорошо, если никто животинку не мучает да подневольно жить не заставляет, ему ж главное, чтоб порядочек был да все улыбочивые до одури, тогда и жить хорошо и жизнь хороша. Одно он понял, что тут все то ли умертвлённые давно, то ли просто придураются, как будто голову простудили на морозе, но им-то сии действия не нравятся, значит, будем решать вопросы. Где беда — там Потапыч первый помощник.

Вот и ночь наступила на пятницу, тринадцатое. Всё готово было к боевым действиям. Потапыч чувствовал себя очень неловко в наряде Аристотеля, дивчина с косой перекрестила его и надела на голову веноч из одуванчиков. Веноч постоянно цеплялся за левое ухо и пытался умыкнуть с головы на землю, приходилось его поддерживать и поправлять, что ещё более раздражало Потапыча, который не привык одеваться как бабы в платья да балдахины, но говорят, что счас в мире есть и такая мода. Наше “привидение” готово было к бою!

Боевые действия начались по всему городу. Заговорщикам надо было пробиться в крепость Самого Главного, а на пути была целая конница стражников, поэтому шли тихо и прятались за кустами, прикидываясь то деревцем, то кустиком, то домиком, то статуей, один раз пришлось прикинуться группой туристов...

Крепость была больша, каменна, узорчата. Взбирался Потапыч по самоделанной верёвке из каких-то растений, растения здесь хорошие такие есть, проку от них много и курить их можно, и жарить, и варить, если совсем скучно становится, местные так и делают, а других вроде бы здесь и не видел никто. Ползти надо было метров десять, а если сорвёшься, то сразу в ров, речка там какая-то течёт, а Потапыч хоть и силён, а плавать с детства не умел, да и ни к чему ему было плавать, речки-то в их деревне всё равно не было, поэтому под страхом воды он и полз вверх.

Самый Главный уже надел на себя рубаху и колпак и пытался уснуть, когда к нему в покои ввалилось тело Потапыча. Главный хотел было

позвать стражу, но передумал — что мог сделать ему какой-то придурок в простыне и венке из одуванчиков?

— Здравствуй, сударь-государь, твоё ыть величества! Знаешь, кто я?

Самый Главный был хитёр и умён, как говаривал местный народ, поэтому он сразу скумекал, что к чему.

— Нет, не знаю, ты, наверное, моя совесть? Или кто повеличавей будешь?

По плану Потапыч должен был быть именно совестью, но как-то он словечки позабыл от такого ответа Самого Главного, оттого и ляпнул по-мужицки:

— Да не, я простой мужик из деревни, Потапыч все меня зовут. Что ж ты тут за беспредел творишь? Людём мучаешь, не даёшь им жить во своё удовольствие? Я во всякие времена живал, а такого, как здесь, ещё не видывал! Давай с тобой порешаем, может, что накумекаем, чтоб всем хорошо было, а не ток тебе, величества? Думу каку подумаем, чайку попьём?

— Хм, отчего б не подумать... А разве людям здесь плохо? Они ж здесь получают всё чего хотели, конечно, не за просто так, а за казни — сжигания на кострах, повешанья, им это уже всё равно, а мне забава, я местные закону блюду ещё со времён Адама и Евы, а ты приходишь и говоришь — поменяй устав, как жишь мне его поменять, я ж его не создавал, они сами его создали, сами всё это придумали, сами теперь и приходят сюда каждый день... А мне, думаешь, сладко, я вот одних дровей скок в своём царстве-государстве ужо поисжёт, верёвки все на повешанья уходят, зелья на пытки, а им всё плохо!

— Да кто придумал-то всё это, поведай мне, простому мужику?

— Да люди же, люди! Вот захочешь ты после смерти оказаться космической частицей, ею и станешь, захочешь жить в раю, который сам себе придумаешь, будешь в нём и жить, ну а коли ко мне захочешь — так милости прошу, и всё будет так, если не сможешь придумать чего проще или умнее, придумаешь котлы с варевом — будут котлы, всё зависит от тебя. Но я от тебя ужо устал, вали-ка ты отсель, я спать хочу.

Да как дунет его величества, что аж стены задрожали, тут Потапыч еле за раму удержался, но с места не сдвинулся, не проймёшь силу богатырскую каким-то ветром из-под носа!

— Ах, так! — и его величества дунул ещё раз, но и тут наш мужичок сдержался, один шагок ток назад сделал.

— Ну хорошо, пусть будет по-твоему, детина ты недоумная! Нет у меня больше сил с тобой бороться сегодня, вот Устав, меняй всё, что твоей душе угодно, — и достал Самый Главный из-под подушки Устав, а там одни грехи да казни за них прописаны. Сел Потапыч и стал читать Устав, народ под окнами уже расходиться стал, устали ждать они нападения да и разошлись по темницам.

— Ну что ж, твоё ыть величества, я человек маленький, необразованный, тут я не знаю никаких юристских законов, пусть просто будет то, как хотят эти люди, пусть живут они в домах, как нормальные, пусть не будет казней каждый день, да и солнца побольше. По рукам?

— Эх, мужик, нравишься ты мне, по рукам! А договор дороже денег? — лукавый, он и в Африке лукавый. — Или, может, тебе деньжат подкинуть, да и всё по-прежнему останется, а ты потом ко мне, на постоянку, а?

— Нет, мне денег не натъ, да и по хозяйству не обделён, а договор всегда дороже денег!

Обменявшись рукопожатиями с Самым Главным, Потапыч пополз по той же верёвке вниз, да не удержался — после такого рукопожатия мало кто по канатам сможет лазать — да и сорвался в ров...

... Мокро, очень мокро. Что за лужа-то кругом? По привычке открыл Потапыч сначала один глаз, потом второй, хотел открыть третий, но не нашёл. Кругом всё белое, свет лампочки электрической да потолок...

— Ой, господи, где это я?

— Лежи, мужик, сейчас сестра придёт, поменяет твои простыни, поставили ж тебе “утку” ещё вчера под кровать, а ты всё какими-то человекопризнаками бредил, всю классику вспомнил, ты вообще как ожил-то? — голос доносился явно справа. — Эй, а вон и сестра!

— Смирнов, ну, слава богу, очнулся, хоть постель не надо больше мять, да и разожмите наконец руку, а то кровь из пальца никак не могу у вас взять! — Потапыч разжал руку, оттуда выпал маленький жёлтый одуванчик и покатился под больничную койку, а с сердца Потапыча скатился большой камень, теперь оно было спокойно за народ в городе N и за то, что если его друзья ещё хоть раз его напоят, он знает куда попадёт, если только какие-нить органы его не подберут и не отвезут в каталажку.

Заключение. Верить во что-то всегда нужно, всё зависит от того, во что ты веришь. Как считаешь, так будет, а пока всё вот так и никак иначе быть не может, ведь наш мир — это наши потоки мыслей и чувств. Вот у Потапыча было именно такое видение мира, у него всё будет хорошо, а у вас?

Эти облака напоминают горы

Эти облака напоминают горы, а солнце... Говорят, что солнце питает наше тело энергией, “заряжает” его, и все негативные мысли меняются на прекрасные. Можно не поглощать пищу, а питаться исключительно лучами солнца.

В эту ночь мне снился снег, сверкающий на солнце. Он отражал его лучи всеми своими “силами духа”, чтобы создать гармоничный световой ряд радуги между Солнцем и Землёй. Окружали его только Сосны, тянущиеся вверх, как мачты кораблей, плывущих в безграничные дали.

Хотелось окунуться в этот сказочно-прекрасный мир природы, слиться со снегом и солнцем, стать радугой, соединив грани волшебного мира любви и гармонии.

Каждый раз после ночи наступает день. Вы когда-нибудь задумывались, почему человек спит ночью, а бодрствует днём, а не наоборот? Я вам отвечу — только ночью человек способен увидеть такие сны: полные красок и ощущений счастья и гармонии, материализации любых желаний с помощью подсознания, ощущения силы и ненависти...

День наступил. Я всё ещё не пришла в себя и нежилась в постели, но надо вставать и вновь “крутить беличье колесо”, бежать на месте, не останавливаясь в суете дня до наступления новой ночной неги.

И я бегу. Всё однообразно изо дня в день — люди, машины, дома, заводы. Всё функционирует, и я функционирую вместе со всем.

Кто-то крикнул: “Эй, Хельга?!”. Это Джон — газетчик. Он живой. Единственный живой человек во всей округе. Каждое утро он разносит газеты — как будто дарит кусочек своей живости каждому. Повернувшись в ту сторону, откуда доносился его голос, — я улыбаюсь. Лохматый, весь в машинном масле, убегая от соседской болонки Долли, Джон спешит принести мне новости вчерашнего дня:

“... Открылась новая выставка картин ещё малоизвестного художника М. Лачетто — третья и вновь сенсационная за прошедший год...” — гласит обложка “Washington post”. Что же за таланты у этого М. Лачетто? Необходимо заглянуть на эту выставку, просто до безумия любопытно, чем ещё может порадовать в наше время культура. В последние десятилетия мир настолько изменился не в лучшую сторону, до такой степени, что люди просто ломают головы — из чего бы ещё сделать сенсацию: то провозглашают себя вселенскими богами, то находят живых динозавров, то видят в чёрной точке целую палитру красок и неведомых тайн...

Обязательно схожу сегодня на эту выставку.

Рабочий день прошёл как всегда — в спешке и беготне. Всем всегда что-то от меня надо, порой доходит до того, что я не успеваю выполнить свою текущую работу, а начинаю решать чьи-то чужие проблемы, например, проблемы нашего любимого главного редактора, которому всенепременно нужно стать “в каждой бочке затычкой”. Сегодня он придумал для меня новое задание “сенсационного” характера: подготовить две статьи — о людях-богах и вымерших динозаврах... Ну не бред ли, писать о том, чего нет и никогда не было?!

Дженифер Марчелл — моя верная подруга и коллега по работе, чересчур болтливая особа, но всегда выручающая в трудной ситуации, в такой, как, например, сегодня, согласилась взять эту нудную бредню на себя и тем самым оставить мне немного свободного времени для посещения выставки М. Лачетто.

... 12 декабря прошлого года мне снились голубые птицы, похожие на журавлей. Они летели на юг. Я смотрела на них откуда-то сверху. Мысль о моём местонахождении в тот момент, ещё во сне, не давала покоя. Потом я начала медленно падать, как бы по спирали, приближаясь к земле. Отражение моего тела промелькнуло в озере. Выглядело оно странно — к земле сначала приближалась гусеница, затем овальный кокон, затем бабочка вспорхнула крыльями и полетела ввысь...

Здесь сон обрывался, а может, сыграли роль биологические часы, а может, будильник, поднимавший меня на работу... Этот сон стал какой-то важной частью моей жизни, реализованной мечтой детства — полётом. Он запомнился и записался в дневник снов. Этот дневник я начала вести ещё в школе. Цель его тогда была несерьёзной, необоснованной — детская забава. Осталась привычка, а может, просто хотелось вновь и вновь вспоминать эти прекрасные моменты. Были в моём дневнике и кошмары, но их я старалась не запоминать.

Кажется, здесь собралась вся элита нашего города. Очередь в галерею начиналась ещё на улице. “Высокопоставленные чины” превратились в базарную толпу, толкающую друг друга. Я стояла в стороне и ждала, пока вход станет свободен.

Мимо прошёл быстрым шагом какой-то мужчина, прикрывая воротником плаща своё лицо. На секунду он остановил на мне взгляд, от которого по моему телу пробежали мурашки, и, не сбавляя скорости, скрылся за толпой.

Этот взгляд казался до боли знакомым. Порывшись в своей памяти, я не нашла даже отдалённо схожего с ним знакомого мне человека. Склоки у входа немного приутихли, можно двигаться...

Галерея нашего городка состояла из трёх залов, следующих один за другим в виде коридора. Третий, последний, был самым большим и располагал к проведению выставок и презентациям широкого масштаба. Мне, как одному из известных репортёров города, он был хорошо известен, каждый тёмный его уголок, где можно было внимательно всё слушать и успевать записывать на диктофон, без искажения звука посторонними шумами. Но сегодня моей целью не было выступать в роли папарацци, сегодня я была обычным посетителем выставки.

Экскурсовод предложил пройти группе, с которой я вошла посетить новую выставку и её презентацию, только в конце третьего часа. В третьем зале, как вы уже догадались, и должна была проходить презентация выставки М. Лачетто, по программе она должна была начаться через 10 минут, но когда она началась, я всё ещё не могла прийти в себя. Конечности не могли шевелиться, крик не мог вырваться наружу, озноб, кажется, добрался до мозга, волосы шевелились даже на руках. То, что было изображено на картинах, ввело меня в шоковое состояние. Все мои сны, что я отчётливо помнила, и те, что уже успела забыть, живописно красовались на холстах, обилие красок даже превосходило виденное мною (в моих же снах). Мне захотелось прикрыть лицо, как тот мужчина, проходивший на улице мимо меня, а ещё лучше бежать из этого места, но моя репутация не позволяла мне подобных действий.

Люди вокруг уже начинали останавливать свои любопытно-сравнивающие взгляды на мне.... Провалиться бы сквозь землю этому М. Лачетто! И где только он мог взять весь этот материал на меня, моё фото за десять лет работы в средствах массовой информации не “засветилось” ни в одном издании нашего города.

Презентация шла уже пять минут, когда я поняла, что мои руки — это руки, а ноги — это ноги, а мой верный помощник диктофон уже начал писать всё то, что вещал оратор. Частенько же диктофон выручал меня, особенно в ситуациях, подобных этой, хотя подобных, наверное, со мной ещё не случалось. Я старалась не терять самообладания даже при виде таких аномальных явлений, в силу полнейшего отрицания сверхъестественного. Так нас учили, так говорили нам с детства, что мяч — это мяч, что дом — это дом. Каждый должен видеть этот мир так, если он нормальный человек, но что если нормальный человек тот, кто в обычном мяче видит целый земной шар? Просто кто-то установил эти рамки и решил, что должно быть именно так и никак иначе.

Я стояла возле картины своего любимого сна, где птицы летят косяком на юг.

— Здравствуй, Хельга, — шёпот был у самого уха, моя голова невольно вздрогнула и повернулась в его сторону. Мужчина, прикрывавшийся плащом, стоял за спиной. Его глаза!.. Это были глаза летящих на юг птиц, причём всех сразу!

— Это я, Марчело, помнишь меня? Да нет, откуда ты будешь меня помнить... — Казалось, что его шёпот сейчас перейдёт в гортанный крик, утиный плач. — В общем, я Марчело Лачетто, только не выдавай меня, пожалуйста, публике.

— Хорошо, не выдам, но разве мы с вами знакомы? Если это вы написали все эти картины, то ответьте мне, пожалуйста, как вы проникли в мой дом?! — я была почти уверена, что этот человек каким-то образом добрался до моих личных вещей, читал мой дневник снов, возможно, даже прикасался ко мне, когда я спала!

— Я не могу сейчас тебе ничего объяснить, мне нужно идти, вот адрес, завтра я буду ждать тебя, — и уже почти скрывшись в толпе, он добавил: — Мне нужна твоя помощь, Хельга.

... Корабль формы Т-1, направление Земля — Мартериус уже пятнадцать минут находился в космическом пространстве. Пассажиры — космические туристы — играли в пинг-понг. Вместимость корабля не позволяла себе столько пассажиров на борту, но сделать экипаж корабля ничего не мог. Правительство Мартериуса распорядилось вывезти всех, обнаружив на Земле опасные для здоровья мартерианцев химические элементы. Было просто необходимо вывезти всех, Верховники Мартериуса всегда дорожили своим народом, который мог просто погибнуть на этой планете из-за неблагоприятных условий. Приказ есть приказ!

— Переходим на киберуровень, — командир корабля заметно волновался перед началом этого полёта. Он сдвинул рычаги, включил сигналы для перехода на киберуровень, педаль...

— Хельга! Помоги мне! Мне нужна твоя помощь!..

В то утро я проснулась в холодном поту, это был мой первый сон, который я записала в дневник снов.

Придя домой, первым делом я перерыла все источники информации о телекинезе, аномальных явлениях, заглянула даже в раздел эзотерики, но ответа на вопрос, откуда этот М. Лачетто мог знать все мои сны, так и не нашла. Гипноз только мог быть похожим на явление того, что сегодня я лицезрела в галерее, но тогда весь сегодняшний день я должна была быть кем-то загипнотизирована... Быстро вытащив из сумки диктофон, я перемотала кассету и включила запись: "... Перед вашими глазами представлены работы Марчело Лачетто...". Версия о гипнозе отпадала. Факты есть факты. Оставалось только одно — разобраться в ситуации с помощью самого автора, а значит, идти по оставленному адресу.

В эту ночь снов не было, только чувство тоски и истерии, с которыми я проснулась утром. Будильник пищал уже пятый раз. Нужно позвонить Дженифер и предупредить, что сегодня меня не будет в связи с тем, что я "провозглашаю себя богом всех болезней на земле, и поэтому они все сразу на меня напали, почувяв свой дом в моей утробе".

Добраться по написанному адресу было не так-то просто. Дом находился в одном из самых элитных районов города, а с утра, как известно, вся элита спешит в свои душные офисы и образует колоссальные пробки на дорогах, чтобы через них пробиться, нужно или лететь на самолёте, или ехать на самолёте.

Через два часа я наконец-то добралась до указанного места. Дом напоминал старинный замок королевских особ. Меня ждали. Марчело стоял

у окна и смотрел, как я вхожу в дом, он всё так же прикрывал лицо, только уже не плащом, а куском марли.

— Слава богу! Ты пришла! — он упал на колени и обнял мои ноги. Надо сказать, мне было неловко, даже очень неловко. — Прости меня! Давай вернёмся домой! — Я не знала, как себя вести, меня охватил панический ужас, а что если этот человек просто ненормальный...

— Ты снова будешь летать, а я обрету лицо...

— Мистер Марчело! Что вы несёте? Вам нужна помощь специалиста, а не моя! — лучшая защита — это нападение, и я повысила голос.

— Ну да. — Он больше не кричал и не плакал. А твёрдым голосом продолжал нести какой-то неопиcуемый бред. — Я совсем забыл, что ты не помнишь меня и, видимо, ещё не успела вспомнить. Тебя заинтересовали картины, поэтому ты и пришла. Ведь так?

— Так. И я хотела бы услышать объяснения, каким образом вы смогли прочитать мой дневник снов и вообще попали в мой дом? — любопытство меня погубит..

— Присядь. Я расскажу тебе всё. Всю историю твоей жизни.

2

— Ты жила в маленьком городке Флинстоуне. Родители твои были простыми рабочими, ты же подавала надежды на светлое будущее. Закончив Флинстоунский университет, ты познакомилась с парнем. Банальная история. Он был хорош собой, умён, чуток, внимателен. Он был командиром космического корабля, а ты — журналистка, которую не брали на работу ни в одну флинстоунскую газету. За красивые глазки нынче на работу не берут. Тогда ты решила забросить карьеру журналистки и пошла в помощники командира, закончила двухнедельный курс обучения и стала работать вместе со своим милым. Вскоре ваш роман закончился твоей беременностью. Новость о том, что у вас будет малыш, “милый” воспринял не так, как ты ожидала. Вы расстались. Личная жизнь — это одно, а работа есть работа! Четыре года вы работали на органы местного управления, по прошествии которых стали лучшей командой всего Мартериуса. Осенью 221 года ваше благородное правительство раздавало всем путёвки в турне по космическим просторам... Много тогда мартерианцев погибло! Вы спасали всех. На Земле их было больше всего. Когда вывезти осталось последнюю группу, ваша старушка “Звёздочка” сдала. Корабль разбился. Всех пассажиров раскидало по разным уголкам Земли. Способа вернуться больше не существовало...

Я внимательно слушала его рассказ, в моей голове как будто всё вставало на свои места, память возвращалась ко мне, лица, образы знакомых людей, события, всё наконец нашло логику бытия в моём сознании. Многие картины этого мира, которые я искала и относила к своей потере памяти после аварии, теперь возобновились.

— Теперь мне известно, какой вред приносят токсины в местном кислороде, но я нашёл переходный туннель, восемь бессонных лет я потратил на поиски туннеля и тебя! Посмотри, что сделал со мной кислород. — Марчело встал к окну и убрал марлю. Вся действительность перевернулась с ног на голову. Ведь аномалий нет, так? Но... Верхняя часть головы существовала

отдельно от шеи, плеч, рук, тела, которое передвигалось на двух ногах, но подбородка, губ, носа — не было вовсе.

Стоя всё там же, возле окна, он отдёрнул штору. Вместо солнечного летнего дня, вместо элитного района и тенистой улицы, по которой двадцать минут назад я шла, представилась совершенно иная картина — лес, снег, тот самый снег, сверкающий на солнце.

— Это наш дом. Тот дом, где мы жили с тобой, Хельга. Я знаю, чего ты сейчас хочешь. Ты хочешь стать радугой, полететь вверх к облакам и солнцу, а потом вниз, раствориться в этой гармонии. — Он говорил совершенно спокойно и, кажется, был уже готов к любому ответу, как будто выполнил свою миссию летописца. Я решила ответить честно:

— Ты прав. Но разве это возможно? Разве я могу полететь?

За всю свою жизнь я никогда не рисковала по-крупному, боялась перемен и долго не могла к ним привыкнуть. Вся моя жизнь была неточной, колеблющейся из стороны в сторону, ни одного дела не было доведено до конца, преобладало только чувство собственной значимости перед миром. Я поверила этому чудаку-гипнотизёру, с глазами синей журавлиной стаи...

12 апреля 1983 года. Джонни, милый мальчик, шёл по улице, читая свежую сводку новостей и не веря своим глазам: "... Хельга Парене и Марчело Лачетто были в тайном сговоре против секты.

... Сегодня утром полиция обнаружила их трупы под окном дома мистера М. Лачетто".

P. S. — Милый, посмотри, я лечу!!! Ты видишь?

— Да, Хельга, вижу! Сейчас заканчиваю рисовать, идём обедать.

— А Анику ты забрал?

Марчело рассмеялся громким раскатистым смехом:

— Конечно, дорогая, ты летаешь вторые сутки! Крылья нынче не реставрируют, мастер уехал, а нового ещё не прислали, давай заканчивай, обед стынет.

г. Новосибирск.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 06.09.2008 г.

Подписано к печати 09.10.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 4782.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.